

Г. П. Шатрова

ДЕКАБРИСТЫ
И
СИБИРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск - 1962

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. В. КУИБЫШЕВА

Г. П. ШАТРОВА

ДЕКАБРИСТЫ
И
СИБИРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1962

Редактор доц А. П. Бородавкин

ВВЕДЕНИЕ

Героическая деятельность первых дворянских революционеров уже со середины XIX в. привлекла к себе внимание историков

С В Максимов, А И Дмитриев-Мамонов, М И Семеновский познакомили читателей с условиями жизни декабристов в Сибири и той общественно полезной деятельностью, которой они занимались на поселении.

Однако в силу либерально-идеалистической трактовки сущности движения декабристов дореволюционные историки оказались не в состоянии понять и вскрыть политическую направленность практической деятельности декабристов и рассматривали ее только в плане широкой благотворительности и культуртрегерства. При этом они изображали декабристов как людей, «искупавших свои заблуждения» тяжелыми испытаниями каторги и ссылки и не имеющих ничего общего не только с революционными взглядами, но и с либерализмом.

Совершенно с иной точки зрения к движению декабристов подходили создатели качественно новой революционной концепции декабризма А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Они раскрыли облик декабриста-революционера, беззаветно преданного своему отечеству и не изменившего своим идеалам в рудниках Сибири

Однако в силу того, что А. И. Герцен и Н. П. Огарев сами принадлежали к поколению дворянских революционеров и в силу скудности источников, имевшихся в их распоряжении, они не смогли дать до конца научно-объективную оценку декабризма.

Только В. И. Ленин дал единственно правильную марксистскую концепцию истории движения декабристов.

В. И. Ленин раскрыл классовую природу и политическую сущность декабризма, дал ключ к уяснению причин поражения восстания и показал его историческое значение в развитии освободительного движения в России XIX века.

В. И. Ленин не останавливался специально на сибирском периоде жизни первых дворянских революционеров и не оставил своей оценки движения после восстания 14 декабря 1825 г. Несмотря на это, основополагающие суждения В. И. Ленина о сущности движения декабристов, о трех поколениях в русском революционном движении и преемственной связи между ними дают возможность правильно понять и осмыслить дальнейшую эволюцию декабризма после поражения, в сибирский период его развития.

Однако глубоко марксистские суждения В. И. Ленина, высказанные еще в начале XX в., не были приняты историками дореволюционного периода. К сожалению, не нашли они глубокого раскрытия и в трудах советских историков. Так, до сих пор не сделано попытки проследить изменение идей декабризма в условиях дальнейшего кризиса крепостнической системы хозяйства и обострения классовой борьбы внутри страны во второй четверти XIX века. Поэтому преемственная связь декабристов с последующим поколением революционеров не выявлялась и не изучалась, она искусственно прерывалась

В этом отношении очень показательна книга В. Н. Соколова «Декабристы в Сибири», изданная Новосибирским книжным издательством в 1946 г. По мнению автора этой книги, декабристам, исчерпавшим свою революционность 14 декабря, после поражения восстания не нашлось идейного места на Родине. В Сибири они также оказались «не у дел», «за штатом», тем более, что здесь они нашли все то, чего добивались в России: отсутствие крепостного права, дворянского душевладения. Поэтому борьбу им вести, кроме как со взяточничеством и лихоимством, было не с чем и не с кем¹⁾.

Оказавшись «не у дел», честные дворянские революционеры, по словам Соколова, «спустились на последнюю ступень социальной лестницы» и занялись одним — устройством своей беспоместной жизни²⁾.

Поскольку это были передовые и просвещенные люди, то в силу своих огромных знаний, культуры, технических навыков, наконец, организацией личных хозяйств, основанных на достижениях науки и техники, они явились кладом для сибирской буржуазии, нуждавшейся во всем этом. Результатом всего этого и было известное культурное влияние на население края, преимущественно на сибирскую буржуазию, ибо с крестьянством у них мало было «точек близкого соприкосновения»³⁾.

¹⁾ В. Н. Соколов, *Декабристы в Сибири*, Новосибирск, 1946 г., стр. 219

²⁾ Там же, стр. 217

³⁾ Там же, стр. 159

Деятельность декабристов в Сибири, по мнению Соколова, не только не носила характера политической борьбы с существующими порядками, но вообще лишена была какой-либо целеустремленности и политической направленности.

В книге Соколова имеют место и правильные характеристики декабристов, особенно тех, которые после поражения восстания отказались от революционных взглядов. Автором проделана большая и полезная работа по составлению таблицы, в которой собраны и систематизированы основные сведения о каждом декабристе и т. д.

Однако предвзятый и некритический подход к мемуарному наследству декабристов, слишком ограниченный круг использованных архивных материалов привели автора к неверному, извращающему историческую действительность, изображению жизни и деятельности декабристов в Сибири.

Другие исследователи, как Б. Г. Кубалов, М. К. Азадовский, Ф. А. Кудрявцев, С. Я. Штрайх, Л. Чуковская, М. Ю. Барановская, М. М. Богданова, А. Г. Лушников, Е. Д. Петряев, А. Панчуков, Ф. Сафронов, А. Малютина, П. Г. Рындзюнский, Е. Владимиров, А. Т. Базанов и Н. Т. Казанский, Саблин, Войтик, Н. П. Федоров и многие другие, показали тот вклад, который внесли декабристы в экономическое и культурное развитие края путем введения новых сельскохозяйственных культур, распространения передовых методов ведения хозяйства, технических знаний и навыков ремесла, изучением флоры и фауны края, обучением молодого поколения грамоте, наконец, пробуждением у местной интеллигенции интереса к литературе, общественным проблемам и передовым идеям века.

Особенно ценно то, что все эти исследователи справедливо подчеркивали, что именно с декабристов начинается великая культурная роль политической ссылки в Сибири.

К сожалению, никто из них не поставил вопроса об эволюции взглядов декабристов после 14 декабря 1825 г., об анализе причин поражения восстания, извлечении уроков из него и идеалах декабристов в период пребывания в Сибири. Лишь в самое последнее время исследователями (Базановым, Русным, Кокошко и другими) были высказаны замечания и предположения о том, что декабристы в сибирский период пытались переосмыслить свое отношение к народу, стали чаще размышлять о причинах своего поражения⁴⁾.

⁴⁾ В. Базанов, *Очерки декабристской литературы*, изд. Госхудлит, М., 1953 г., стр. 353. Русин В. Н., *Революционные традиции декабристов Южного общества*, Известия Крымского педагогического института, Крымиздат, 1957 г., т. XXIII, стр. 39. Кокошко В. Т., *Вступительная статья Записки княгини М. Н. Волконской*, Чита, 1956 г., стр. 22.

Павлова и Боборыкина, занимаясь изучением мировоззрения и деятельности Н. Бестужева, также показали эволюцию его взглядов в сторону утопического социализма.

Однако Павлова и Боборыкина в оценке роли народных масс в историческом процессе преувеличили достижение мысли декабриста.

Так, Павлова считает, что Н. Бестужев понял « решающую роль народных масс в истории»⁵⁾, а в своей опубликованной работе «Декабрист Н. Бестужев — историк русского флота», несмотря на оговорки, не только повторила свой вывод, но пошла дальше, утверждая, что Н. Бестужев пришел к пониманию того, что « народные массы являются подлинными творцами истории»⁶⁾.

Боборыкина же считает, что Н. Бестужев идею революции «... с участием народных масс развивал еще до 14 декабря»⁷⁾ и что в сибирский период он пришел к идее народной революции.

С подобными утверждениями нельзя согласиться. Судя по статьям Н. Бестужева, написанным в период пребывания в Сибири, он не понимал движущих сил народной революции и был далек от понимания той народной революции, за которую ратовали революционеры-демократы Чернышевский и Добролюбов, хотя и нельзя не отметить, что мысль Н. Бестужева в разрешении вопроса о путях свержения самодержавно-крепостнического строя развивалась в сторону революционной демократии.

Из неопубликованных работ сибирскому периоду жизни декабристов посвящена кандидатская диссертация Л. Сокольского «Декабристы в период сибирской ссылки и после «амнистии» (1840—1860 гг.)», М., 1954 г. Исследование Сокольского имеет то положительное значение, что автор выводит, если можно так сказать, сибирский период жизни декабристов из рамок краеведения. Сокольский поднимает вопросы отношения декабристов к передовой общественности России 40—60-х годов XIX века, анализирует их высказывания по важнейшим общественно-политическим событиям 40—60 годов и в связи с этим касается вопроса эволюции взглядов декабристов на разрешение крестьянского вопроса и проблемы народа.

Однако автор диссертации неоправданно недооценивает значение периода каторги — как для самих декабристов, так

⁵⁾ Г. Павлова, Декабрист Н. А. Бестужев, Мировоззрение и общественно-политическая деятельность, Л., 1952, автореферат, стр. 11.

⁶⁾ Г. Павлова, Декабрист Н. Бестужев — историк русского флота, М., 1953, стр. 70.

⁷⁾ Е. Е. Боборыкина, Декабрист Н. Бестужев, Революционная деятельность и общественно-политические воззрения, Л., 1955, автореферат, стр. 10.

и для общественного движения 30-х годов XIX века. Он пишет. «Во время отбывания срока каторги декабристы находились в таких условиях, которые совершенно исключали возможность их общения с внешним миром. Поэтому 10-15 летний период их каторги по существу выпадает из их общественной жизни»⁸⁾.

Недооценка этого важнейшего периода в жизни декабристов, когда происходило углубление взглядов на разрешение аграрного вопроса, совершался пересмотр отношения к народу, анализировались причины поражения восстания, вырабатывалась новая тактика и т. д., не позволили автору вскрыть закономерности и причины изменения взглядов декабристов. Сокольскому пришлось в сущности ограничиться лишь перечислением этих изменений. В силу этой же причины Сокольский и в оценке практической деятельности декабристов не смог подняться над теми точками зрения, согласно которым деятельность декабристов рассматривалась как их «стремление в любых условиях быть полезными родине и народу»⁹⁾, т. е. очень абстрактно, как культурно-просветительная работа вообще, без попытки вскрыть ее политическую направленность.

Шире проблемы декабристского движения после поражения восстания поставлены в двухтомной монографии профессора М. В. Нечкиной «Движение декабристов», М., 1955 г.

М. В. Нечкина высказала плодотворную мысль о том, что в сибирский период у декабристов «...идет дальнейшая разработка их опыта и приобретение нового, осуществляется подъем движения на новую ступень»¹⁰⁾.

К сожалению, проблемы, связанные с эволюцией взглядов декабристов, рассматриваются автором монографии очень кратко, в заключении главы. Вопрос же о том, в каком плане происходило обсуждение причин поражения самими декабристами, как уроки, извлеченные декабристами из впервые ими поднятого вооруженного восстания, в условиях дальнейшего кризиса крепостной системы хозяйства отразились на эволюции их мировоззрения и на всей последующей практической деятельности в Сибири, не явился предметом специального исследования советских историков.

Не привлек к себе внимания и вопрос о взглядах декабристов на Сибирь, перспективы ее развития и место в системе

⁸⁾ Л. Сокольский, Декабристы в период Сибирской ссылки и после «амнистии» (1840—1860 гг.), М., 1954 г., стр. 2, автореферат

⁹⁾ Л. Сокольский, Декабристы в период сибирской ссылки и после «амнистии» (1840—1860 гг.), М., 1954 г., стр. 5, автореферат

¹⁰⁾ М. В. Нечкина, Движение декабристов, АН СССР, М., 1955 г., т. II, стр. 428

Российской империи. А между тем, эта проблема имеет большое значение. Только анализ взглядов декабристов на Сибирь: состояние ее сельского хозяйства, промышленности, производственные возможности, образование и просвещение, увязанные с общей эволюцией взглядов декабристов после поражения восстания и извлечением уроков из него, — помогут правильно понять их практическую деятельность на поселении, определить роль и значение в общественно-политической борьбе против царизма, определить место декабристов в общественно-политическом движении России после 14 декабря 1825 г. Автор предлагаемой вниманию читателей книги, на основе документальных материалов, хранящихся в Центральном государственном архиве в Москве (ЦГИМ), Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде (ИРЛИ), отделе рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина (ОРЛБ), Государственном историческом музее в Москве, отделе письменных источников (ГИМ ОПИ), областном Государственном архиве г. Иркутска, опубликованных и неопубликованных мемуаров и статей декабристов, поставил перед собой задачу попытаться выявить еще не изученный советскими историками новый этап в развитии декабризма.

Цель работы заключается в том, чтобы показать:

1) в чем сами декабристы видели причины неудачи 14 декабря 1825 года, 2) как изменились их взгляды после поражения восстания на крестьянский вопрос и проблему народа, 3) осветить их взгляды на Сибирь и выяснить программу экономического и культурного подъема Сибири, разработанную ими в сибирский период жизни и деятельности.

При этом мы не ставим задачу всесторонне исследовать мировоззрение декабристов в сибирский период их жизни и деятельности, ибо это не под силу одному человеку.

Из книги сознательно исключены вопросы эволюции философских взглядов декабристов после поражения восстания, их взгляды на государственное устройство России, а также их деятельность на поприще литературы и многие другие, которые могут явиться предметом специального исследования.

ГЛАВА I

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРСКИЙ ПЕРИОД ИХ ЖИЗНИ

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОГРАММЫ ДЕКАБРИСТОВ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 14 ДЕКАБРЯ 1825 Г.

В И. Ленин, определяя историческое место и значение декабристов в освободительном движении России, писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен.

Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом, «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря»¹¹⁾.

В другой своей статье «Из прошлого рабочей печати в России», написанной в 1914 г., В. И. Ленин характеризует декабристов, как выдающихся революционных деятелей дворянского периода

«Освободительное движение в России, — говорил В. И. Ленин, — прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно в 1825 г. по 1861 г.; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 г. по 1895 г.; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время. Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен»¹²⁾.

¹¹⁾ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., изд. 4, т. 18, стр. 14—15.

¹²⁾ В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати в России, Соч., изд. 4, т. 20, стр. 223.

Следовательно, декабристы, по определению В. И. Ленина, были дворянскими революционерами, ибо вышли из среды правящего дворянского сословия и несли в себе пережитки старого феодального миросозерцания.

Но вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал их революционность, поскольку они отрицали существующий феодально-крепостнический строй, стремились разрушить, насильственно испровергнуть его при помощи оружия.

Советские исследователи, вооруженные методом марксизма-ленинизма, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, всесторонне и плодотворно изучают движение декабристов.

Многочисленные труды М. В. Нечкиной, Н. М. Дружинина, Б. С. Сыроечковского, С. Н. Чернова, К. А. Пожитнова, последние исследования М. В. Нечкиной и С. М. Фаеиштейна по изучению «Русской Правды», работа Е. А. Прокофьева в области изучения военных взглядов декабристов и многие другие исследования позволяют составить довольно полное и глубокое представление об истоках движения декабристов, формировании их взглядов, программе преобразования России, ходе восстания 14 декабря и причинах его поражения.

Причины движения декабристов и источники формирования их идеологии лежат в русской действительности в кризисе крепостного хозяйства в начале XIX века, который усиливался по мере развития капиталистических отношений в недрах старого феодального способа производства, в обострении классовой борьбы, особенно после 1812 г. (массовые выступления крестьянства, солдат и военных поселян).

Значительное воздействие на формирование революционной идеологии декабристов оказала русская революционная традиция (произведения Радищева и радищевцев), а также изучение западноевропейских философов, политэкономов: Вольтера, Монтескье, Смита и революционного движения на западе (буржуазной революции конца XVIII века, испанской революции 1820 г., революций в Неаполе, Пьемонте, Греции).

Отечественная война 1812 г., вызвавшая огромный национальный и патриотический подъем, окончательно разбудила их политическое сознание и ускорила процесс формирования антикрепостнических взглядов.

Все эти факторы обусловили не только выступление 14 декабря, но и оказали решающее значение на разработку программы преобразований России, которая изложена была в трех основных документах декабрьского движения: «Русской Правде» Пестеля, конституции Никиты Муравьева и «Манифесте к русскому народу», составленном членами Северного общества при участии Трубецкого.

«Русская Правда» Пестеля провозглашала уничтожение старого самодержавного, крепостнического строя, объявляла

равенство всех перед законом и установление республики в России.

После революционного уничтожения старых порядков Россия объявлялась демократической республикой.

«Русская Правда» провозглашала немедленное уничтожение крепостного права в России.

«Рабство, — говорилось в ее втором варианте, — должно быть решительно уничтожено и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»¹³⁾.

Замечательным в «Русской правде» было то, что она как в первом, так и во втором вариантах провозглашала освобождение крестьян с землею.

Исходя из немедленного уничтожения крепостничества, Пестель часть отобранной у помещиков земли передавал бесплатно в пользование крестьянства. Однако он полагал, что другую часть земли следует оставить в собственности помещика.

Дворянскому революционеру Пестелю так и не удалось преодолеть пережитков феодального мировоззрения. Частичной конфискацией земли он лишь затрагивал доходы дворян и делал подкоп под экономическую основу их социально-политического могущества. «Русская Правда» Пестеля лишь ограничивала помещичье землевладение, но не уничтожало его.

Несмотря на свою ограниченность, «Русская Правда», провозглашавшая уничтожение феодально-абсолютистского строя и намечавшая значительное ограничение помещичьего землевладения, являлась для своего времени выдающимся революционным документом. Введение в жизнь ее положений открыло бы путь развитию капиталистических отношений в России, что для того времени несомненно было прогрессивным явлением.

Вторым документом, выражавшим программу умеренного крыла декабристов, была конституция Никиты Муравьева, не являвшаяся, в отличие от «Русской Правды», общепринятым документом Северного общества.

В конституции Никиты Муравьева резче выступают черты классовой ограниченности. Его проект устанавливал высокий имущественный ценз.

Полные политические права предоставлялись лишь владельцам сравнительно крупного недвижимого и движимого имущества. Правом выборов пользовались граждане, владеющие движимым или недвижимым имуществом на сумму не менее 500 рублей серебром. Правом же быть избранными:

¹³⁾ П. И. Пестель, Русская Правда, СПб., 1906 г., стр. 66

пользовались только лица, обладающие крупным состоянием. Так, например, чтобы быть избранным в Верховную Думу, надо было обладать движимым имуществом не менее чем на 60 тысяч рублей серебром.

Таким образом, рабочие и крестьяне в массе своей были лишены права участия в политической жизни страны.

Уничтожая самодержавие, Никита Муравьев оставлял императора с жалованием в 8 млн. рублей в год и наделял его исполнительной властью, хотя и ограничивал в правах. Правда, есть указание на то, что автор конституции соглашался на изгнание императорской фамилии и введение республиканского строя в случае несогласия царя принять конституцию. Однако сам автор рассматривал это как крайнее средство.

Конституция Никиты Муравьева так же, как и «Русская Правда», провозглашала уничтожение крепостного права. Но в решении аграрного вопроса она проявляла еще большую ограниченность, чем «Русская Правда», даже в ее первом варианте.

Земля признавалась помещичьей собственностью, в силу чего крестьяне при освобождении получали мизерный двухдесятинный надел, который не мог, конечно, обеспечить крестьянину самостоятельное существование.

Однако уничтожение самодержавия и освобождение крестьян от крепостного права нанесли бы удар по феодально-абсолютистскому строю и ускорило бы развитие капиталистических отношений, что являлось крупным шагом по пути общественного развития России.

Умеренный проект Н. Муравьева не удовлетворял более радикально настроенных членов Северного общества, группировавшихся вокруг Рылеева (братьев Бестужевых, Оболенского, Каховского и других).

Исследователь декабризма Н. М. Дружинин указывает, что в рылеевской группе раздавались голоса о необходимости наделения крестьян землей и что здесь выражалось прямое сочувствие проекту Пестеля и выдвигалась задача превращения русского крестьянства в класс самостоятельных собственников, политически равноправных и, следовательно, составляющих основную политическую силу государства¹⁴).

Как известно, с сочувствием и интересом к разрешению аграрного вопроса Пестелем о наделении крестьян землей и разделе помещичьих земель относились Рылеев, Оболенский. Но это не значит, что все члены отрасли Рылеева разделяли аграрный проект Пестеля. Он являлся темой бесед и дискус-

¹⁴) Н. В. Дружинин, Программа северных декабристов, Известия АН СССР, серия философии и истории, 1951 г., т. VIII, № 1, стр. 42

сий среди декабристов и особенно на последнем этапе их движения. Открытыми противниками его были Н. Муравьев, Тургенев, Трубецкой. Однако новая намечающаяся программа Рылеевской группы не получила окончательного оформления и не вылилась в форму политического проекта конституции Члены Северного общества вышли в день восстания с «Манифестом к русскому народу», имеющим большое значение для понимания тактики декабристов и взглядов рылеевского крыла в Северном обществе¹⁵). 14 декабря 1825 г революционные войска были выведены на Сенатскую площадь с тем, чтобы принудить Сенат отказаться от присяги Николаю I и принять «Манифест», в котором были намечены меры революционного преобразования России. «Манифест» не определял будущего государственного устройства России, но он решительно заявлял о необходимости уничтожить бывшее правление и учредить Временное новое до «установления постоянного». Вопрос же о форме власти — республике или конституционной монархии — должно было решить учредительное собрание

«Манифест» провозглашал уничтожение права собственности, «распространяющееся на людей», устанавливал «равенство всех перед законом», провозглашал замену чиновников выборными лицами, нанося тем самым решительный удар по царскому бюрократическому аппарату управления на местах. Но «Манифест» не решал вопроса о земле и не давал ему никакого освещения. Этот вопрос должно было решить Учредительное собрание. В «Манифесте» следовало только объявить, что «...даются равные гражданские права всем условиям», «...не произнося, однако же, слова вольности для крестьян, чтобы тем не сделать возмущения»¹⁶).

Следовательно, северяне не решились объявить о вольности крестьян из боязни развязать революционную стихию народных масс. Они не смогли до конца изжить довлевших над

¹⁵) «Манифест к русскому народу» большинством исследователей (Н. М. Дружининим, М. В. Нечкиной и другими) рассматривается как четвертый этап в разработке буржуазно-революционной программы Северного общества. « призванной служить идеологической опорой перевороту» (см. Н. М. Дружинин, «Программа северных декабристов». Известия АН СССР, серия истории и философии, 1951 г., т. VIII, № 1

По мнению этих исследователей, «Манифест» составлен Рылеевым вместе с Трубецким и представляет собой компромисс между представителями более радикального крыла и умеренным течением Северного общества

Несколько иной точки зрения придерживается Н. Лебедев. Он считает, что «Манифест» написан одним Трубецким и выражает только его взгляды (Лебедев, «Отрасль Рылеева» в Северном обществе, См «Очерки из истории движения декабристов», М., 1955 г., стр. 382—384

¹⁶) Восстание декабристов (материалы), Центрархив, М.—Л., 1925 г., т. I, стр. 107—108

ними феодально-дворянских пережитков и выработать последовательную буржуазную программу. Даже такие члены Северного общества, как Рылеев, Оболенский, Н. Бестужев, которые готовы были принять революционный проект Пестеля, оказались не в силах преодолеть двойственности, колебаний и внутренних противоречий, что и сказалось в создании программного документа, в частности, разрешения ими аграрного вопроса

Несмотря на это, «Манифест» имел прогрессивное значение. Он наносил удар по феодально-крепостническому строю, уничтожал крепостное право и сословность, вводил буржуазные свободы и в целом двигал вперед исторический процесс.

Таково краткое содержание программы движения декабристов, которую они хотели осуществить революционным путем.

Объективно программа декабристов расчищала путь капиталистическому развитию России и стремилась установить более прогрессивный общественный строй, чем крепостнический. Полное ее осуществление привело бы к установлению буржуазно-демократических свобод в стране.

Но дворянские революционеры, очутившиеся изолированными от народа в силу того, что не смогли в своем мировоззрении до конца порвать с тем классом, к которому принадлежали, вышли на борьбу с самодержавием без народа и потерпели поражение. Боязнь народного движения заставила дворянских революционеров пойти по пути военного переворота, осуществляемого силами воинских частей, послушных своим командирам.

Выйдя на Сенатскую площадь с оружием в руках, во имя народа, но без его непосредственного участия и поддержки, декабристы оказались бессильными в борьбе с царизмом.

В силу этого, а в конечном счете, из-за незрелости исторической обстановки для победы восстания, выступление декабристов как в Петербурге, так и на юге было разгромлено. Началось следствие и суд.

§ 2. СЛЕДСТВИЕ И СУД

Официальные дворянские историки Корф, Устрялов, Шильдер и другие, руководствуясь «Донесением Следственной Комиссии 1826 г.», в угоду самодержавию изображали декабристов как кучку злодеев, царубийц и трусов, раскаявшихся в своем преступлении и вымаливавших у царских ног себе прощение.

Особенно изощрялся в этом отношении Корф. В своей клеветнической книге «Восшествие на престол императора Николая» он прямо писал, что злоумышленники сами явля-

лись к императору с «повинной головою» и что он видел, как один из них валялся у ног царя, умоляя о жизни¹⁷⁾)

Живая книга Корфа встретила самое резкое разоблачение Герцена и Огарева на страницах «Колокола». Однако Герцен, разоблачая правительственное изображение участников движения и восстанавливая образ самоотверженного, благородного декабриста-революционера, не мог останавливаться подробно на вопросе поведения декабристов на следствии, так как следственные дела находились под семью печатями и не были ему известны. Но уже тогда Герцен не верил в раскаяние декабристов и всячески подчеркивал верность их своим идеалам, жертвенность их подвига.

Только революция 1905—1907 гг. открыла доступ к архивам. В 1906 г. либерально настроенный буржуазный историк Довнар-Запольский опубликовал ряд показаний и писем из следственных дел участников движения и сделал попытку реабилитировать их поведение на следствии. Причины «недостойного» поведения декабристов Довнар-Запольский, как и другие буржуазные историки, искал не в исторических условиях и не в «дворянской революционности» подсудимых, а в «недостойных следовательских приемах» Николая I, «психической конструкции» обвиняемых. Одни, по его мнению, открывничали потому, что «были горды лгать», другие — как Рылеев, Каховский — были восторженными идеалистами и своею откровенностью как бы хотели вымолить спасение своих друзей¹⁸⁾. Не смог правильно объяснить поведение декабристов на следствии и М. Н. Покровский. Он, как справедливо указывала М. В. Нечкина, всячески «обыгрывал» их раскаяние¹⁹⁾. В своих ранних работах Покровский писал, что одни из декабристов, испытывая «животный страх», чистосердечно раскаялись, другие, как Рылеев, были куплены правительством.

«Николай купил Рылеева, — писал он, — за 2000 рублей, которые он передал его семье на содержание»²⁰⁾.

Позднее, в связи с тем, что у Покровского несколько изменились взгляды на декабристов (Южное общество во главе с Пестелем было признано революционным, а Северное — соглашательским), он стал считать, что «южане» вели себя более достойно по сравнению с «северянами», которые, «уви-

¹⁷⁾ М. Корф. Восшествие на престол императора Николая, СПб, 1851 г., стр. 195.

¹⁸⁾ М. В. Довнар-Запольский, Мемуары декабристов, Киев, 1906 г., стр. X.

¹⁹⁾ М. В. Нечкина, Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского, Сб. Против исторической концепции М. Н. Покровского, М.—Л., 1939 г., стр. 317.

²⁰⁾ История России в XIX веке, изд. бр. Гранат и К°, М., т. I, стр. 131.

дев грозные очи предержавшей власти.., терялись и сразу высыпали все» и тем самым заставляли признаться и «южан»²¹⁾.

Однако до конца дней своей жизни, М. Н. Покровский так и не смог правильно понять и объяснить поведение декабристов в Петропавловской крепости. В 1926 г. в предисловии к брошюре Плечанова «14 декабря 1825 г.» он писал, что Рылеев «предал заговор из шкурных интересов — он искренне разочаровался в нем, когда николаевская картечь разбила его литературные мечты»²²⁾

Советские историки вскрыли ошибки Покровского и отвергли его мнение о «животном страхе» и «корыстных целях», продиктовавших якобы раскаяние декабристов, хотя и признали, что среди них имелась известная часть, которая своим поведением на следствии хотела заслужить прощение царя и спасти себе жизнь

Однако объяснение причин «недостойного» поведения участников движения было перенесено не в область анализа исторических условий и дворянской революционности, которые в конечном счете и определили их поведение, а в область методов следствия, инквизиторских приемов царя-сыщика, блестящей актерской игры нового императора.

В связи с этим получила широкое хождение точка зрения Щеголева, согласно которой «нестойкость» и откровенность декабристов на следствии объяснялись тем, что царю удалось обмануть участников движения, сыграть роль царя-патриота, царя-реформатора, чуть ли не их единомышленника, плачущего вместе с заговорщиками над бедствиями отчизны и страстно жаждущего исправления всех зол²³⁾. Безусловно, все эти приемы Николая I оказали свое влияние на декабристов, но не в этом крылась главная причина «недостойного» их поведения на следствии.

Так, Вержбицкий в работе, написанной в 1951 г., поведение П. Г. Каховского на следствии объяснял следующим образом: «Оболенный лживым расположением» и «заботами» царя, в своих показаниях на допросах, учиненных Николаем I, и в письмах к последнему, а также в Следственный Комитет, он рассказал о существовании Тайного общества, назвал некоторых его участников»²⁴⁾. По существу, такой же точки зрения придерживался и В. Н. Соколов. В своей книге «Де-

²¹⁾ М. Н. Покровский. Декабристы, Сб статей, М—Л, 1957 г., стр. 90.

²²⁾ Там же, стр. 57.

²³⁾ П. Е. Щеголев. Декабристы, II, 1920 г., стр. 13, или Петр Г. Каховский, Историко-революционная библиотека», 1921 г., стр. 55—56

²⁴⁾ В. Г. Вержбицкий, В. С. Орлов, Декабристы смоляне, Смоленская область, Госиздат, 1951 г., стр. 71, стр. 55—56.

кабристы в Сибири» он писал, что Николай, пользуясь безвыходным отчаянием декабристов, играя на их социальной неоднородности, психической депрессии, геронческой романтике, «Отечески упрекая, убеждая, угрожая, обманывая, снабжая бумагой для излияния каждого в отдельности, — он вытряхивал из них нужные ему показания»²⁵⁾

Гернет в своем многотомном труде «История царской тюрьмы большую роль в «недостойном» поведении декабристов, наряду с блестящей игрой Николая I, отводил инквизиторским приемам следствия. Даже параграфы, под которыми излагается вопрос поведения декабристов в Петропавловской крепости, у Гернета озаглавлены «Царь в роли следователя и сыщика», «Царь-тюремщик» и т. д.²⁶⁾

Подобная трактовка вопроса о поведении декабристов на следствии с различными вариациями или в сторону актерской игры Николая I, или в сторону недопустимых инквизиторских приемов Следственной Комиссии, или желания предать гласность своим идеям оставалась господствующей в самых новейших исследованиях о декабристах²⁷⁾.

И лишь в самое последнее время в только что вышедшем двухтомном труде М. В. Нечкиной «Движение декабристов» дана правильная постановка этого вопроса. М. В. Нечкина пишет: «Поведение декабристов на следствии было различно. Многие из них не проявили революционной стойкости, потеряли почву под ногами, каялись, называли имена. Хрупкая дворянская революционность легко надламывалась перед лицом победы царизма, общего разгрома движения, полной гибели планов и массовых арестов участников»²⁸⁾

Однако, правильно «поставив вопрос о хрупкости дворянской революционности» декабристов в период следствия и особенностях их «покаянного» поведения в тюрьме, М. В. Нечкина не раскрыла причин этой «хрупкости» и не показала, в чем она конкретно выразилась, кроме «раскаяния и названия имен» отдельных участников движения. Наконец, не показав

²⁵⁾ В. Н. Соколов, Декабристы в Сибири, Новосибирск, 1946 г., стр. 51—52.

²⁶⁾ М. Гернет, История царской тюрьмы, М., 1951 г., т. II, стр. 104—108.

²⁷⁾ Желанием «высказаться» в «последний раз» и состоянием «психоза», вызванном инквизиторскими методами следствия еще в 20-х годах объяснял откровенные признания декабристов С. Гессен (Декабристы перед судом истории (1825—1925 гг.) Л.—М., изд. Петроград). Безусловно, эти факты имели место среди подследственных и оказали свое влияние на ход следствия, но только ими объяснять и оправдывать поведение декабристов, как это делал С. Гессен — не убедительно, а главное — при подобном объяснении затушевывается и не вскрывается истинная причина «недостойного» поведения декабристов на следствии.

²⁸⁾ М. В. Нечкина, Движение декабристов, Изд. АН СССР, М., 1955 г., т. II, стр. 397.

но и не объяснено, в чем же выразилось раскаяние. в том ли, что они поняли ложность выдвинутых ими требований и напрасно поднялись против самодержавия, или же они раскаялись в средствах, которыми пытались достичь осуществления своей программы?

Ответов на эти вопросы М. В. Нечкина не дает.

Ссылаясь на то, что о стойкости декабристской идеологии нельзя судить только на основании фактов, относящихся к пребыванию декабристов в Петропавловской крепости, а нужно брать факты, относящиеся и к последующему периоду их жизни, на примере Никиты Муравьева она пришла к выводу: «Совокупность эта явно говорит за то, что, несмотря на покаянные срывы во время следствия, Никита Муравьев все же не стал защитником идеологии «православия, самодержавия и народности», официальной идеологии царизма в 1830—1840 гг. Нет, его дворянско-революционная идеология в целом проявила несомненную устойчивость и осталась характерной для него в последующее время»²⁹).

Но можно ли то же самое сказать о Беляеве, Якубовиче, активных участниках восстания: Фаленберге, Бобрищеве-Пушкине, Фролове и других рядовых декабристах, хотя и не ставших открытыми защитниками самодержавия, но и не имеющих ничего общего с революционной стойкостью в сибирский период жизни?

Поэтому, чтобы выяснить хотя бы общее направление развития взглядов декабристов после поражения восстания, возникает необходимость несколько подробнее коснуться вопроса поведения участников движения в Петропавловской крепости.

Движение декабристов было единым целым, несмотря на внутренние противоречия и различного рода двойственность и колебаний. В силу этого и к поведению декабристов на следствии нужно подойти как к единому общественному явлению. При этом необходимо помнить, что на суд вышли первые дворянские революционеры с большим грузом феодальных пережитков в своем мировоззрении, программе и тактике революционного преобразования страны. Именно этот груз привел их к тому тупику, в котором оказались дворянские революционеры на следствии. И причина «недостойного» их поведения лежит, главным образом, не в актерской игре Николая I. не в физических и моральных пытках, как думали Щеголев, Гернет, Соколов и другие, хотя и они имели свое значение, не в отдельных «срывах» и колебаниях революционной стойкости, а в том глубоком тупике, кризисе, в который завела декабристов тактика военной революции.

²⁹) М. В. Нечкина, Движение декабристов, АН СССР, М., т. II, стр. 399

Уже накануне восстания у участников движения возникло сомнение в тех силах, которые должны были явиться главной и единственной опорой переворота.

Дело в том, что по мере приближения восстания надежда на целые полки, которые должны были принять участие в восстании, поколебалась.

Многие офицеры, полковники, на которых рассчитывали декабристы, стали уклоняться от участия в восстании.

И. Д. Якушин в своей статье «14 декабря» на основании рассказов участников восстания свидетельствовал, что уже 12 декабря, когда у Оболенского собрались депутаты от полков, на вопрос его «...сколько каждый из них уверен вывести на Сенатскую площадь? Они все отвечали, что «...не могут поручиться ни за одного человека». Было положено, что каждый выведет столько, сколько для него будет возможно³⁰⁾.

Именно в эти дни, когда в силу внезапности и неподготовленности выступления стало выясняться, что никто не может ручаться за выход полков на площадь, была поколеблена вера в успех восстания, и сама жизнь отметала тактику военной революции.

Теряя надежду на военную силу, являвшуюся главным и единственным средством в плане революционного преобразования России, декабристы начали искать дополнительные резервы и средства, которые обеспечили бы победу над самодержавием.

Накануне восстания Рылеевым был разработан план, который заключался в том, что если восставшие потерпят поражение, они должны будут отступить к новгородским военным поселениям и постараться поднять их. Если же им это не удастся сделать, тогда «уж идти во внутренность России и объявить вольность крестьянам»³¹⁾.

Наконец, в самый канун восстания Рылеев и братья Бестужевы решили написать прокламации к войскам, с тем, чтобы ночью распространить их по казармам. Однако этот способ пропаганды показался неудобным. Они приняли решение пойти по улицам Петербурга и агитировать солдат. Декабристы подходили к каждому часовому, останавливали каждого солдата и говорили им, что их «обманули, не показав завещания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба»³²⁾.

³⁰⁾ И. Д. Якушкин, 14 декабря. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 г под ред. Ю. Т. Оксмана, С. Н. Чернова М., 1931 г., т. I, стр. 168.

³¹⁾ Восстание декабристов. Материалы, М.—Л., 1926 г., т. II, стр. 73.

³²⁾ Воспоминания Бестужевых, АН СССР, Изд. под ред. М. К. Азадовского 1951 г., стр. 30—31.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в самый канун восстания декабристы, по всей вероятности, не сознавая того сами, фактически начали отступать от тактики военной революции. Однако в эти дни они не могли еще до конца понять всю несостоятельность и ложность избранного ими способа уничтожения самодержавия и крепостного права.

В этом убеждает тот факт, что если декабристы и подумали об использовании военных поселян и крепостных крестьян России, то в день восстания они не обратились за помощью к многочисленной толпе народа, собравшейся на площади. Не сумев до конца понять пагубность своей тактики, декабристы, имея мало шансов на успех восстания и отлично понимая это, все-таки решили начать его, хотя бы с той целью, чтобы огласить свои идеи и разбудить молодое поколение к новой жизни.

«Да, мало видов на успех, но все-таки надо, все-таки надо начать, -- говорил Рылеев, -- принесем собою жертву для будущей свободы отечества»³³).

Поражение восстания со всей неумолимой жестокостью показало участникам движения неподготовленность их выступления и должно было заставить пересмотреть тактику и всю деятельность тайного общества. Каждый из декабристов в отдельности тяжело пережил кровавую расправу царизма с восставшими войсками. Часть из них, не имевшая твердых революционных убеждений, оказалась не в силах разобратся в причинах своей неудачи. В условиях поражения восстания лицемерного поведения Николая I и инквизиторских приемов следствия декабристы Трубецкой, Беляев, Веденяпин, Бобринцев-Пушкин, Фаленберг, Свистунов, Семенов, Оболенский, Одоевский, Горбачевский и другие уже в Петропавловской крепости не только осудили революционный путь борьбы, но и отказались от программы Тайного общества, раскаялись в своем выступлении и дали царю нужные сведения.

Так, А. Беляев, раздумывая над событиями 14 декабря и вспоминая кровь, пролившуюся на Сенатской площади, уже в первые дни следствия пришел к выводу, что «...только с каменным сердцем и духом зла ослепленным умом можно делать революции и смотреть хладнокровно на падающие невинные жертвы и на все бедствия и страдания, с ними сопряженные»³⁴).

Одоевский же квалифицировал свое участие в восстании, как заблуждение «на одних безмоглых мечтаниях основан-

³³) Восстание декабристов, Материалы, М -- I, 1925 г., т I, стр. 37. или Воспоминания Бестужевых, АН СССР, М., 1951 г., стр. 34.

³⁴) А. Беляев, Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом 1805—1850 гг., СПб., 1882 г., стр. 187—188

ное», а Горбачевский, как преступление против законной власти, в которое его ввергли злонамеренные люди³⁵⁾).

Другие участники движения, как Поливанов, Булатов, впали в малодушие и кончили жизнь самоубийством. А. В. Поджио, рассказывая о трагической гибели своих товарищей, в частности о Булатове, замечал: «насколько он был блистательно храбр в поле, настолько был мрачно малодушен в темнице»³⁶⁾. Поджио, сам глубоко переживший разгром восстания и все ужасы одиночного заключения, пытался объяснить, почему же у Булатова, человека «блистательно храброго в поле», наделенного воинским мужеством, не хватило гражданского мужества. И он делал вывод: «Как одно, так и другое дело убеждения»³⁷⁾.

Следовательно, в «психоз» и малодушие впадали те из декабристов, которые в период следствия усомнились в правоте своего дела, не смогли найти в себе сил, чтобы убедиться в закономерности вооруженного выступления против царизма.

Но если менее стойкая часть участников движения, раздавленная неудачей восстания, сдалась на «милость победителя», то передовая часть декабристов не только не отказалась от своего дела, но сделала попытку в какой-то степени осуществить программу Тайного общества.

Рылеев, Каховский, братья Бестужевы, Лунин, Пущин, Борисовы, Батеньков, Волконский и другие и в период следствия не сняли лозунгов, написанных на своих знаменах, не отказались от программы Тайного общества. В ответах на вопросы Следственной комиссии они всячески старались не только оправдать свое участие в Тайном обществе, но и доказать справедливость своих идеалов и закономерность выступления 14 декабря.

Член Общества Соединенных Славян А. Борисов в своих ответах на вопросные пункты писал: «...законы ваши неправые, твердость их находится в силе и предрассудках.. Я откровенно объявил, что сам считаю виновным против самовластного правления, но по своему рассудку не признаю (таким) ни себя, ни кого-либо из своих товарищей»³⁸⁾.

Кондратий Федорович Рылеев на первом же допросе заявил: «Я вам скажу, что я для счастья России полагаю конституционное правление самое выгоднейшим и остаюсь при сем мнении»³⁹⁾. И на протяжении всего периода следствия и

³⁵⁾ Восстание декабристов, М.—Л., 1926 г., т. V, стр. 189, т. II, стр. 246, т. I, стр. 145.

³⁶⁾ И; записок А. В. Поджио. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, М., 1951 г., т. II, стр. 327.

³⁷⁾ Там же, стр. 327.

³⁸⁾ Восстание декабристов, т. V, стр. 85.

³⁹⁾ Восстание декабристов, т. I, стр. 153.

в день казни Рылеев остался верен программе Тайного общества. До самых последних дней своей жизни он считал дело, за которое поднялись декабристы, правым и цепи носил с гордостью. В каземате Петропавловской крепости он писал:

«Тюрьма мне в честь не в укоризну
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей.
Когда пошу их за отчизну»⁴⁰⁾.

Однако неудача восстания заставила передовую часть декабристов уже в период следствия поставить под сомнение правильность тактики военной революции⁴¹⁾.

Рылеев, Каховский, А. Бестужев и другие осознали, что для борьбы с такой силой, как самодержавие, нужны были не такие средства и силы, какими располагало и действовало общество. На первом же допросе 14 декабря Рылеев с огорчением говорил: «Опыт показал, что мы мечтали, полагаясь на таких людей, каков князь Трубецкой»⁴²⁾. И он спешил предупредить бесполезное пролитие крови и гибель членов Южного общества

«Это самое заставляет меня снова, — писал он 16 декабря, — просить принять всевозможные предосторожности и как можно скорее; в противном случае опять прольется кровь и погибнут люди, достойные, может быть, лучшей участи»⁴³⁾.

Еще более ярко осуждение и раскаяние в тактике, избранной тайным обществом, звучало в искреннем признании Каховского: «Намерения мои были чисты, но в способах я вижу заблуждение — я не способен никому изменять. Я не изменил и обществу, но общество само своим своим безумием изменило себе»⁴⁴⁾.

Несостоятельность тактики военной революции начали осознавать и другие декабристы (Н и М. Бестужевы, Лунин, Якушкин, Пущин, Волконский, братья Борисовы), хотя они и не заявляли в период следствия об этом так открыто и откровенно, как это сделали Рылеев, А. Бестужев и Каховский.

⁴⁰⁾ К. В. Дубровский, Историко-революционная хрестоматия, Изд. «Красная звезда», М., 1925 г., стр. 136

⁴¹⁾ Исследователь «Отрасли» Рылеева в Северном обществе Н. Лебедев, касаясь причин поражения восстания на Сенатской площади мимоходом заметил, что декабристы «никогда не заявляли об ошибочности своих стремлений», но признавали ошибочной тактику. (см. «Очерки из истории движения декабристов» под ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского, М., 1954 г., стр. 398). К сожалению, ограничившись изучением деятельности «Отрасли» Рылеева накануне и в день восстания, Лебедев не остановился на периоде следствия и не раскрыл этого важного вопроса в декабристоведении

⁴²⁾ Восстание декабристов, 1925 г., т. I, стр. 152

⁴³⁾ Там же, стр. 154

⁴⁴⁾ Из писем и показаний декабристов под ред. Бороздина, СПб., 1906, стр. 22

Но уже по дороге в Сибирь, Н. и М. Бестужевы, Бярятинский и Горбачевский, рассуждая между собою о дне восстания, говорили: «Не сумели затеянное дело сделать»⁴⁵⁾.

Следовательно, только после пролития крови и полного поражения восстания передовая часть декабристов поняла ошибочность средств в осуществлении программы Тайного общества и раскаялась в них.

Именно так понимали «раскаяние» виднейших участников движения сами декабристы

Розен позднее в своих «Записках декабриста» писал, что в «Донесении Следственной комиссии» были «обдуманно помещены слова Рылеева о раскаянии» и «совершенной перемене образа мыслей» И он утверждал, что перемена образа мыслей Рылеева «относилась к употребленным средствам и орудиям, к принятым мерам», а не заключала «в себе осуждение всего предприятия»⁴⁶⁾

Беззаветно любя свою Родину и думая только о ее неблагоустройстве и невзгодах, руководящее ядро декабристов, уже в период следствия стало мучительно искать путей осуществления своей программы.

Новый царь очень ловко воспользовался этим настроением, тем кризисом, который переживали участники восстания и стал навязывать им мысль о возможности преобразований России сверху и о себе как царе-патриоте, царе-реформаторе.

В своих дописах царь подчеркивал, что желает знать «одну лишь истину», с тем чтобы искоренить причины недовольства, т. е. ликвидировать причины, побудившие их к выступлению, что он также боится за невзгоды Отчизны и чуть ли не их единомышленник, готовый принять решительные меры для искоренения зла, губящего Россию и положить свою жизнь на алтарь отечества

Как утопающий хватается за соломинку, так и Рылеев, Качовский, А. Бестужев и ряд других декабристов, ухватились за то, что «предлагал» им царь Они поверили в возможность преобразований России путем реформы. Именно в этом выразилась хрупкость дворянской революционности и со всюю силою сказался груз феодальных пережитков в мировоззрении декабристов

Эта вера в преобразования сверху, по словам А. Поджио, основывалась на том, что в новое царствование уже было «движение вперед», выражавшееся в том, что Николай I не отвергал в полном объеме всех «стремлений русского ума», т. е. идей декабристов. Но это «движение вперед» принимало

⁴⁵⁾ Цит. М. Ю. Барановская. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954 г., стр. 91

⁴⁶⁾ А. Ф. Розен. Записки декабриста, Лейпциг, 1870 г., стр. 182

неправильный, односторонний характер и его нужно было направить. Кроме того, надежду в новую судьбу России, по словам Поджио, вселяло то, что «..обещанные расстеления не состоялись», что в глазах декабристов также свидетельство вало о признании правительством «тех начал» (идей), представителями и носителями которых они были

И «..мы со всеми увлечениями подсудимого до своего приговора мечтали, обманывались, надеялись»⁴⁷⁾. При этом Поджио настойчиво и убедительно подчеркивал, что они надеялись и мечтали не о своем собственном спасении, а о спасении России, удовлетворении вопиющих нужд Отечества. Ценой своих лишений и страданий они ждали «награды и повышений» не для себя, а для России

«Стойте! Выслушайте и поймите! — писал Поджио. — Надеждались, да! Мы не ожидали повышений, ни наград, а должного соразмерного наказания, соответственного не столько собственно нашей виновности, как вопиющим интересам государства»⁴⁸⁾

Позднее Лунин писал, что некоторые из декабристов «многим откровенничали из желания послужить делу конституции»⁴⁹⁾.

Связав свою судьбу с судьбой всей России, будущее которой после разгрома восстания зависело, по мнению декабристов, от царя, они доверились ему и «...пустились, — как говорил Поджио, — в чистосердечие, в русскую откровенную болтовню»⁵⁰⁾.

Рылеев, А. Бестужев, Каховский и другие из казематов Петропавловской крепости сделали отчаянную попытку осуществить программу Тайного общества «сверху» или, по крайней мере, показать путь, по которому должно идти преобразование страны.

Они писали царю письма из крепости, в которых убеждали, просили, требовали уничтожить самодержавие, отменить крепостное право, водворить гласность и правосудие, реорганизовать армию, создать условия для развития торговли и промышленности

Чтобы толкнуть царя на проведение реформы, декабристы соблазняли царя историческими примерами из прошлого Руси и западноевропейских стран. Они говорили, что преобразования, проведенные им, вызвали бы благодарность русского

⁴⁷⁾ А. В. Поджио, Записки Воспоминания и рассказы деятелей Тайных обществ 1820 г., М., 1931 г., т. I, стр. 67

⁴⁸⁾ А. В. Поджио, Записки Воспоминания и рассказы деятелей Тайных обществ 1820 г., М., 1931 г., т. I, стр. 67

⁴⁹⁾ М. С. Лунин, Сочинения и письма, под ред. С. Я. Штрайха, П., 1923 г., стр. 68

⁵⁰⁾ А. В. Поджио, Записки Воспоминания и рассказы деятелей Тайных обществ 1820 г., М., 1931 г., т. I, стр. 50.

народа, заслуженную славу ему, подобно тому, как ее заслужил Петр Великий, Ярослав Новгородский и Генрих IV во Франции

Письма из крепости — это обвинительный акт против самодержавно-крепостнических порядков. Они дышат подлинным патриотизмом, болью за невзгоды Отечества и искренним желанием исправить беды и возвысить свою Родину. В них как бы нет автора. «Судьба моя решена, — писал Каховский, — не о себе хочу говорить я, но о моем Отечестве, которое пока не остановится биение моего сердца, будет мне дороже всех благ мира и самого неба»⁵¹).

Каховский не просил о помиловании, не заискивал перед императором, напротив, он говорил колкие и обидные слова ему «Мы стремились иметь на престоле полковника»; Батеньков сравнивал его с «болваном», которому раньше приезжавшие из орды баскаки заставляли кланяться, «теперь баскака нет, а кланяться все заставляют! Надо же это когда-нибудь кончить»⁵²). С чувством полного достоинства они рассуждали о горестях Родины и добивались только одного — проведения преобразований и уничтожения порядков, так унижающих их любезное Отечество. Письма из крепости — это стремление декабристов иными путями, иными средствами добиться осуществления хотя бы части своей программы. Это была самоотверженная борьба с самодержавием, но только в новых условиях и новыми средствами.

10 июня 1826 г. был утвержден приговор Верховного уголовного суда. Из пятисот с лишним человек (579), привлеченных к следствию, осуждено 289. Из них 5 человек П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский приговорены к смертной казни. 88 человек сослано на каторгу сроком от 1 до 20 лет; 18 человек на поселение в Сибирь; на житье в Сибирь — 1 человек; к крепостным работам — 4 человека; 15 человек разжалованы в солдаты, 4 — выслано за границу; 124 человека — переведены в другие полки или на другую службу, или под надзор; 21 человек умерли до и во время следствия, а судьба 9 человек неизвестна⁵³).

13 июня 1826 г. приговор Верховного уголовного суда о смертной казни пяти виднейших деятелей декабристского движения был приведен в исполнение.

Декабристы были потрясены: они не думали, что император приведет в исполнение решение Верховного Суда, продик-

⁵¹) Из писем и показаний декабристов, под ред. Бороздина, СПб, 1906 г., стр. 23

⁵²) Цит. Бакай Н., Сибирь и декабрист I С. Батеньков, Труды Томского госуниверситета, 1927 г., стр. 8

⁵³) Восстание декабристов, Алфавит Л., 1925 г., т. VIII, стр. 13–14

тованное, как известно, самим царем. Казнь пятерых товарищей и суровая расправа с ними отрезвила их. С глаз спали пелена, кончились иллюзии в возможность преобразования России сверху. Жестокая расправа царя-палача показала им, что он боится их, что они — смертельные враги самодержавия. И они поняли, что Николай не проведет преобразований России, их программа не будет осуществлена.

«Здесь проложен рубеж, — писал Поджио о значении для взглядов декабристов дня казни, — и стоит черта, резко нас отделяющая от прошлого с настоящим и нашей будущностью! С этой поры мы обновились новыми силами.. и если в виду столбов с перекладиной и замерли наши сердца, то это для того, чтобы забиться боем правильным, возрастающим и непрерывным до конца!.. Много, много нам будет испытаний, но мы их вынесем победно. Наши верования не ослабнут, а окрепнут, и мы останемся верными себе и той России, которая нас так громко отвергла, как тихо и забыла»⁵⁴⁾

«Правота дела, все наши убеждения, верования, — продолжает Поджио, оценивая день казни для их взглядов, — как будто опять ожили, расшевелились, воспрянули при виде такого бесправия, беззакония и насилия назначенного над нами суда, неизвестного для нас»⁵⁵⁾.

В день казни для многих декабристов кончился тот политический кризис, в котором они оказались после поражения восстания. Тот, кто на время поверил в возможность преобразования сверху, снова готов был выступить с оружием в руках.

Вот почему Николай I в письме к матери после казни писал, что «. почти никто из них не раскаялся»⁵⁶⁾.

Период следствия является самым тяжелым временем в движении декабристов. Это был критический момент, когда проверялась идейная закалка каждого и верность революционным идеалам. Не все декабристы вышли из него с честью. Оторванные от народа в силу своей классовой ограниченности и не чувствовавшие за спиной революционного народа в период следствия, они не сумели извлечь правильных уроков из поражения восстания и оказались в глубоком кризисе, который выразился, с одной стороны, в полном отказе части участников движения от революционного преобразования страны (Трубецкой, Беляев, Оболенский и др.), с другой, — в сомнениях в правильности тактики военной революции (Якушкин, Пущин, Борисовы, Волконский), поисках новой и попытке осуществить программу общества путем реформ

⁵⁴⁾ А. В. Поджио, Записки Воспоминания и рассказы деятелей Тайных обществ 1820 г., М., 1931 г., стр. 50—51

⁵⁵⁾ Там же, стр. 24

⁵⁶⁾ П. Е. Щеголев, Декабристы, Госиздат, М.—Л., 1926 г., стр. 291.

сверху (Рылеев, Каховский, А. Бестужев) и, наконец, в известном малодушии части участников движения (Булатов, Поливанов); показания друг на друга (Горбачевский и др.), наговорах на себя (Фаленберг) и т. д.

При этом следует подчеркнуть, что все инквизиторские приемы Николая I и Следственной комиссии давали свои плоды, поскольку царь имел дело с оказавшимися в политическом тупике революционерами. И результат его артистической игры зависел от того, насколько был глубок кризис взглядов того или иного участника движения

§ 3. ССЫЛКА ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРЬ

Большое значение в преодолении кризиса взглядов декабристов имело их невольное путешествие по России и Сибири. Провоз «государственных преступников» из дворян, князей, офицеров, восставших против царя, вызвал огромный интерес среди населения как европейской России, так и Сибири. Отношение различных сословий русского общества к ним было самое различное. Монархически настроенные господствующие слои общества, как правильно указывал Гернет, с враждой и злобой отнеслись к проезжающим «преступникам»⁵⁷⁾. Передовые же люди России и Сибири, народные низы встречали декабристов с огромным радушием и сочувствием.

«Публика догадывалась о причине, по которой мы пострадали, — вспоминал А. Муравьев, — несмотря на оковы, нас всюду встречали с живейшим радушием. С позволения фельдъегеря нас кормили, отказывались получать вознаграждение от представителей власти»⁵⁸⁾.

Полина Анненкова в своих «Воспоминаниях» рассказывала, что когда она возвращалась из Вязьмы, куда ездила к императору за разрешением последовать за своим мужем на каторгу, ее на одной из станций попросил зайти старик-крестьянин. Она вошла в избу и была поражена словами старика: «Я узнал от твоего человека, — говорил крестьянин, — зачем ты ездила к государю. Дело, матушка; Господь сохранит тебя, ведь я знаю, чего они хотели: господа-то хотели нашей свободы, свободы крестьян»⁵⁹⁾.

Народные низы видели в декабристах своих заступников от гнета и произвола помещиков, царя и поэтому встречали и провожали их, несмотря на побои фельдъегерей, «с непокрытыми головами, желали нам, — писал А. Муравьев, —

⁵⁷⁾ М. Гернет, История царской тюрьмы, М., 1951 г., т. II, стр. 157.

⁵⁸⁾ Декабрист Муравьев А., Записки, Изд. Былое, II, 1922, стр. 27.

⁵⁹⁾ Воспоминания Полины Анненковой, М., 1929 г., стр. 113.

счастливого пути»⁶⁰), называли нас своими сенаторами, — вспоминал Лорер⁶¹).

Безусловно, такие встречи, устраиваемые народом в честь декабристов в знак протеста правительству, жестоко расправившемуся с передовыми людьми России, признание народом в лице декабристов своих защитников и того, что они пострадали за правое и благородное дело, имели огромное значение в преодолении того политического тупика, который пережили декабристы в период следствия. Встречи с народом должны были убедить тех, кто испытывал еще колебания после следствия, что дело, за которое они поднялись, правое и путь, избранный ими, — единственно правильный для патриота, страждущего за свое отечество и свой народ.

Проезд по сибирским губерниям и встречи с сибирским населением не только лишней раз убеждали декабристов в правоте избранного ими пути, но окрылили их, вдохнули как бы новую силу.

Отправляясь в Сибирь, многие из декабристов, даже передовые из них, как Н. Бестужев, имели о ней, как правильно указывал еще М. К. Азадовский, самое превратное представление. Сибирь рисовалась им мрачной, холодной страной, покрытой непроходимыми дремучими лесами, с редким, отвергнутым людьми и богом населением, не способным понять и оценить их выступление.

«Я сам, — писал Н. Бестужев к сестре Елене в 1843 г., — ехал в Сибирь по непростительному мне незнанию — смешивать все вместе под одну графу; понятие о ссылке, о Березове, о Нерчинске — север и юг, восток и запад, все это взболтанное вместе рисовало мне очень грязную картину Сибири»⁶²).

Басаргин позднее вспоминал, что когда он узнал, что остальная его жизнь должна будет пройти в этом отдаленном и мрачном крае, то уже «.. не считал себя жильцом этого мира»⁶³).

С такой перспективой ехало в Сибирь подавляющее большинство декабристов. Поэтому во время дороги в Сибирь у многих из них было унылое настроение. Но по мере знакомства с этим отдаленным краем и его населением представления декабристов о Сибири рассеивались. Их поразила роскошная природа края, наличие огромных неиспользованных богатств, развитость сибиряков и то участие, которое они проявляли к ним.

И. И. Пущин считал, что сибиряки «Народ смысленный, довольно образованный, сравнительно с Россией, за малыми

⁶⁰) Декабрист Муравьев А. Записки, II, 1922, стр. 27

⁶¹) Н. И. Лорер, Записки декабриста, Русское богатство, 1904 г., № 6, стр. 63

⁶²) ИРЛИ, ф. 604, (Архив Бестужевых), ед. хр. 9 (5578).

⁶³) Н. В. Басаргин, Записки, Изд. Огни, 1917 г., стр. 74

исключениями, и вообще состояние уравнило: не встречаете большой нищеты»⁶⁴).

И декабристы с торжеством отмечали: «... вот что значит свобода!»⁶⁵)

Еще большее впечатление на декабристов произвели встречи и беседы с простым народом. Описание встреч декабристов с народными массами Сибири нашло свое яркое отражение в рассказе Штейнгеля «Записки несчастного»⁶⁶), написанном в Петровском каземате в 1835 г. Хотя Штейнгель и говорил, что «Записки были составлены со слов В. П. Колесникова (члена Оренбургского тайного общества, находившегося вместе с декабристами в каземате) и рассказывали о его путешествии «по канату» в Сибирь, несомненно в них Штейнгель описал в значительной степени путешествие самих декабристов в Сибирь и те чувства, которые их волновали. Вот как он описывал одну из встреч с народом. «Нас ожидала незабвенная, торжественная минута, — одна из тех, которыми многое окупается в несчастии.

...При выходе нашем на крыльцо ордонан-гауза, весь двор наполнен был тесно людьми всякого состояния, пола и возраста. ...вдруг все множество ахнуло, и глухое эхо протяжно повторилось в пустом здании; ...невнятной, глухой шопот пробежал между народом, и вдруг все затихло. Некоторые крестились, иные утирали слезы, слышалось всхлипывание женщин. . Войдя в особю приготовленную для нас небольшую комнату, я искал отдыха от столь сильного душевного волнения»⁶⁷).

«Одним словом, — писал Штейнгель, — каждый из сограждан наперерыв старался показать нам свое участие. О, как это утешало нас! Мы двигались медленно: окружающая нас толпа мешала нам идти»⁶⁸) При этом необходимо отметить, что как образованные, так и простые люди Сибири при встрече с декабристами не просто «глазели» на них и любопытствовали, а вступали с ними в беседу. И. Д. Якушкин в своих «записках» вспоминал, что когда они в селении Ключах остановились пообедать, то «...много мужчин и женщин приходили поглядеть на нас и потолковать о том, что делалось тогда на Руси»⁶⁹).

⁶⁴) И. И. Пушкин, Записки о Пушкине и письма из Сибири, Изд. политкаторжан, под ред. С. Я. Штрайха, М., 1925 г., стр. 197

⁶⁵) А. Беляев, Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном 1805—1850 гг., Изд. СПб., 1882 г., стр. 209

⁶⁶) См. «Русская Старина», 1881 г., т. XXXII

⁶⁷) В. И. Штейнгель, Записки несчастного, Русская старина, 1881 г., т. XXXII, стр. 778

⁶⁸) Там же, стр. 381—382.

⁶⁹) И. Д. Якушкин, Записки, статьи, письма, АН СССР, 1951 г., стр. 101

Вот эти контрастные противоречия, хотя и несколько преувеличенные декабристами, между тем, что ожидали они увидеть в Сибири — глушь, забитость и неразвитость населения и тем, что увидели — развитость сибиряков, понимание правоты их дела не могли не оказать влияния на «государственных преступников» Именно эти «незабвенные торжественные минуты» встреч с народом, о которых декабристы не могли говорить без волнения по истечении многих лет жизни, проведенных в Сибири, оказали на них более сильное влияние, нежели все жестокости, применяемые царским правительством. Интерес к их делу и то участие, которое выражало «государственным преступникам» население Сибири, означало одобрение и восхищение их выступлением против царизма, свидетельствовало о недовольстве существующими порядками в Сибири и убеждало в необходимости продолжать борьбу против царизма.

Даже те из них, которые во время следствия отказались от программы Тайного общества и свое участие в нем квалифицировали как заблуждение, могли убедиться в правильности требований, выдвинутых восставшими и оправдать свое участие в восстании. Вместе с изменением представлений о Сибири и ее населении у декабристов рождалась надежда на «политическое существование за пределами политической смерти», к которой приговорило их царское самодержавие. Она привела к тому, что по мере углубления в Сибирь, «..настроение их изменилось к лучшему», как свидетельствовали жандармы в своих донесениях⁷⁰).

Сенатор Куракин, ревизовавший в это время Сибирь и живший в ней в течение всего 1827 г., в своих донесениях Бенкендорфу сообщал, что большая часть «государственных преступников» (Николай и Михаил Бестужевы, Барятинский, Горбачевский, Якушкин, Панов и др.), с которыми ему

⁷⁰) Примечание Мы не можем согласиться с С. Черновым, который перемену в настроении декабристов объясняет тем, что «Сибирское население, может быть, по меньшей мере осведомленности за отдаленностью от центра — менее беспокоило их своим любопытством» (см. Чернов С. Декабристы в Благодатске, Каторга и ссылка, Изд. Политкаторжан, 1925 г., № 5, кн 18, стр 259, 262)

Подобное предположение не совсем верно. Ибо интерес сибирского населения к этой партии кандалников не мог уменьшиться от того, что оно уже привыкло видеть «несчастных». Наоборот, именно к этим изгнанникам население Сибири проявило повышенный интерес. Выступление декабристов с оружием в руках против царя, да еще в самой столице было первым открытым революционным выступлением в истории России. Слухи о нем дошли и до Сибири. Их приносили те же кандалники, шедшие из России в Сибирь «по канату», торговцы и купцы, мерявшие Сибирь из конца в конец по своим торговым делам и вступавшие в различные сделки с местным населением. Интерес к ним увеличивался от того, что они

удалось встретиться»... находились в веселом расположении духа, имели непринужденный вид...»⁷¹).

Однако часть декабристов (Соловьев, Спиридов, Враницкий, Шихарев, Бригген, Голицын, Ивашев, Одоевский, Лерер, Нарышкин, Фонвизин, Матвей Муравьев-Апостол, А. Бестужев) и во время следования в Сибирь находилась в упадническом настроении, сожалела о своем участии в движении. Следовательно, часть декабристов и после вынесения приговора продолжала оставаться в глубоком кризисе.

Как известно, Николай I, напуганный восстанием и тем всеобщим возбуждением, которое охватило все слои русского общества в связи с жестокой расправой над участниками восстания спешил привести в исполнение приговор Верховного Уголовного суда во всей его полноте. Несмотря на то, что в Сибири ничего еще не было приготовлено для приема «государственных преступников», первые партии сосланных находились уже в Сибири.

Местное сибирское начальство в обычном порядке сбрасало декабристов по заводам: Николаевскому, Усольскому и Александровскому. Во время пребывания на заводах декабристы познакомились с условиями труда и положением заводского населения. И они ужаснулись той эксплуатации и произволу, каким подвергалось заводское население.

Пребывание декабристов среди угнетенного люда заводов не обещало ничего хорошего царскому правительству, ибо они могли оказать революционизирующее влияние на население. И оно, исправляя «ошибки» местного сибирского начальства, приказало перевести декабристов (Оболенского, Борисовых, Трубецкого, Давыдова, Волконского, Артамона Муравьева) на Нерчинскую каторгу в Благодатский рудник.

Здесь декабристы должны были работать, как и другие каторжные, под землей, добывать и переносить добытую руду на носилках на расстояние шагов в двести. Здесь, в шахтах, они увидели, какой нечеловеческий труд должны были выполнять каторжные. Спускаясь на 70 сажен глубины под землей, они версты полторы проходили с согнутой спиной и

были дворяне, принадлежавшие к господствующему классу, занимали видные государственные посты, а между тем, выступили в защиту народных масс. Это особенно должно было волновать сибирское население, состоявшее из бывших крепостных, бежавших от гнета или высланных за протест против помещичьего произвола, а также и старожилов, страдавших от гнета сибирских сатрапов. И это население не могло и оно действительно не осталось равнодушным к тем, кто ценой своей жизни попытался уничтожить самодержавно-крепостнический строй.

⁷¹) Декабристы, Изданные материалы и статьи, под ред. В. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, М., 1925 г., стр. 123.

работали стоя на коленях. По выходе из этого ада они подвергались безнаказанному произволу начальника рудника Бурнашева, грубого и жестокого человека. Декабристы были не только свидетелями этого произвола, но и сами подвергались ему. Однако сплоченность декабристского коллектива позволила им вступить в борьбу против тягостного тюремного режима. В ответ на насилия начальника рудников, лишившего их свечей и права общего обеда, они объявили голодовку, длившуюся два дня, и добились отмены распоряжений Бурнашева.

Позднее по указанию иркутского начальства «государственных преступников» было приказано перевести наверх для переноски руды. Им не хотелось уходить из шахты, потому что под землей они встречали среди каторжных огромное участие, готовность в любую минуту закончить работу уставшего декабриста и поднять настроение песней, в которой, по словам Оболенского, высказывали то, что не могли выговорить словами⁷²).

Во время пребывания на Иркутских заводах и Нерчинских рудниках декабристы познакомились с тяжелым материальным положением народных масс и той безудержной эксплуатацией, которой подвергались рабочие люди. Страдания простого народа стали более понятными, производили большее впечатление теперь, когда сами они на себе испытывали произвол царского самодержавия. Все это не могло пройти бесследно для мировоззрения первых дворянских революционеров.

Уроки восстания

Чтобы предотвратить влияние декабристов на население края, правительство решило собрать их в одном месте. К осени 1827 г. все «государственные преступники», приговоренные к каторжным работам с последующим поселением в Сибири, были помещены в Читинский острог.

В 1830 г. в Петровском железодельном заводе была построена специальная декабристская тюрьма, в которой декабристы прожили до 1839—40 гг. — до выхода первого разряда на поселение.

Совместное пребывание в Читинском и Петровском казематах в течение 10—13 лет почти ста революционеров имело большое значение как для каждого участника движения, так и для декабризма в целом. Именно здесь, в казематах, ими дана была оценка своему выступлению на Сенатской площади, извлечены уроки из поражения восстания и произошло размежевание на либеральных и революционно настро-

⁷²) В ссылке и заключении, Воспоминания Оболенского, Изд. Русская жизнь, М., 1908 г., стр. 31.

енных участников движения. С выходом же на поселение эти расхождения лишь углубились.

Собранные все вместе, они выяснили «все дело»: степень участия каждого в день восстания, поведение их на следствии, все действия и уловки комитета при допросах и, наконец, причины поражения восстания.

М. Бестужев вспоминал, что первое время в остроге ничем нельзя было заниматься, так как рассказам о заключении, следствии, обвинениям, объяснениям, спорам и прениям не было конца. Это был «...кипучий водоворот, клокочущий неумолимо и мечущий брызгами жизни»⁷³).

К сожалению, мы не знаем подробностей разбора декабристами причин своего поражения. «Тюремный тиф», как назвал Михаил Бестужев частые обыски декабристов, свирепствовавший в заключении и ссылке, заставлял истреблять то, что было написано, и вселял «...антипатию к писательству, порожденную неуспешными попытками...»⁷⁴).

В силу этого нельзя во всей полноте представить ту работу, которую проделали декабристы по разбору уроков восстания. Однако до нас дошла часть статей, стихотворений; воспоминаний, написанных в каземате и обсужденных в кругу декабристов, которые позволяют судить, в каком направлении шло обсуждение их «дела» и какая оценка давалась восстанию 14 декабря. Наконец, та характеристика, которая дана была в каземате, нашла свое отражение в воспоминаниях, записках, письмах, написанных на поселении или после амнистии. Несомненно одно, что осознание уроков восстания происходило в казематах, когда декабристы находились все вместе.

В спорах, прениях и разговорах «о деле» внимание декабристов было обращено на поведение в этот день участников движения, царя и народа, который в огромном количестве окружал площадь. Можно с уверенностью сказать, что обсуждение поведения народа на площади и различного рода предположения об использовании его сил в восстании и последствиях его участия вызвали самый большой интерес и прения в среде декабристов.

День 14 декабря дал дворянским революционерам наглядный урок непонимания ими роли народных масс в восстании. Многотысячный народ, заполнивший Сенатскую площадь не просто «глазел» на развертывавшиеся события, а выражал явное сочувствие восставшим, стремился подбодрить их, оказать поддержку и фактически начал действовать в их пользу. Активное и сознательное поведение народа на площади явилось для декабристов полной неожиданностью, про-

⁷³) Воспоминания Бестужевых, АН СССР, 1951 г., стр. 151.

⁷⁴) Там же, стр. 446.

говорчило прежним взглядам на народ и не могло не приковать к себе самого пристального их внимания. В этом убеждает тот факт, что самые подробные и ценные сведения о поведении народа на площади в день восстания со всеми деталями и мелочами дали именно декабристы в своих показаниях, статьях, записках, написанных в каземате или спустя много лет после восстания⁷⁵⁾.

День 14 декабря сыграл для мировоззрения декабристов примерно такую же роль, какую в свое время имела Отечественная война 1812 г., во время которой они впервые соприкоснулись с народом, ближе узнали его и смогли оценить замечательные качества простого русского человека: свободолюбие, мужество, героизм, ясный ум. В день восстания дворянские революционеры увидели, что если народ и не глобоко понимал выдвинутые ими требования, то осознавал правоту их выступлений, всячески одобрял его и выражал свое сочувствие начавшейся борьбе против царизма.

Д. Завалишин, рассматривая отношение народа к развертывавшимся на Сенатской площади событиям, обратил внимание именно на эти стороны его поведения. Он с удовлетворением отмечал, что когда некоторые офицеры объявили народу цель восстания, то народ им отвечал: «Доброе дело, господа. Кабы, отцы родные, вы нам ружья, али какое ни н.е. есть оружие дали, то мы бы вам помогли, духом все бы переворотили» и пр. На объяснение, что при новом порядке вещей все без изъятия одинаково будут нести повинности, и что тогда и солдатам можно, не ослабляя армии, значительно облегчить срок службы, в народе отвечали: «Так как же им и родным (солдатам) и не драться, ведь значит за свое дело стоят». Когда говорили народу, что вот теперь немцы всем заправляют и угнетают народ, то из народа кричали: «Дали бы нам волю, то мы бы всех немцев переколотили» и пр. и пр.⁷⁶⁾.

Это сознательное поведение народа на площади заставило декабристов после поражения восстания по-иному взглянуть на народ и серьезно задуматься над своей тактикой восстания.

⁷⁵⁾ В нашу задачу не входит показ поведения народа на площади, ибо эта работа с большой убедительностью выполнена проф. М. В. Нечкиной в книге «Восстание 14 декабря 1825 г.», АН СССР, М., 1951 г. Однако мы не можем вполне согласиться с М. В. Нечкиной, которая считает, что активное поведение народа на площади только испугало дворянских революционеров. На наш взгляд, реакция на поведение народа в день восстания в среде участников восстания была различной. У одной части — активность народа действительно вызвала только чувство испуга перед революционной стихией народных масс, у другой же мысль о необходимости вооружить собравшийся на площади народ и под руководством военных отрядов вести его для захвата государственных учреждений (см. Д. И. Завалишин, Записки, 1906 г., стр. 199).

⁷⁶⁾ Д. Завалишин, Записки декабриста, СПб, 1906 г., стр. 199.

Завалишин обвинял участников восстания «зачем они не провозгласили открыто настоящей цели восстания»

Оправдываясь перед товарищами, декабристы утверждали, что они говорили солдатам и народу о цели восстания «Но, — замечал Завалишин, — если они и объясняли это каким-либо кучкам солдат или народа, то это не имело никакого значения; надо было заявить цель восстания всенародно и торжественно»⁷⁷⁾.

Это нужно было сделать по мысли Завалишина с той целью, чтобы привлечь на свою сторону народ, сагитировать его и вызвать не только сочувствие, так как оно было налицо, но и заставить его действовать сознательно в пользу восставших. Следовательно, в казематах известная часть декабристов сожалела о том, что на площади они не вели агитации среди народа и не привлекли его на свою сторону. Более того, узнав от участников восстания, что некоторые из них предлагали вооружить народ, находившийся на площади, и вести его под руководством военных отрядов для захвата государственных учреждений и банков, Завалишин упрекал их за то, что они не реализовали это смелое предложение⁷⁸⁾.

На эти упреки и прямые вопросы, почему восставшие не вооружили народ и не приняли его помощи, «действовавшие в этот день члены» говорили: «..вооружения и содействия народа не хотели принять... потому, чтоб вместо содействия восстанию от народа не дать ему случай к грабежу и насилию. Тем более, что подобные опасения вполне оправдывались тем, что требуя оружия, кричавшие прибавляли. «Мы вам весь Петербург в полчаса вверх дном перевернем»⁷⁹⁾.

И Завалишин замечал «С этим нельзя, однако, вполне согласиться»⁸⁰⁾. Несомненно, вместе с Завалишиным с этим объяснением не «вполне» согласились те из декабристов, которые вносили предложение о вооружении народа

⁷⁷⁾ Д. Завалишин, «Записки декабриста», СПб, 1906 г., стр. 198

⁷⁸⁾ Д. Завалишин, «Записки декабриста», СПб, 1906 г., стр. 199

К сожалению, Завалишин не указал, кто и в какой момент внес это предложение. Но, несомненно, мысль об использовании сил народа, толпящегося на площади и выражавшего желание принять участие в восстании, возникла лишь в день восстания. Ибо известно, что накануне восстания декабристами было отвергнуто очень скромное предложение Батенькова, «сударить в барабан» с тем, чтобы собрать народ, как говорит Нечкина, для фона переворота. Также не было принято и крайнее предложение Якубовича «для возбуждения солдат разбить кабаки и позволить им и черни грабеж, а затем вынести из какой нибудь церкви хоругви и идти ко двору, тем более не ставился вопрос о вооружении народных масс Петербурга (см. Нечкина М. В., «Восстание 14 декабря 1825 г.», АН СССР, 1951 г., стр. 10, 48).

⁷⁹⁾ Д. Завалишин, «Записки декабриста», СПб, 1906 г., стр. 196, 197.

⁸⁰⁾ Там же, стр. 197

Рассмотрев предложения и объяснения участников восстания, а также поведение народа на площади, Завалишин замечал: «Итак, расположение народа было несомненно, он действительно мог бы оказать значительную помощь восстанию»⁸¹).

Следовательно, Завалишин при анализе причин поражения приходил к правильному выводу, что восставшие допустили ошибку, не вооружив народа и не приняв его помощи, т. е. критиковал тактику военной революции⁸²).

К такому же выводу пришел и Розен. В своих «Записках», составленных в 30-х годах, он писал: «Однако успех предназначенного предприятия был возможен, если сообразим все обстоятельства. Две тысячи солдат и вдесятеро больше народу, были готовы на все по мановению начальника»⁸³). При этом Розен считал, что при наличии военной силы участие народа в восстании было бы не опасно, так как «она (организованная военная сила — Г. Ш) могла разогнать полицию или арестовать и удержать народ, доказавший свою готовность вооружиться чем попало — хоть поленьями»⁸⁴).

В боязни привлечения народных масс к восстанию обвинял руководителей тайных обществ Петр Борисов. Он указывал, что руководители Южного общества допустили ошибку в том, что хотели произвести переворот одной военной силой, без участия народа.

«Сделать народ участником переворота казалось ему (Бестужеву-Рюмину, который вел переговоры с обществом Соединенных славян — Г. Ш.) весьма опасным»⁸⁵).

Упреки Борисова основывались, конечно, уже на уроках, извлеченных из поражения восстания, хотя сам он утверждал, что члены общества Соединенных славян еще до объединения с южанами стояли за привлечение народных масс к восстанию⁸⁶).

⁸¹) Д. Завалишин, «Записки декабриста», СПб, 1906 г., стр. 199

⁸²) На этот вывод Завалишина обратила внимание проф. М. В. Нечкина в книге «Восстание 14 декабря 1825 г.», М., 1951 г. Но поскольку проблема извлечения декабристами уроков из своего поражения не являлась предметом ее специального исследования, она упомянула о выводе этого декабриста лишь попутно, не связывая его с общим вопросом разработки декабристами своего опыта.

⁸³) А. Розен, Записки декабриста, г. Лейпциг, 1870 г., стр. 97

⁸⁴) Там же, стр. 97

⁸⁵) И. И. Горбачевский, Записки и письма декабриста, М., 1925 г., стр. 72

⁸⁶) М. В. Нечкина убедительно доказала, что автором «Записок Горбачевского» является не Горбачевский, как ранее считалось, а П. Борисов (см. Исторические записки, 1955, № 54, стр. 284—297). В книге взгляды П. Борисова рассматриваются на основании «Записок Горбачевского», взгляды же Горбачевского — на основании его писем из Сибири

Однако П. Борисов здесь ошибался. Будучи одним из основателей общества Соединенных славян и глубоко переживая неудачу восстания, он всю вину в поражении пытался переложить на плечи руководителей Южного общества. И. Борисов, вольно или невольно обличая несостоятельность руководителей Южного общества и их тактики, преподносил тактику общества Соединенных славян более совершенной по сравнению с южанами. И не случайно, что все возражения и споры, якобы имевшие место между славянами и южанами вложены в уста Борисова 2-го, т. е. автора «Записок». «Записки» же Борисова, составлялись после поражения восстания, когда он уже извлек уроки из него и прошел школу демократизма — казематы и ссылку. В «Записках» отразилась эволюция взглядов Борисова от тактики военной революции в сторону народной революции. Эта эволюция наложила отпечаток и на ту часть «Записок», в которой рассказывалось о политической программе и тактике славян до объединения с южанами. Согласиться с П. Борисовым, как это делают некоторые исследователи, и утверждать, что славяне до 14 декабря понимали роль народных масс в перевороте или были сторонниками народной революции, значит игнорировать их дворянскую ограниченность, стирать различие с революционными демократами и отрицать эволюцию их взглядов после 14 декабря. Но самое главное — это их единство, как правильно указывают советские исследователи.

«Общество Соединенных славян, — пишет Федосов, — четкой разработанной программы будущего устройства не имело, не было и определенной тактической линии, поэтому оно ничего не могло противопоставить «Южному обществу» и влилось в него, не изменив характера движения, безоговорочно приняв программу и тактику «Южного общества»⁸⁷⁾.

Наиболее глубоко и правильно причину поражения восставших вскрыл А. В. Поджио. По его мнению, декабристы не могли не потерпеть поражение, ибо они не использовали силы, недовольные царским правлением, имевшиеся в России. Эти силы, по его словам, заключались в военных поселениях, в крепостных крестьянах, недовольных общим управлением ими. И А. В. Поджио сожалел, что декабристы не привлекли их к восстанию

«Все эти силы, — писал он, — находились, таились, выжидали частными бунтами... Какие были бы для нас силы — но мы обошли их»⁸⁸⁾.

⁸⁷⁾ И. А. Федосов, Восстание декабристов и его историческое значение, М., Знание, 1953 г., стр. 18

⁸⁸⁾ Из Записок Поджио, Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, М., 1951, т. 2, стр. 331

Такой вывод -- «удачи и быть не могло», так как в движении не принимали участие народные массы, был сделан не одним Поджио, а большинством декабристов (Волконским, Луниным, Горбачевским, Якушкиным, Н. и М. Бестужевыми и др.) и имел широкое распространение в их среде, ибо его повторила, безусловно, со слов декабристов, в своих «Записках» княгиня М. Н. Волконская «Нельзя поднимать знамени свободы, — писала она, — не имея за собою сочувствия ни войска, ни народа»⁸⁹⁾.

При этом необходимо отметить, что, с одной стороны, декабристы сожалели об этой неиспользованной в восстании стихии народных масс, с другой, в разных вариациях «говаривали» возможность ее использования. Так, Завалишин, критикуя участников восстания за то, что они из опасения дать народу случай к грабежу и насилию, зря отказались от его помощи, в то же время заявлял, что с мнением участников восстания согласен не вполне, т. е. признавал за народом неразумную разрушительную стихию, что не позволяло безоговорочно использовать ее в восстании.

П. Борисов, хотя и стал придавать большое значение народу в деле успешного переворота, однако, считал, что восстание на юге и без участия в нем народа могло бы иметь «другой исход», если бы не было допущено тактических ошибок со стороны руководителя восстания Сергея Муравьева-Апостола и если бы к восстанию привлечены были поляки и жители западных губерний⁹⁰⁾. Причем в понятие «поляков» и «жителей западных губерний» Борисов не включал русское крестьянство юга, ни крестьянство западных губерний. В этом убеждает то, что в «Памятной записке», составленной славянами в самый канун восстания Черниговского полка, они предлагали руководителям Южного общества «...посредством поляков, состоящих в их обществе, действовать на шляхту и склонить ее к участию в общем деле объяснением всеобщего восстания (pospolite ruszenie)»⁹¹⁾.

Таким образом, несмотря на то, что Борисов осознал большое значение народной стихии в деле восстания и правильно считал, что военные революции бывают «не колыбелью, а гробом свободы», при всем этом недооценивал крестьянство как движущую силу революции. И после поражения восстания не мог до конца понять роли народных масс в революционном преобразовании страны.

Так же и Поджио, видя в военных поселянах и крестьянах огромную силу, которая безусловно способствовала

⁸⁹⁾ Записки М. Н. Волконской, СПб. 1904, стр. 112

⁹⁰⁾ И. И. Горбачевский, Записки и письма декабриста, 1925, стр. 190.

⁹¹⁾ Там же, стр. 108

бы успеху восстания, в то же время считал, что декабристы не могли использовать эту силу, привлечь ее к восстанию, так как народ был забит, невежественен, неграмотен и не просвещен, не имел еще «выработанных стремлений к лучшему», да и не мог понять идей освобождения, выработанных декабристами, и поэтому не мог действовать в движении разумно и сознательно. По мысли Поджио, восставшие могут победить только тогда, когда в движении будут использованы огромные силы народа, но народа «просвещенного», способного понять передовые идеи и действовать во имя их осуществления сознательно и целеустремленно.

Рассматривая причины поражения восстания, декабристы не обошли молчанием и тех ошибок, которые были допущены в самом ходе восстания. Все они сходились на том, что сами участники движения оказались «ниже поднимаемого дела», большую роль в неудаче восстания сыграла неяска на площадь диктатора Трубецкого, в силу чего не осуществлялся намеченный план восстания, не вносились в него коррективы, которых требовала обстановка, часть членов общества (Каховский, Якубович и др.) отказалась от выполнения данных им революционных поручений⁹²), в ходе восстания была упущена редкая возможность без кровопролития захватить Зимний дворец и императора со всей его семьей⁹³), не приложили необходимых усилий для захвата Петропавловской крепости и превращения ее в опорный пункт восстания⁹⁴), не приняли вовремя необходимых мер по привлечению правительственных войск на свою сторону и захвата пушек, находившихся на площади⁹⁵), и т. д.

В результате всех этих ошибок, по мнению декабристов, восставшие оказались окруженными войсками, стоявшими на стороне правительства, и тем самым обречены на бездействие. А «бездействие, — говорил Н. Бестужев, — поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто в начатом поприще раз остановился, уже побежден вполнину»⁹⁶).

Нельзя не согласиться с М. В. Нечкиной, которая, рассматривая причины поражения 14 декабря и касаясь этого вывода, заметила, что эта глубокая мысль как бы готовит после-

⁹²) А. Розен, Записки декабриста, 1870, стр. 97. И. Д. Якушкин, Записки, статьи, письма, АН СССР, 1951, стр. 156—157.

⁹³) ЦГИАМ, ед. 279 (Якушкиных), ед. хр. 1280, л. 5.

⁹⁴) Д. И. Завалишин, Записки декабриста, СПб., 1906, стр. 194. И. Д. Якушкин, Записки, статьи, письма, АН СССР, 1951, стр. 152.

⁹⁵) Д. И. Завалишин, там же, стр. 197.

И. Д. Якушкин, там же, стр. 156—157.

⁹⁶) Воспоминания Бестужевых, АН СССР, 1951, стр. 41.

дующие поколения для восприятия важнейшей идеи: «Оборона — смерть вооруженного восстания»⁹⁷⁾).

Те же ошибки, по мнению декабристов, были присущи и восставшим на юге черниговцам.

П. Борисов и И. И. Горбачевский указывали, что руководитель восстания С. Муравьев-Апостол не имел четко разработанного плана выступления: вместо того, чтобы действовать наступательно и молниеносно — идти на Белую Церковь, Киев, Житомир и поднять там войска, он терял время в напрасных переходах около Василькова⁹⁸⁾. Вместо того, чтобы «самому искать помощи» в войсках, расположенных недалеко от центра восстания, он ждал ее, чем обрекал на бездействие людей нерешительных и не обеспечил перехода на сторону восставших, находившихся на юге, полков⁹⁹⁾. Глубоко переживая неудачу выступления, П. Борисов преувеличивал значение этих ошибок в поражении восстания и часто несправедливо обвинял руководителей Южного общества в том, чего на самом деле не было.

Анализ тактических ошибок пытался дать И. И. Горбачевский. По его мнению, главная ошибка заключалась в общей неправильной тактике — тактике ожидания, продиктованной стремлением избежать кровопролития...

В своих замечаниях на статью А. И. Герцена «14 декабря и император Николай», на фразу Герцена «...войска собрать перед сенатом и ждать», Горбачевский заметил: «И это все погубило»¹⁰⁰⁾. В письме же к М. Бестужеву в 1861 г. он прямо обвинял руководителей Северного общества в том, что они хотели «революции на розовой воде». «Что ж хорошего после этого в умеренности, в хладнокровии, — писал он, — нелюбви пролития крови, в медленности, в холодном рассудке, в расчете каком-то? Все это глупость, по-моему и по-нашему»¹⁰¹⁾.

Правильно указывая на стремление декабристов избежать кровопролития, Горбачевский, однако, несправедливо обвинял членов Северного общества в том, что они и с собранными войсками чего-то ждали, якобы надеялись на переговоры с Сенатом. При всем этом нельзя не отметить, что Горбачевский совершенно правильно не считал главной причиной поражения восстания отсутствие предприимчивого и отважного диктатора, как это делали умеренно настроенные декабри-

⁹⁷⁾ М. В. Нечкина, Восстание 14 декабря 1825 г., АН СССР, 1951, стр. 159.

⁹⁸⁾ И. И. Горбачевский, Записки и письма декабриста, М., 1925, стр. 182, 183.

⁹⁹⁾ Там же, стр. 182.

¹⁰⁰⁾ ЦГИАМ, ф. 279 (архив Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 1280, л. 5.

¹⁰¹⁾ И. И. Горбачевский, Записки и письма декабриста, М., 1925, стр. 361.

сты, а искал ее в общей неправильной тактике Тайного общества

Далеко не все декабристы оказались в состоянии разобрататься в причинах поражения восстания и сделать правильные из него выводы. Кровь, пролившаяся на Сенатской площади, и попытки народа принять участие в уничтожении царизма лишь усилили у известной части декабристов (Беляева, Трубецкого, Фролова, Бобрисцева-Пушкина, Оболенского, Якубовича) страх перед народной революцией и заставили их полностью отказаться от революционных методов борьбы. Эта группа декабристов и во время разбора уроков восстания в Сибири не смогла осознать истинных причин поражения, заключающихся в оторванности дворянских революционеров от народа. Они считали, что восставшие потерпели неудачу только потому, что на площади не оказалось энергичного предводителя, в силу чего были допущены неоправданные ошибки, которые и привели к поражению¹⁰²⁾.

Бессильным против классовой ограниченности оказалось и сближение их с народными массами в сибирский период жизни и деятельности. Якубович, пройдя долгий путь каторги и ссылки, в календаре 1843 г. под 14 декабря писал: «Как перед богом, по совести говорю, после 19 лет лишения свободы, что в этот день 1825 г. я был прав по чувству, но совершенно не знал черни и народа русского, который долго, очень долго должен быть в опеке правительства, его разврат, пороки, изуверие, невежество требуют сильной централизации правления и одно самодержавие может управиться с этим Амазоном, Боже, прости меня. В полночь 14 декабря»¹⁰³⁾.

Только боязнь народного движения, которое из года в год нарастало в России, могла заставить этого участника восстания сделать глубоко ошибочный и несправедливый вывод о русском народе.

Итак, из разбора хода восстания на севере и на юге передовыми декабристами были отмечены серьезные тактические ошибки. Они заключались, по их мнению, в том, что участники движения отказались опереться на активное участие в восстании народных масс, в дни восстания действовали медленно, нерешительно, у восставших отсутствовал дух внезапности и быстроты, в ходе восстания они не добивались хотя бы незначительных успехов над врагом, чтобы поднять моральный дух восставших и привлечь на свою сторону колеблющихся. Упущены были удобные моменты для захвата

¹⁰²⁾ М. А. Фонвизин, Обзорные проявления политической жизни в России, См. Общественные движения и первую половину XIX в., СПб., 1905, т. I, стр. 194. А. Беляев, Воспоминания о пережитом и перечувствованном 1805-1850 гг., СПб., 1882, стр. 174.

¹⁰³⁾ Декабристы на каторге и в ссылке, М., 1925, стр. 15.

Зимнего дворца и всей царской фамилии, а также похода на Белую Церковь, Киев и другие пункты, где имелись войска. не были приняты меры для привлечения правительственных войск на свою сторону и т. д.

В этом анализе причин поражения самими декабристами замечательно то, что передовые из них признали слабостью и ошибкой своего движения отсутствие в нем широких народных масс. Несмотря на эту эволюцию взглядов передовых декабристов в сторону демократизма, классовая ограниченность не позволила им до конца понять причины поражения восстания. Они смогли придти лишь к узкому выводу: на их стороне не было подсобной дополнительной силы в лице народа, в результате чего сложилась несоизмерность сил и они потерпели поражение. Декабристы не смогли подняться до правильного вывода о решающей и определяющей роли народных масс в революционном преобразовании страны. Дворянская ограниченность по-прежнему сковывала декабристов и не позволяла им до конца и последовательно усвоить этот замечательный урок, извлеченный из поражения восстания. Они с различными оговорками и даже с тревогой и недоверием допускали мысль об участии «непросвещенного» народа в восстании и сожалели, что не использовали его сил в перевороте. Участие же «просвещенного» народа в восстании не только не пугало их, но было признано обязательным для успешной борьбы с правительством.

В этом отношении очень показательны рассуждения М. С. Лунина о роли идей и народных масс в движении¹⁰⁴). С его точки зрения идеи в своем развитии проходят три этапа: сначала они появляются в головах прогрессивных людей и печатаются в книгах, на втором этапе они начинают проникать в массы, но только на третьем этапе, когда идеи входят как бы в кровь народа и делаются народным чувством, они приобретают непреодолимую силу и приводят к установлению нового порядка жизни. Причем движение осуществляют не идеи, а массы, вооруженные знанием того «шередового порядка», к которому должно стремиться.

Руководствуясь этими общетеоретическими положениями, которые Лунин сформулировал вместе с другими участниками движения в Сибири в результате постоянного «размышления о выгодах Родины» и анализа движения декабристов, он утверждал, что идея гражданской свободы пока еще «гнездится» в головах небольшой группы людей, она не стала «народным чувством», ее еще предстоит распространить в народе. Только в том случае, когда идея гражданской свободы делается «народным чувством», т. е. когда народ будет

¹⁰⁴) М. С. Лу н и н, Сочинения и письма, II, 1923, стр. 14

подготовлен к движению — просвещен, образован, — когда народное движение будет освещено сознанием передовой политической идеи, народное движение принесет желанные плоды, и только тогда возможно будет осуществить «идею верховной власти народа»

Поскольку в России, по мнению декабристов, и в частности Лунина, народные массы не были просвещены и подготовлены к участию в революционном движении, то они закономерно должны были прийти к выводу о необходимости просвещать народ, распространять передовые идеи, готовить его к выполнению своей исторической миссии — участию в борьбе за полное уничтожение самодержавно-крепостнического строя. Ибо «дух народный, — писал Лунин, — непрерывное условие всех коренных переворотов», только движение с участием народных масс, по его мнению, способно спасти и разрушить до основания старый строй «Из вздохов, заключенных под союженными кровами, рождаются бури, низвергающие дворцы»¹⁰⁵⁾.

И декабристы верили, что просвещенный «наш народ сберется под святое знамя», грянет на царей и уничтожит ненавистный ему самодержавно-крепостнический строй. В анонимной песне, посвященной И. И. Пущину, написанной в 1836 г., очевидно, в Петровском каземате кем-то из его товарищей, говорилось:

«Ждешь, наша родимая, поры да череды,
Кормишь себе деточек новых попойчей
Есть уж чем утешиться, не долго терпеть,
Подрастают молодцы, уж не нам чета
Тогда будет жутко врагам твоим,
Воспокаются, да поздно, во грехах своих,
Заживешь ты, матушка, тогда барыней
Тогда-то, родимая, вспомни о нас,
Сгребли наши косточки и поплачь на них»¹⁰⁶⁾

Таким образом, декабристы победу над царизмом относили в отдаленное будущее и связывали ее с новым поколением, которое будет «уж не нам чета», ибо учет ошибки их движения.

По-новому поставив вопрос о народе: о необходимости просвещать его с целью привлечения к участию в революционном преобразовании страны, передовая часть декабристов фактически вышла за рамки своего движения и сделала шаг в сторону революционного просветительства.

На эволюцию взглядов декабристов решающее влияние оказала реакционная политика самодержавия после подавле-

¹⁰⁵⁾ М. С. Лунина, Сочинения и письма, II, 1923, стр. 53.

¹⁰⁶⁾ В. И. Орлов, Декабристы, Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика, М.—Л., 1951, стр. 202

ния восстания и революционные события в России и Западной Европе.

Несмотря на заперы, замки и остроги, до декабристов доходили сведения о положении страны и мероприятиях царизма. Эти сведения они получали из писем родных, присылавшихся с оказиями на имя жен, прибывших в Читку и Петровский завод к своим мужьям, от купцов и торговцев, у которых производили закупки всего необходимого для «артели» и которые часто прибегали к «заемному банку», организованному декабристами в каземате, дававшему за незначительные проценты в кредит деньги мелким торговцам и частным ремесленникам, от населения, которому приходилось оказывать материальную и медицинскую помощь, и, несмотря на строгие запреты правительства, удавалось общаться с ними, находясь еще в каземате.

Но главным источником получения известий о положении России и западноевропейских стран были газеты, книги, журналы, получаемые декабристами в огромном количестве как на русском, так и на иностранных языках¹⁰⁷). По словам Якушкина, в Петровском заводе декабристы получали до 22 периодических изданий, а библиотека, составленная всеми вместе, насчитывала до 6 тысяч книг¹⁰⁸). Причем им удавалось получать запрещенные книги и газеты, которые нередко проходили даже через «собственную его величества канцелярию», несмотря на всю бдительность царских чиновников. Даже в Читинском остроге, когда во всей силе свирепствовал тюремный режим, декабристы сумели получить некоторые листы «Инвалида». Кроме книг, журналов, газет, много интересных сведений они узнавали из писем знакомых и родных, поступавших на имя жен и доставлявших, как говорил М. Бестужев, «большую пищу для ума».

И как бы в ответ на репрессии царского правительства и произвол III отделения Н. Бестужев писал в своем рассказе «Шлиссельбургская станция», написанном в Петровском каземате: «...люди служат безответною игрушкой для насилия и самоуправства, а не судятся справедливостью и законами. — Когда же жизнь и существование гражданина делаются драгоценным для целого общества? — спрашивал

¹⁰⁷) По свидетельству М. Бестужева, декабристы из периодических русских изданий получали все ежемесячные и еженедельные русские журналы и газеты, из иностранных: *Revue Britannique*, *Revue de Paris*, *Revue des deux mondes*, *Revue de mechanicien*, *Revue technologique*, *Illustration française*, *Lournal de Debats*, *Morning Post* и т. д., несколько польских и итальянских газет. См. Воспоминания Бестужевых, 1951, стр. 176.

¹⁰⁸) И. Д. Якушкин, *Записки, статьи, письма*, АН СССР, 1951, стр. 544.

он. — Когда же это общество, строящее здание храма законов, потребует отчета и законности Бастилий и Шлиссельбургов, которых одно имя возмущает душу»¹⁰⁹⁾

Характеризуя состояние русского общества во времена Николая I после разгрома журналов «Московский телеграф» и «Телескоп», Лунин писал: «Печать нема, как оно и должно быть в самодержавной стране»¹¹⁰⁾.

Как бы развивая мысль Лунина, Н. Бестужев с горечью говорил в Петровском каземате: «Люди! Люди! Вы привыкли сами спутывать себя узами, вы привыкли носить цепи; властелины ваши знают это и накладывают на вас новые тяготы; вы думаете, что этому так быть надобно. Горе вам, если вы этому не верите»¹¹¹⁾.

Получившая в каземате широкое развитие легкая сатирическая литература целиком и полностью была направлена против крепостного строя, против палачей восстания. Уничтожающую критику Следственному Комитету, составленному из высших сановников государства, дал Вадковский в стихотворении «Наш Следственный Комитет в 1825 г.», Ивашев написал ядовитые эпиграммы на политику правительства и т. д.

Получая известия о событиях в России, передовая часть декабристов еще больше убеждалась, что существование самодержавия несовместимо со свободой личности, при нем не могут существовать никакие законы, оберегающие личность. Н. Бестужев в 1832 г. писал: «Где деспотизм управляет, там утеснение — закон: малые угнетаются средними, средние большими, сии еще вышшими»¹¹²⁾.

Несколько позднее Фонвизин писал, «Гадко читать в наших газетах хвалебные отзывы мудрому самодержавию, которое навсегда упрочило благоденствие России, а до нас доходят слухи, каково это благоденствие»¹¹³⁾.

Крестьянский вопрос также не был разрешен царским правительством. Разорявшиеся помещики усиливали эксплуатацию крестьянства, обезземеливали его, и этот многомиллионный угнетенный класс по-прежнему коснел в рабстве и невежестве.

И. И. Пущин в 40-х годах в своих замечаниях на статью Фонвизина о значении указа «Об обязанных крестьянах и о мерах к его более широкому применению» говорил, что положение крепостных остается ужасным: «Под мраком неиз-

¹⁰⁹⁾ Воспоминания Бестужевых, Изд. АН СССР, 1951, стр. 544

¹¹⁰⁾ М. С. Луни, Взгляд на дела Польши 1840 г., Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, М., 1951, т. II, стр. 176

¹¹¹⁾ Воспоминания Бестужевых, АН СССР, 1951, стр. 544

¹¹²⁾ Воспоминания Бестужевых, АН СССР, 1951, стр. 11—12

¹¹³⁾ ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 101, л. 227.

ности страдают и гибнут жертвы», и это «заставляет желать скорого изменения, которое защитило бы бедный класс»¹¹⁴).

Сибирь, в которой находились в это время декабристы, не представляла исключения из общей картины народных страданий, хотя здесь, в силу исторических особенностей, положение крестьян было несколько лучше, чем в России.

Наблюдая жизнь заводских рабочих, государственных крестьян, каторжных, общаясь с передовыми людьми Сибири, декабристы видели, что если в Сибири и нет крепостного права, то население ее подвергается административному произволу и ничем не ограниченному грабежу царских чиновников, посланных самодержавием в Сибирь для выколачивания ее богатств. И декабристы пришли к выводу: теми мерами, которыми действует правительство, избавить население России и Сибири от гнета, произвола, голода и эпидемий восстаний и бунтов нельзя, нужны радикальные средства. Лунин говорил, что «...все лекарства, применяемые к обществу, которые не в состоянии будут непосредственно удалить эти главные причины болезни, будут лишь напрасным шарлатанством, более способным ухудшить болезнь, скрывая ее, чем радикально излечить ее»¹¹⁵).

Тяжелое положение трудящихся масс и их выступления не могли не привлечь к себе особое внимание декабристов и не оказать влияния на дальнейшее развитие их взглядов. Особенно всколыхнуло декабристов известие об июльской революции 1830 г. во Франции.

Лорер писал, что о событиях во Франции они узнали при переходе из Читы в Петровский завод. «Ворота тяжело скрипели на петлях, когда один из наших товарищей, держа лист иностранной газеты, громко объявил нам, что во Франции революция, что Карл бежал в Англию и мы, как бы сговорившись, толпой двинулись в нашу темницу с песнею Марсельезы»¹¹⁶). Вслед за событиями об июльской революции до декабристов дошло известие о восстании в Польше в 1830—1831 г.

«Мы читали с жадностью, — вспоминал Басаргин, — тем более, что тогдашние события в Европе и самой России, когда сделалось июльское восстание, не могли не интересовать нас»¹¹⁷). Узники ответили на него стихотворением, написанным Одоевским в 1831 г. («При известии о польской

¹¹⁴) ЦГИАМ, ед. 279 (Якушкиных), оп 1, ед хр 296, л. 8

¹¹⁵) М. С. Лунин, Общественное движение в России. Письма из Сибири. ГИЗ, 1926, стр. 27

¹¹⁶) Из записок декабриста Н. И. Лорера, «Русское богатство», 1904 г., июнь, № 7, стр. 35.

¹¹⁷) Н. В. Басаргин, Записки, СПб., 1872 г., стр. 117.

революции»)¹¹⁸⁾. Они приветствовали поляков, поднявшихся за свое освобождение от гнета самодержавия Николай Бестужев назвал восстание поляков «благородным предприятием», а Одоевский «небесным звуком спадающих оков», который так мил сердцу декабристов и который возбудил «всю цепь возвышенных мечтаний», заставил «вдрогнуть сердца», напомнил пять жертв, погибших во время восстания. И несмотря на то, что погибли их товарищи и они заключены в гроб и вынуждены хоронить «чувств привычные порывы», они не отказались от своих идей:

«Нет, в нас не гаснут их мечты,
Еще струна издаст бывалый звон,
Она дрожит »

Они выражали уверенность, что скоро настанет расправа с палачами: тот огонь, который вьется вокруг шеи повешенных жертв, «пожжет чело их палачей». Декабристы осудили расправу самодержавия с восставшими. Ивашев написал сатирический куплет на поход Дибича:

«Дибич слово царю дал
Сладить с поляками
и поляков откатал
своими боками, боками»¹¹⁹⁾.

Лунин же писал: «Меч был поднят против народа одного с нами происхождения... и братья истребляли друг друга»¹²⁰⁾. Лунин и другие декабристы считали, что восстание поляков и не могло победить, так как надежды на помощь в освобождении они возлагали не на союз с русским народом, а на западные державы (французов). Декабристы считали, что Польша сможет добиться свободы только в совместной борьбе с русским народом против самодержавия и только при согласованности действий обоих народов русские, по словам Лунина, «...предлагают им не благотворительную опеку, а согласованность воли и соединение усилий к одной цели, которую они провозглашают... надежды на помощь западных держав будут всегда несбыточны, ...единственный шанс на успех заключается в тесном союзе с русскими»¹²¹⁾.

Таким образом, в сибирский период декабристы, как и накануне восстания 14 декабря, предлагали полякам вести

¹¹⁸⁾ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов М., 1951, т. III, стр. 237.

¹¹⁹⁾ Д. И. Завалишин, Записки декабриста СПб., 1906, стр. 273.

¹²⁰⁾ М. С. Лунин, Общественное движение в России. Письма из Сибири. П., 1926, стр. 16.

¹²¹⁾ М. С. Лунин, Взгляд на дела Польши 1840 г. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, М., 1951, т. III, стр. 178.

совместную борьбу против самодержавия, которое угнетает не только народы Польши, но и России.

Уже на поселении декабристы узнали о революции 1848 г. во Франции. И. И. Пущин писал Д. И. Завалишину: «В Европе необыкновенные события. Они повременно доходят и до тебя. Ты можешь себе представить, с какою жадностью мы следим за их ходом, опережающим все соображения. Необыкновенно любопытное настает время»¹²²).

Вслушиваясь в ход событий, декабристы видели, что Европа переживает бурное время. Жадно всматриваясь в революционное движение, они обсуждали его, извлекали опыт и обогащали свои взгляды. Изучение положения дел на Западе и в России приводило передовых декабристов к выводу, что только республика может обеспечить гарантию свободы личности человека, освободить его от произвола самодержавия и только революция сможет освободить народные массы от всех тягестей, налагаемых на них неограниченной властью.

Реакционная политика самодержавия, проводимая после подавления восстания 14 декабря, убеждала декабристов в том, что только осуществлением программы Тайного общества можно вывести страну из того экономического и политического кризиса, в котором она находилась. И они остались верными программе Тайного общества. Эта программа была изложена в стихотворении Вадковского, написанном в Петровском каземате, «Желания» и в пояснениях к нему «Требования Тайного общества»¹²³). Этих требований одиннадцать: 1. Уничтожение самовластия. 2. Освобождение крестьян. 3. Преобразование в войске. 4. Уничтожение телесных наказаний. 5. Равенство перед законом. 6. Свобода книгопечатания. 7. Признание народной власти. 8. Палата представителей. 9. Общественная рать или стража. 10. Первоначальное обучение. 11. Уничтожение сословий.

До конца своих дней убежденные в правоте Тайного общества, декабристы не отказались от его программы и свободлюбивых идей. Под запорами и замками они продолжали отстаивать свое дело, петь «вольность святую», призывать русское общество пробудиться, запеть «песнь свободы». «Пробудитесь! Песни вольные оглашают вас» — писал Одоевский в стихах «На переход из Читы в Петровский завод в 1830 г.»¹²⁴).

¹²²) И. И. Пущин, Записки о Пушкине. Письма из Сибири, М., 1925, стр. 216.

¹²³) Избранные социально политические и философские произведения декабристов, М., 1951, т. III, стр. 112, 113.

¹²⁴) Там же, стр. 234

Часть декабристов, убежденная в правоте своего дела, не теряя надежды на то, что когда-нибудь представится возможность быть полезным отечеству, занялась самообразованием: обратилась к изучению точных наук, сложной техники, литературы, истории, военного искусства, иностранных языков и во весь казематский период жизни сохранила бодрость и уверенность. Другая же часть декабристов, пережив разгром восстания и раскаявшись еще в период следствия в своем безумном поступке, и в казематах при известиях о реакционной политике самодержавия оказалась не в состоянии преодолеть своего кризиса: находилась в упадочническом настроении и склонилась к изучению религии, ударились в мистицизм.

Уже в Читинском каземате составилась кружок, названный «конгрегацией». В нем объединились, по свидетельству Якушкина, люди, «которые по обстоятельствам, действовавшим на них во время заключения, обратились к набожности»¹²⁵⁾. Изучением религиозных догм увлекались Бобрищев-Пушкин, Беляевы, Фаленберг, Фролов, Оболенский и другие. От прежних материалистических взглядов, по словам М. М. Богдановой, в казематский период стал отходить Н. Крюков и в ссылку приехал почти верующим человеком¹²⁶⁾.

Изучением религиозных вопросов увлеклись в основном те из декабристов, которые в период следствия раскаялись в своем участии в движении, и в каземате не разделяли взглядов своих убежденных товарищей на дело 14 декабря, признали его «роковой ошибкой» и всякую борьбу «суею мирскою». Сын декабриста Якушкина, Евгений Иванович Якушкин, дважды бывавший в Сибири и очень хорошо знавший всех ссыльных декабристов, указывал именно на эту связь. В письме к жене из Сибири он говорил, что большая часть декабристов не ставит на пьедестал то дело, за которое они пострадали, напротив, они «...ставят его даже ниже, чем оно должно стоять, — правда, что большая часть ударились в мистицизм и поэтому прежние понятия не совсем сходятся у них с новыми»¹²⁷⁾.

Таким образом, Е. И. Якушкин ставил в прямую зависимость религиозность и мистицизм части декабристов от того, как они оценивали свое выступление против царизма. Не сумев извлечь правильных уроков из поражения восстания и осудив свое выступление 14 декабря, эта часть декабристов

¹²⁵⁾ И. И. Якушкин, Записки, 1908, стр. 128

¹²⁶⁾ М. М. Богданова, Декабристы в Минусинской ссылке. Сб. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1952, стр. 109

¹²⁷⁾ Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М., 1926, стр. 30

потеряла точку опоры. Оторванная от народа и не видевшая в нем той силы, которая преобразует мир, она искала спасения в религии и закономерно пришла к мистицизму. Вместе с этим изменились и их общественно-политические взгляды в сторону все большей умеренности. Именно об этой части декабристов Беляев говорил в своих «Воспоминаниях», что когда декабристы, возвращаясь с земляных работ в Чите, обыкновенно напевали «Allons enfants de la Patrie» (Марсельезу), то она подходила не ко всем членам казематского общества. Она «...вовсе не подходила уже к мирному настроению, как нашему с братом, так и большей части товарищей¹²⁸»).

Но та часть декабристов (Якушкин, Лунин, Н. и М. Бестужевы, братья Борисовы, Волконский и др.), которая осталась верной освободительным идеям, в условиях углубления кризиса крепостнической системы России 30—40 годов XIX в пошла по линии преодоления дворянской ограниченности. Разбор причин поражения восстания, общение с простым народом (каторжными, населением Читы и Петровска и крестьянами их окрестностей) вновь поставили перед декабристами вопрос о роли народа в судьбах государства и истории.

Как всегда бывает в таких случаях, взоры обращаются к критическим моментам в жизни отечества — к борьбе за национальную независимость. Ряд декабристов — Лунин, Фонвизин и другие — занялись изучением героической борьбы русского народа в прошлом. Николай Бестужев — Отечественной войной 1812 г. В Петровском заводе он написал повесть «Русские в Париже в 1814 г.», а несколько позднее составил «Заметки о войне 1812 г.». Воспоминание о 1812 г. еще раз убедило Николая Бестужева в том, какую замечательную роль сыграл в этой войне народ. Именно народ, и прежде всего крестьянство, эксплуатируемое дворянами-помещиками, поработенное, носящее позорное имя «крепостного люда», вынесло на плечах своих всю тяжесть войны. Именно народ решил судьбу войны, он спас независимость отечества. В своей «Заметке о войне 1812 г.» Н. Бестужев записал: «Воодушевление народное в России было велико, потому что это была война народная». К такому выводу пришел он в оценке Отечественной войны 1812 г.

Размышляя над положением народа, его рабским состоянием и бедностью, героическим и беззаветным поведением во время войны, Н. Бестужев убеждался в том, что сила и богатство всякого государства основывается на силе и богат-

¹²⁸) А. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном 1805—1850 гг. СПб, 1882, стр. 213

стве народа и что народ играет виднейшую роль в важнейших событиях истории Н. Бестужев пришел к открытию новой «простой и ощутительной истины», которая, по его словам, показывает путь к другим «многочисленным проблемам».

«До сих пор, — писал он, — история писала только о царях и героях, политика принимала в рассуждение выгоды одних кабинетов, науки государственные относились только к управлению и умножению финансов, — но о народе, его нуждах, о его счастье или бедствиях, мы ничего не ведали, и потому наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государств, обширность торговли, богатство купечества и банков за благосостояние целого народа»¹²⁹⁾ И Николай Бестужев выдвинул на первый план историю народа, в центр внимания поставил народ с его чаяниями и надеждами

Однако этот замечательный вывод, сделанный только после поражения восстания, не позволяет еще говорить о том, что Н. Бестужев понял, что «народные массы являются подлинными творцами истории», как думает Г. Е. Павлова, касаясь этого вывода декабриста¹³⁰⁾. Взгляды Н. Бестужева на роль народа, высказанные в 1830-32 гг., свидетельствуют лишь о том, что дворянский революционер обратился к народу, стал действительно придавать ему значение в судьбах государства и, прежде всего, в решающие моменты истории, перестал сбрасывать его с ее счетов и попытался отстоять и доказать его законное и почетное место в судьбе отечества.

Несмотря на эту эволюцию взглядов Н. Бестужева в сторону демократизма, он оказался не в силах понять повседневной творческой роли народных масс, их действительного места в историческом процессе и в своих взглядах на народ в основном остался в рамках просветительства. Он говорил о народе вообще, смотрел на него не как на постоянную движущую силу исторического процесса, а как на объект, подвергающийся несправедливому грабежу и насилию, и всеми мерами стремился отстоять его интересы

Таким образом, Н. Бестужев лишь после поражения восстания на Сенатской площади высказал замечательную мысль, что история есть и должна быть историей народа, а не царей и героев, и что в поворотные моменты истории от народа зависит ход исторического развития

К такому выводу после поражения 14 декабря пришли многие из революционно настроенных декабристов. Михаил

¹²⁹⁾ Н. Бестужев, Статьи и письма, изд. политкаторжан, М., 1933, стр. 93.

¹³⁰⁾ Г. Е. Павлова, Декабрист Н. Бестужев. Мирозрение и общественно-политическая деятельность. Автореферат, л. 1952, стр. 11

Бестужев, Горбачевский, Лунин, Поджино, Завалишин, Вотконский, братья Борисовы и другие, хотя они и не смогли сформулировать свои взгляды на народ так, как это сформулировал Н. Бестужев. Судя по воспоминаниям, письмам и статьям этих декабристов, проблема народа стала очень близкой их взглядам. Тема народа красной нитью проходит через их воспоминания. В этом отношении показательны «Записки» декабриста Д. И. Завалишина. Для них характерен прежде всего демократический колорит и осознание значения народной стихии в восстании, что особенно интересно, ибо Завалишин не был на Сенатской площади и, следовательно, только в известной степени выражал взгляды участников восстания. Д. Завалишин без тревоги и опасения, но с явным сочувствием рассказывает о поведении народа на Сенатской площади и с сожалением говорит о том, что декабристы не сумели привлечь народные массы, толпившиеся на площади, к восстанию. На протяжении всех «Записок» из его поля зрения народ не выпадает. О нем он говорит, когда описывает свою жизнь в каземате и на поселении, обращает внимание на состояние общего уровня развития народа Сибири, материальных условий его жизни, нравственные качества и говорит о том гнете, грабеже и произволе, которому подвергались народные массы Сибири.

М. С. Лунин, много и серьезно занимавшийся в сибирский период вопросами истории, приблизился к пониманию того, что решающим лицом в истории является народ. Так, свержение татарского ига он правильно считал результатом борьбы русского народа против своих поработителей. «Не слабостью монголов и происками князей освободилась Россия. Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов¹³¹⁾».

Очень характерны для понимания взглядов на народ его рассуждения о роли идей и народных масс в истории¹³²⁾. С его точки зрения, идеи в своем развитии проходят три этапа. Сначала они появляются в головах прогрессивных деятелей и печатаются в книгах. На этом первом этапе идеи не представляют почти никакой силы. Потом пробивают себе дорогу в массы. Все больше и больше массы народа увлекаются и находят в них решение задач, поставленных самой жизнью, и, наконец, наступает третий этап, когда идеи входят как бы в кровь народа, т. е. делаются народным чувством и тем самым приобретают непреодолимую силу. Теперь уже действуют не идеи, а народные массы, оснащенные знанием того

¹³¹⁾ М. С. Лунин, Сочинения и письма II, 1923, стр. 79.

¹³²⁾ Там же, стр. 14

передового порядка, к которому они стремятся. Всякие попытки приостановить развитие идей на этом этапе вызывают революционный взрыв и приводят рано или поздно к установлению нового порядка жизни. Революцию совершают уже не идеи, а массы, осознавшие передовые теории, идеи. Руководствуясь этими общетеоретическими положениями, которые Лунин сформулировал в Сибири, в результате постоянного «размышления о выгодах Родины» и анализа движения декабристов, он утверждал, что если «идея национальной независимости» стала уже народным чувством, т. е. она приобрела такую силу, что никаким внешним врагам не удастся покорить русский народ и превратить его в своих рабов, то идея гражданской свободы внутри страны еще остается оглушением. Эта идея «гнездится» пока еще в головах небольшой группы людей и ее надо распространить в народе. Лунин выражал уверенность в то, что идея гражданской свободы станет безусловно народным чувством и, став последним, она одержит победу.

Несмотря на эти замечательные рассуждения о роли идей и народа в истории, Лунин не смог понять повседневной творческой роли народных масс в историческом процессе. Он безоговорочно признает за народом далеко не последнюю роль в важнейших моментах истории, но не понимает, что народ творит историю ежедневно, ежедневно.

Такое внимание к проблеме народа и попытка разрешить ее появляется у Лунина только в сибирский период, после поражения восстания. В своих письмах к сестре он прямо говорит, что его мысли созрели в тишине темниц¹³³).

Из всех декабристских мемуаров наибольшим демократизмом, сознанием значения народной стихии в восстании выделяются «Записки И. И. Горбачевского» — Петра Борисова. На протяжении всех «Записок» автор, рассказывает ли о деятельности Тайного общества или о действиях руководителей его в день восстания, ни на минуту не выпускает из поля зрения солдатскую массу. Он показывает ее настроение и чаяния до начала действий Тайного общества и подробно рисует поведение в дни восстания. Солдаты у Борисова являются такими же активными участниками восстания, как и организаторы его: Кузьмин, Сухинов, С. Муравьев-Апостол. В своих «Записках» Борисов показывает сознательность, верность и преданность солдат, принимавших участие в восстании Черниговского полка. Он с любовью зарисовывает образ фельдфебеля Шутова, отказавшегося вместе со своей

¹³³) М. С. Лунин, Письмо из Сибири 1838 г. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. III, стр. 196.

командой подчиниться генералу Тихоновскому, пытавшемуся удержать их от участия в восстании. При этом Борисов подчеркивает, что такая верность и преданность солдат достойна всякого замечания, тем более, что Шутов знал о своем назначении в офицеры и о том наказании, которое его ожидало в случае поражения восстания¹³⁴). По мнению Борисова, какое-то темное желание изменить существующий порядок вещей волновало солдат, они хотели изменить свое положение, но как — они не знали, и поэтому, когда их привлекли к восстанию, они действовали сознательно и с огромным желанием.

Однако говоря о сознательности, о благородном чувстве, одушевляющем большую часть солдат, Борисов в то же время не скрывает и отрицательных качеств у них. Он рассказывает, что среди солдат имелись такие, которые позволяли «разного рода шалости и бесчинства», нарушали дисциплину и даже проявляли буйство и неповиновение своим офицерам во время восстания. Он рассказывает, как один из солдат сорвал платок с головы женщины, провожавшей его как доброго постояльца, как несколько рядов солдат ворвались в дом Гебеля и предались буйству, угрожая убить жену Гебеля вместе с ее детьми, и т. д.

Но подобного рода буйства не пугают Борисова, он о них повествует спокойно, без отвращения, негодования и какого-либо страха и тревоги. Его рассказ остается таким же спокойным даже тогда, когда речь идет о схватке раздраженных солдат с Сухиновым, пытавшимся остановить их буйство. И здесь Борисов не высказывает ни малейшего презрения или омерзения к солдатам, готовым покуситься на жизнь своего любимого офицера. По мнению Борисова, такие неистовства и буйства «почти неизбежны» в таком предприятии, но их не нужно пугаться, а необходимо предупредить, не оставляя солдат без присмотра, а если подобное случится — проявить твердость и решительность, как это сделал Сухинов во время попытки солдат устроить погром в доме Гебеля. А чтобы вообще избежать подобных примеров, Борисов считает необходимым посвящать солдат в планы Тайного общества, в цели восстания, вести пропаганду среди солдат, «...стараясь как бы слиться с ними, породнить их со своими мыслями и желаниями», и таким образом сделать их сознательными участниками восстания, что исключит бессмысленные кровопролития и буйства во время восстания со стороны солдат. П. Борисов останавливается также на изображении простого народа — крестьянства и показывает от-

¹³⁴) И. И. Горбачевский, Записки и письма декабриста. М., 1925, стр. 149.

ношение его к восставшим: его радушие, заботу о солдатах во время похода, спасение жизни участнику разгромленного восстания Сухинову и т. д. Борисов подчеркивает, что крестьянство в солдатах видело своих защитников. «Казалось, крестьяне при всей их необразованности понимали, какие выгоды могут иметь от успехов Муравьева»¹³⁵⁾

Для «Записок» Борисова характерно то, что изображение крестьянства у него занимает гораздо меньше места, можно сказать, незначительное место по сравнению с изображением солдат. И это не случайно. Борисов считал главнейшей силой переворота солдатскую массу, способную при известной поддержке народа решить судьбу общественного устройства России. Крестьянству же в перевороте не отводилось особого места. Соприкоснувшись с каторжными во время пребывания в каземате, Борисов не проходит и мимо их. Он зарисовывает отдельные образы из них (участников заговора Сухинова-Голикова, Бочарова), говорит о тяжелом положении ссыльных и каторжных. Однако П. Борисов невысокого о них мнения. Его оценка этого «отверженного элемента» очень разнится с оценкой И. Горбачевского, М. Бестужева и других декабристов. Каторжных Борисов считает людьми испорченными, не способными ни на какое серьезное дело. Поэтому связь Сухинова с ними он квалифицировал как ошибку, заставившую его «унизиться предосудительную связь с презрительными людьми. Ошибка сия, — добавлял он, — смута его страданиями и его кровью»¹³⁶⁾.

В этом отношении Борисова к каторжным со всей силой сказались ограниченность дворянского революционера, не сумевшего понять и дать правильную оценку этой категории людей, подвергавшихся нещадному гнету царской тюремной администрации.

Такое большое внимание Борисова к солдатским массам, не ослабевающее на протяжении всех «Записок», и известное внимание к крестьянству и каторжным есть результат влияния уроков восстания и той школы демократизма, через которую ему пришлось пройти после поражения восстания.

Демократизм воспоминаний П. Борисова говорит о том, что и перед ним во всю ширь встала проблема народа, которую он и пытался разрешить в своих «Записках». Наконец в «Записках» высказывалась замечательная мысль, что «без народа всякое изменение непрочно», что «... частная воля, частное желание — ничтожны без всемогущего двигателя в по-

¹³⁵⁾ И И Горбачевский, Записки и письма декабриста М., 1925, стр. 166

¹³⁶⁾ Там же, стр. 232.

литическом мире»¹³⁷). Поскольку без народа всякое изменение непрочное, то и в борьбе с царизмом народ должен играть не последнюю роль. По мнению Борисова, «Народ должен делать условия с похитителями власти не иначе, как с оружием в руках, купить свободу кровию и кровию утвердить ее»¹³⁸).

Таким образом, Борисов фактически пришел к выводу о необходимости народной революции в борьбе с самодержавием, только она, по его мнению, в силах уничтожить «исполнинские силы правительства». Однако, ратуя за участие народа в революции, Борисов не понимал и не мог определить ее движущих сил, они остаются для него неясными.

Под народной революцией Борисов подразумевал участие в восстании всех сословий вообще, всех жителей, отрицательно настроенных к правительству. Он нигде не выделяет крестьянство как основной революционный элемент, как главную движущую силу народной революции. Большие надежды он возлагает на солдат, считая их основной силой в перевороте, а народ рассматривается им только как подсобная солдатская сила. Тот демократический колорит, который так характерен для «Записок» Борисова, его утверждение, что «без народа всякое изменение непрочное» и что «народ является всемогущим двигателем в политическом мире», а следовательно, признание им выдающейся роли народных масс в революционном перевороте, говорят о той большой эволюции, которую пережил П. Борисов и другие декабристы. Эти выводы Борисовым были сделаны только после поражения восстания, хотя сам он утверждал, что Общество Соединенных Славян еще до объединения с южанами стояло за привлечение к восстанию народа и, по существу, за народную революцию, и якобы на этой почве были серьезные расхождения, трения и противоречия у славян с южанами. Однако Борисов здесь ошибался.

Будучи одним из основателей Общества Соединенных Славян и глубоко переживая неудачу восстания, он всю вину в поражении пытался переложить на плечи руководителей Южного общества — «аристократов», стремившихся якобы к диктаторству над славянами и с этой целью преувеличивавших значение своего общества. И. Борисов, вольно или невольно обличая несостоятельность руководителей Южного общества и их тактики, преподнесил тактику Общества Соединенных Славян более совершенной по сравнению с южанами. И не случайно, что все возражения и споры, якобы имев-

¹³⁷⁾ И. И. Горбачевский, Записки и письма декабриста. М., 1925, стр. 91

¹³⁸⁾ Там же, стр. 78

шне место между славянами и южанами относительно тактики, вложены в уста Борисова 2-го, т. е. автора «Записок». Характерно также и то, что никто из «Славян» ни во время следствия, ни в Сибири не говорил о серьезных расхождениях по вопросам тактики. Горбачевский, остановившийся довольно подробно на причинах поражения восстания, ни прямо, ни косвенно не обмолвился об этих расхождениях. Он только упрекал южан и северян в том, что они, в отличие от «славян», действовали нерешительно, боялись пролития крови и строили какие-то холодные расчеты.

Такого рода догадки, какие высказывал П. Борисов об огромной роли народа в революционном перевороте, имеют место в сибирский период у ряда других декабристов, Лунина, Поджою, Н. Бестужева и т. д. Так, Поджою приходил к мысли, что крупные перевороты в истории связаны с борьбой народных масс, и если в государстве царствует тишина и спокойствие, то это объясняется бессилием народа¹³⁹).

И Поджою уже по-новому подошел к Пугачеву и его восстанию: он назвал его «великой исторической личностью» и посвятил целую страницу «гражданину-разбойнику», признал за ним и народом право на разбой во имя освобождения человека. «Сердобольный мой читатель не терпит, гнушается разбоев, не правда ли? Не терплю их и я, с той, однако, разницей, что для меня разбой — все тот же разбой, кем бы, под каким предлогом он не совершился, если он не совершается во имя естественного, неотъемлемого права человека. Если Пугачев пошел разбоем, то Михельсон пошел тем же путем, с той разницей, что первый стоял за свободу, а последний настаивал на закреплении злодейского рабства»¹⁴⁰).

Поджою фактически признал право участия народа в движении естественным и необходимым. Он даже упрекал народ, под которым понимал все сословия русского общества, в том, что когда этот «Русский Спартак», «отважный казак» проповедовал «...восстание уничтожением дворян, рабства и восстановления прав на свободу человека», то русский человек на такой жизненный и насущный вопрос откликнулся холодным и раздражительным равнодушием.

Следовательно, Поджою уже не пугало ни «разбойное» восстание Пугачева, ни участие народа в революционном движении, напротив, только силой проснувшегося народа он объяснял успехи народов европейских государств в уничтожении ненавистного им строя.

¹³⁹) А. В. Поджою, Записки Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 г. М., 1931, т. I, стр. 71

¹⁴⁰) Там же, стр. 70

Как же и для М. С. Лунина в сибирский период его жизни уже не стоял вопрос: привлекать или не привлекать народные массы к революционному движению. Он отлично понимал, что только движение народных масс способно снести и разрушить до основания старый строй. «Из вздохов, заключенных под соломенными кровами, рождаются бури, низвергающие дворцы»¹⁴¹⁾.

Следовательно, признав огромную роль народных масс в важнейших исторических событиях, передовые из декабристов в той или иной степени подходили к идее народной революции. Однако, говоря о народной революции, декабристы принимали ее как революцию с участием подготовленного «просвещенного» народа (Лунин, Поджио). Революция же с участием «непросвещенного» народа признавалась бессмысленной, бесплодной, так как не смогла бы принести народу желаемых результатов и на этом основании вызывала у них прежнее недоверие. И это закономерно. Будучи дворянскими революционерами, они не могли до конца преодолеть своей классовой ограниченности. И хотя поражение восстания, казематы и ссылка повернули их в сторону народа, но и эта школа оказалась недостаточной в борьбе с классовой ограниченностью. Подойдя к идее народной революции, они не поняли ее движущих сил и не смогли прочно встать на ее позиции, как это сделали революционеры-демократы 60-х годов XIX в. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Далеко не все участники движения сумели развить дальше идеи декабризма, что особенно ясно видно на отношении их к народу. Одни из них, как Оболенский, Трубецкой, в своих мемуарах вообще не упоминали о народе и его роли на площади, другие, как Штейнгель, Якубович, говорили о нем со страхом и тревогой, третьи, как Беляев, Фонвизин, игнорировали его революционные возможности и третировали как толпу «зевак», «черни», способной только на разрушения и неистовства.

Если часть декабристов и в сибирский период жизни не смогла сколько-нибудь преодолеть дворянской ограниченности, по-прежнему игнорировала проблему народа, то другая часть обратилась к народу и сделала попытку разрешить этот важнейший для декабризма вопрос.

Литераторы-декабристы, как убедительно показывает исследователь декабристской литературы В. Базанов, старались сблизиться с народом: изучить его быт, нравы, обычаи, вникнуть в его условия жизни и чаяния. И в их повестях и рассказах появились смелые, сильные люди из народа¹⁴²⁾.

¹⁴¹⁾ Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма, П., 1923, стр. 53.

¹⁴²⁾ В. Базанов, Очерки декабристской литературы, М., 1953, стр. 437, 450, 454.

Многие из декабристов занялись изучением народной героики, народного эпоса, песен, сказок. По свидетельству Розена, Ивашев уже в каземате написал поэму о «Степане Разине»¹⁴³⁾. Хотя содержание поэмы и направленность ее нам неизвестны, так как она до нас не дошла, но сам факт — обращение к руководителю народного движения — факт, который говорит о попытке декабристов разрешить проблему народа. В. Кюхельбекер в 1834 г. пишет трагедию «Прокофий Ляпунов», в которой отводит значительное место народу¹⁴⁴⁾.

Более того, декабристы сознательно идут на сближение с народом

Это стремление некоторых декабристов (бр. Бестужевых, Завалишина, Горбачевского, Якушкина, Пущина и др.) стать ближе к народу происходило из глубоких принципиальных соображений. Они пытались всмотреться в него, понять, может ли он воспринять передовые идеи, способен ли он на разумное участие и действие в революции. Встречи с народом, непосредственное соприкосновение с сибирским крестьянином, поселенцем и каторжным, беседы с ними еще раз заставили убедиться декабристов, что с таким уровнем развития народ не может выработать «свои стремления» и стать сознательным участником движения, борцом за свои интересы. Его нужно готовить к этой исторической миссии: просвещать, распространять прогрессивные взгляды, воспитывать, особенно молодое поколение из всех сословий, которое должно будет учесть их ошибки и действовать «побойчее» и решительнее. И они верили, что при усилении всех передовых и прогрессивно настроенных людей русского общества возможно поднять общий уровень народа и тем самым приблизить его освобождение.

«Поднять уровень народа можно, — писал Г. С. Батеньков, — любить его, сближаться с ним, внимать ему должно и вредно не предварить его и уходить от него далеко по естественному преимуществу умственного труда»¹⁴⁵⁾.

Именно в просветительстве декабристы нашли свое новое назначение в революционном движении после поражения восстания.

И. Д. Якушкин в своих «Записках» рассказывает, что когда в 1827 г. все они были собраны в Читинском остроге, то между ними ходили различного рода планы о возможности освободиться, но «Впоследствии, — писал он, — когда все и

¹⁴³⁾ А Розен Записки декабриста, СПб, 1907, стр. 175

¹⁴⁴⁾ В. Кюхельбекер, Сочинения под ред. Ю. Тынянова, изд. Советский писатель, 1939, т. II, стр. 229, 245, 290, 291.

¹⁴⁵⁾ Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина, ф. Батенькова, ед. хр. 6/10. Разрозненные листы.

каждый оценил то назначение, какое мы имели в нашем положении, никому на мысль не приходило намерение освободиться. Никто даже из находившихся на поселении, в самых тяжелых обстоятельствах, не попытался избавиться от своих страданий бегством»¹⁴⁶⁾.

Тот смысл, который вкладывал Якушкин в «новое назначение», раскрывает Свистунов «Он раньше других, — писал Свистунов о Якушкине, — пришел к тому убеждению, что каждый член общества и на скромном поприще домашней жизни может и словом и примером принести немалую пользу Отечеству»¹⁴⁷⁾.

С предельной ясностью и лаконичностью смысл нового назначения декабристов после поражения восстания сформулировал М. С. Лунин: «Настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили»¹⁴⁸⁾.

Развивая дальше свою мысль, Лунин писал. «Политические изгнанники образуют среду вне общества. Следовательно, они должны быть выше или ниже его, чтобы быть выше, они должны делать общее дело»¹⁴⁹⁾.

И этим «общим делом» всех декабристов в Сибири, которое объединяло их и ставило выше окружающей среды, было просветительство.

Крестьянский вопрос в мировоззрении декабристов

Как известно, участники движения 14 декабря 1825 г. выступили против крепостного права и сделали попытку революционным путем добиться его уничтожения. В сибирский период жизни они не только остались горячими противниками крепостного права, но в условиях дальнейшего кризиса феодального хозяйства 30—40-х гг. XIX в. передовые из них развили и углубили дальше свои взгляды по этому важнейшему вопросу того времени.

К сожалению решение крестьянского вопроса декабристами после поражения восстания до сих пор не стало предметом специального исследования советскими историками. В

¹⁴⁶⁾ Д. И. Якушкин, Записки, статьи, письма. АН СССР, 1951, стр. 115.

¹⁴⁷⁾ Воспоминания и рассказы деятелей Тайных обществ 1820 г., М., 1933, т. II, стр. 264.

¹⁴⁸⁾ М. С. Лунин, Сочинения и письма, под ред. С. Я. Штрайха, II, 1923, стр. 6.

¹⁴⁹⁾ Там же, стр. 26.

трудах же, посвященных сибирскому периоду их жизни, он решался и продолжает решаться лишь попутно¹⁵⁰⁾.

К тому же не все историки правильно освещают эту проблему в мировоззрении декабристов. Так, В. Н. Соколов в силу общей неверной трактовки деятельности в сибирский период их жизни как «деклассированных» помещиков, оказавшихся отрезанным ломтем от России и нашедших в Сибири все то, чего добивались в России и прежде всего отсутствие помещичьего землевладения, пришел совершенно к неправильному выводу о взглядах декабристов на крестьянский вопрос. Ограничившись незначительным кругом первоисточников, Соколов не только не проследил эволюцию взглядов декабристов по крестьянскому вопросу, но, вопреки всем фактам, заявил, что они «не столько изменились в своих воззрениях на этот предмет, сколько отстали»¹⁵¹⁾. Игнорируя огромнейшую прогрессивную эволюцию взглядов Н. Бестужева, Я. Кушкина, Ф. Фунвизина и основываясь лишь на взглядах Оболенского, Свистунова, Беляева, Розена и их отношении к реформе 1861 г., Соколов пришел к выводу: «Они вернулись с теми же добрыми крестьянофильскими пожеланиями, во имя которых тридцать лет назад выходили на Сенатскую площадь»¹⁵²⁾.

Из всей постановки крестьянского вопроса в мировоззрении декабристов Соколовым следует, что декабристы даже не заметили тяжелого положения крестьянства Сибири, перестали думать и бороться за освобождение многомиллионного крестьянства России.

Находясь в Сибири, декабристы не переставали интересоваться положением зависимого населения страны. Напряженно следя за все ухудшавшимися условиями жизни трудящихся масс и за мероприятиями правительства, направленными к укреплению крепостнических порядков в стране, декабристы находили положение в России 30—40-х гг. XIX в. в более «худшем состоянии, чем в прошлое царствование»¹⁵³⁾

¹⁵⁰⁾ См. В. Н. Соколов, «Декабристы в Сибири», Новосибирск, 1946 г., стр. 179—204.

¹⁵¹⁾ Л. Соколовский, Декабристы в период сибирской ссылки и после «амнистии» (1840—1860 г.) М., 1954 г., автореферат Г. Е. Павлова, Декабрист Н. А. Бестужев (мировоззрение и общественно-политическая деятельность), Л., 1952 г., автореферат Е. Е. Боборыкина, Декабрист Н. Бестужев (революционная деятельность и общественно-политические воззрения), Л., 1955 г., автореферат.

¹⁵²⁾ В. Н. Соколов, Декабристы в Сибири, Новосибирск, 1946 г., стр. 198.

¹⁵³⁾ Там же, стр. 199.

¹⁵⁴⁾ М. С. Лукин, Общественное движение в России. Письма из Сибири I изд., 1926 г., стр. 19.

Н. Бестужев, М. А. Фонвизин, Лунин и другие декабристы в своих статьях, написанных в сибирский период их жизни, рисовали тяжелое правовое и материальное положение крепостного крестьянства России и доказывали, что крепостное право не только претит естественным правам человека, но и унижает Россию в глазах Европы, тормозит прогрессивное развитие страны; замедляет успехи сельского хозяйства и просвещения; не дает хода развитию «гражданственности», препятствует благосостоянию народа. Все это, по мнению декабристов, понимало правительство, а между тем, не хотело принимать никаких радикальных мер. «Что бы, казалось, мешало самодержавию одним почерком пера освободить всех крепостных? Это действие согласно было бы и с религией, и с здоровой политикой»¹⁵⁴), — писал Фонвизин.

Осенью 1830 года по России прокатилась эпидемия холеры. Она унесла тысячи крестьянских жизней и, в связи с карантинными мерами, еще более ухудшила положение народных масс. Известия о холере и вспыхнувших стихийных протестах крестьянства скоро дошли до декабристов, заключенных в казематы. В ноябре 1830 года И. И. Пущин писал Энгельгардту: «Плачевное сие известие из Отечества сильно потрясло наши сердца»¹⁵⁵).

Вслед за холерой начались голодные годы. Декабристы считали, что они вызваны господством отсталого самодержавно-крепостнического строя в стране. И они подчеркивали, что это бедствие опять всей своей тяжестью легло на плечи трудящихся масс. М. С. Лунин писал: «Года 1833, 1834 и 1840 будут отмечены трауром в наших летописях из-за голода, почти всеобщего, поразившего страну и обличающего ряд основных пороков в общественной экономике»¹⁵⁶). Голод и холера ухудшили и без того тяжелое положение крестьянства. По всей России прокатилась волна крестьянских выступлений. Слухи о них и жестокой расправе с восставшими доходили сразу же до сибирских узников. Тот же Лунин писал, что холера, голод и войны (русско-персидская и русско-турецкая) принесли бедствие населению и привели к бунтам, вспыхнувшим в разных местах — «...Старой Руссе, в Севастополе, Санкт-Петербурге»¹⁵⁷).

¹⁵⁴) М. А. Фонвизин Обзор проявления политической жизни России, СПб., 1907 г., стр. 106

¹⁵⁵) И. И. Пущин Записки о Пушкине из Сибири, М., 1925 г., стр. 163

¹⁵⁶) М. С. Лунин Общественное движение в России Письма из Сибири Гиз, 1926 г., стр. 17

¹⁵⁷) Там же, стр. 16

Сибирь, в которой находились декабристы, не представляла исключения из этой общей картины все ухудшавшегося положения народных масс и крестьянских волнений, хотя здесь, в силу исторических особенностей, положение крестьян (особенно старожилов) было несколько лучше, чем крестьянства Европейской России. Декабристы хотя и идеализировали положение крестьян Сибири в связи с тем, что здесь не было крепостного права, но и в сибирской деревне они увидели имущественную дифференциацию, развитие кабальных отношений. Они указывали, что несмотря на огромные природные богатства, наличие пустующих земель, удобных для хлебопашества, и своеобразное землепользование, крестьянство Сибири не испытывало всеобщего благоденствия. Среди него имела значительную часть, которая в силу отсутствия средств и примитивных орудий труда не могла поднимать целину и вынуждена была идти в кабалу к зажиточному крестьянину. Пользуясь своими накоплениями и богатствами, зажиточные крестьяне сделали обычным явлением долговую систему, «...давая крестьянину, в нужде, деньги на уплату повинностей и заставляя его расплачиваться потом вдвое и втрое работою»¹⁵⁸), — писал Д. Завалишин.

Особенно сильное впечатление на декабристов произвело положение заводских крестьян. Поселенные в Петровском заводе, они близко познакомились с этой категорией крестьянства, являвшейся крепостными государства. Они увидели, что заводские крестьяне находятся в условиях во много раз худших, чем даже каторжные. Если каторжные после отбывания своего срока на заводе мог приписаться к волости в качестве поселенца и по истечении пяти лет — в сословие мещан, то «отверженное племя крестьян и горнозаводских служителей обречено с колыбели до совершенного истощения сил оставаться или угольщиком, или дровосеком, или кузнецом»¹⁵⁹), — писал М. Бестужев. Материальные условия жизни заводских крестьян, по мнению декабристов, были невыносимы. Оболенский говорил, что при переезде из Усолья в Нерчинские рудники он видел детей заводских крестьян, которые в десятиградусный мороз были «...без всякой одежды — как мать родила — и грелись на солнце. Зрелище такой картины давало понятие о благосостоянии заводских крестьян»¹⁶⁰).

Борьба крестьян Сибири за свое освобождение не была для декабристов чем-то неожиданным и случайным. Правда восстания крестьян здесь не были так часты и массовы, как в Европейской России. По данным В. И. Бочарниковой в Западной

¹⁵⁸) Восточное обозрение, 1882, № 9, стр. 11

¹⁵⁹) Воспоминания Бестужевых, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 168

¹⁶⁰) Воспоминания Е. П. Оболенского В ссылке и заключении, М., 1908 г., стр. 22.

Сибири на период с 1842 по 1843 г. приходилось 22 случая крестьянских волнений. Крупными из них были волнения в Тобольской губернии в 1842—43 гг., охватившие 12 волостей с населением около 22 тысяч ревизских душ¹⁶¹). Повседневной же формой борьбы сибирского крестьянства были жалобы, принимавшие часто массовый характер.

Ко всем этим событиям декабристы не только жадно прислушивались, но мучительно и упорно искали правильные пути и способы разрешения крестьянского вопроса. Тем более, что до 14 декабря вопрос, на каких условиях освобождать крестьян, вызвал среди них серьезные разногласия. Отсутствие единства взглядов, обсуждения и споры заставляли некоторых из них уже в казематах думать над разрешением этой трудной задачи. О большой работе декабристов свидетельствовал Розен. Он писал, что в Читинском каземате многие читали лекции для своих товарищей, а « мне пришлось пояснить личное освобождение крестьян из крепостной зависимости без наделов земли, без всяких выкупных договоров, но с общим правом приобретения земельной собственности по обоюдным соглашениям»¹⁶²). По заметкам в «Записной книжке» Н. Бестужева, относящимся к 30-м годам, видно, что он мучительно искал ответа на вопрос, что делать с земельной собственностью и как справедливо разрешить аграрный вопрос. В 1836 г. он писал: «Как поступать с землею: делить ли ее в собственность — какие последствия от этого?». «Может ли земля быть собственностью?»¹⁶³) — спрашивал он сам себя.

«Что полезнее для хлебопашества: земледелие в большом виде, или в дробных участках?»¹⁶⁴).

«Выгоднее ли землю обрабатывать малыми или в виде обширных поместьев»¹⁶⁵).

Все эти вопросы могли возникнуть только в результате горячих прений, обсуждений и размышлений над разрешением аграрного вопроса большого декабристского коллектива. В результате обсуждений и споров, учета последствий аграрных преобразований в Прибалтийских губерниях России, наблюдений над своеобразным землепользованием в Сибири, революционных аграрных преобразований в период буржуазной революции во Франции в сибирский период у декабристов произошло дальнейшее углубление взглядов на разрешение кре-

¹⁶¹) В. И. Бочарникова. Массовое движение государственных крестьян Западной Сибири в 20—40 гг. XIX в. и проект реформы П. Д. Киселева. М., 1955 г., стр. 11, автореферат.

¹⁶²) Кн. А. Одоевский. Полное собрание стихотворений, СПб., 1883 г., стр. 11.

¹⁶³) Н. Бестужев. Статьи и письма, М., 1933 г., стр. 249.

¹⁶⁴) Там же, стр. 248.

¹⁶⁵) Там же, стр. 250.

стьянского вопроса в России. Если до 14 декабря передовая и лучшая часть декабристов поднялась до требования конфискации части помещичьей земли в пользу крестьянства (П. Пестель), необходимости наделения крестьян землею при освобождении (Н. Бестужев, Якушкин и др.), и в то же время имелась известная часть членов тайного общества (Трубецкой, Нарышкин и др.), стоявшая только за личное освобождение крестьян от помещиков, то в сибирский период нет ни одного декабриста, который бы стоял за безземельное освобождение крестьянства. Виднейшие же представители движения Н. Бестужев, И. Якушкин и другие пришли к решению аграрного вопроса, напоминающего форму утопического социализма: поднялись до требования уничтожения частной земельной (помещичьей) собственности и передачи ее в пользование народа. В этом отношении интересно проследить взгляды И. Д. Якушкина. В «Мнении смоленского помещика об освобождении крестьян от крепостной зависимости» (1819) Якушкин наиболее полно обосновал личное освобождение крестьянства из-под власти помещиков¹⁶⁶). И только тогда, когда крестьяне отказались принять план безземельного освобождения, Якушкин понял несовершенство и ошибочность своего проекта и пришел к выводу, что «...освобождать крестьян, не предоставив в их владение достаточного количества земли, было бы только половиною обеспечить их независимость»¹⁶⁷).

В сибирский период у Якушкина, как и многих других декабристов, произошло прежде всего углубление взглядов на само крепостничество, на значение феодальной собственности в общественных отношениях.

«Кажется, нельзя сомневаться, — писал он в 1850 г., — что распределение земельной собственности у каждого народа определяет более нежели что-нибудь, и образ общественного существования этого народа»¹⁶⁸).

Наблюдая результаты остзейской реформы, которая, как мы знаем, обсуждалась в казематах, Якушкин пришел к выводу, что она не улучшила положения крестьянства¹⁶⁹). Изучение аграрного вопроса на Западе также показывало ему, что там собственность скопилась в одних руках, что привело к появлению пролетариата, положение которого в Европе, по словам Якушкина, ужасное.

Несомненно, известное влияние на разрешение Якушкиным аграрного вопроса в сибирский период его жизни оказали также утопические социалистические теории 40-х годов XIX в.

¹⁶⁶) И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 463—468.

¹⁶⁷) Там же, стр. 32.

¹⁶⁸) Там же, стр. 348.

¹⁶⁹) Там же, стр. 21.

30-40-е годы были временем распространения социалистических утопий Сен-Симона, Фурье, Оуэна и их последователей: Пьера Леру, Констана, Кабэ и других.

Передовые люди русского общества проявили живейший интерес к социалистической утопической литературе. А. И. Герцен в 30-х годах занимался изучением системы Сен-Симона, в 40-х годах с особым интересом и уважением к изучению Фурье отнеслись Петрашевский и Н. Г. Чернышевский. Декабристы не представляли исключения из этой общей картины живого интереса передовых людей России к самым различным утопическим социалистическим системам. Н. Бестужев, М. А. Фонвизин, Оболенский и другие хорошо были знакомы с ними, хотя и давали им самые различные оценки.

Среди разнообразных сибирских бумаг Якушкина имеется тщательно переписанная им статья «О философии и христианстве», известного социалиста-утописта Пьера Леру. Из письма И. Д. Якушкина к сыну Вячеславу от 6-го декабря 1854 г. видно, что он занимался изучением сочинений Прудона¹⁷⁰). Безусловно, Якушкин был знаком и с системами других утопистов 40-х годов: Констана, проповедывавшего имущественный коммунизм и понимавшего под ним полное отрицание частной собственности, с утопическим сочинением Кабэ «Путешествие в Икарию» (1840 г.), в котором последний утверждал, что «Республика или община должна владеть всем», а в 1847 г. с целью осуществления своих идей организовал в Техасе общину-республику, куда переселилось несколько сот французских рабочих. После 1848 года свою теорию «русского социализма» разрабатывает А. И. Герцен. Трудно сказать, был ли знаком Якушкин с ранними произведениями Герцена, в которых он излагал свое учение о крестьянском социализме, но уже в 50-х годах (1855 г.) Якушкин очень высоко ценил «направление» Герцена и сочувствовал его убеждениям. Несомненно одно, что знакомство Якушкина с утопическими коммунистическими идеями 40-х годов и разными формами «социализма 1848 г.» не могло пройти бесследно для его мировоззрения и не оказать известного влияния как на разрешение вопроса им, так и на мечты о новом гражданском устройстве России и ее будущем развитии. В сибирский период своей жизни Якушкин пришел к выводу, что для справедливого решения аграрного вопроса землю нужно распределить между крестьянами и передать ее в общинное владение, ибо за общиной будущее.

«Распределение поземельной собственности между крестьянами, — писал он, — и общинное владение ею составляют

¹⁷⁰) И. Д. Якушкин Записки, статьи, письма Изд. АН СССР, 1951 г., стр. 406.

у нас основные начала, из которых со временем должно развиться все гражданское устройство нашего государства»¹⁷¹⁾.

Передача же всей земли вместе с помещичьей усадьбой своим крестьянам при отпуске их на волю, проведенная его сыном Евгением Ивановичем в 1855 году, убеждает в том, что И. Д. Якушкин стоял не только за наделение крестьян землей, но именно за передачу им всей помещичьей земли. И под «распределением поземельной собственности» Якушкин понимал распределение помещичьей собственности между крестьянами, ибо только в этом случае возможно было наделить крестьян достаточным количеством земли и действительно обеспечить их независимость от помещиков.

При этом характерно, что «распределение поземельной собственности» среди крестьян, то есть право каждого на участок земли и общинное владение ею, Якушкин считал началами, на которых должно развиваться новое гражданское устройство русского государства, т. е. социалистическое. Хотя Якушкин прямо и не называет это будущее гражданское устройство социализмом, но несомненно он имел в виду его. Как известно, Герцен развитие социализма в России связывал как раз с теми началами, о которых говорил Якушкин: с правом каждого на землю, общинным владением ею и мирским управлением «На этих началах и только на них может развиваться будущая Русь»¹⁷²⁾, — писал Герцен.

Правда, Якушкин не назвал третьего начала — мирского управления, выдвинутого Герценом, но он безусловно о нем знал и придавал ему большое значение. Еще в «Мнении смоленского помещика» Якушкин его оценил как «дух общности», который направляет все частные действия и принуждает к работе туеядцев¹⁷³⁾. Подобное решение аграрного вопроса Якушкиным дает право говорить о том, что его взгляды развивались в сторону утопического социализма и были близки взглядам А. И. Герцена. О близости воззрений Якушкина к взглядам Герцена свидетельствует также письмо его к Герцену из Сибири в 1855 г. «Полярная звезда», — писал Якушкин, — читается даже в Сибири, и ее читают с великим чувством; если бы вы знали, как бы этому порадовались. Я уже не говорю о людях, которые сочувствуют вашим убеждениям и ценят вполне прекрасное ваше направление и благородный труд ваш, но даже и те, которые не имеют никаких убеждений, никакого направления, читая вашу книжку, и они находятся под каким-то обаянием, невольно грудь их расширяется,

¹⁷¹⁾ И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. Изд. АН СССР, 1955 г., стр. 32.

¹⁷²⁾ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и письма, под ред. М. К. Лемке М.—П., 1923 г., т. X, стр. 120.

¹⁷³⁾ И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 466.

и они чувствуют, что дышат свободнее»¹⁷⁴) Якушкину не удалось дожить до реформы 1861 г., он умер в 1857 г. Можно с уверенностью сказать, что крестьянская реформа 1861 г. не удовлетворила бы его, ибо половинчатая, проведенная руками крепостников, она была несовместима с демократическим аграрным планом И. Д. Якушкина.

Ту же эволюцию взглядов в сторону утопического социализма, но более сложную и трудную, принявшую религиозную окраску, можно видеть во взглядах М. А. Фонвизина в сибирский период его жизни. Под влиянием горячих споров и обсуждений, которые велись в казематском обществе по крестьянскому вопросу, М. А. Фонвизин стал одним из тех декабристов, которые посвятили все свои занятия разрешению этой трудной проблемы. По выходе на поселение он написал ряд статей. «О крепостном состоянии» (1842), записку «О значении указа об обязанных крестьянах и о мерах к его более широкому применению», которую читал И. И. Пущин и оставил свои пометки и которую нужно считать, как правильно указывает В. Н. Соколов, проектом Фонвизина-Пушина; а в 50-х годах составил статью «О социализме и коммунизме», в которой большое внимание уделил вопросу о крестьянской общине. Страстно желая освобождения десятимиллионного населения России от рабства, Фонвизин приветствовал даже те слабые и робкие меры правительства, которые, как ему казалось, могли бы послужить началом к разрешению крестьянского вопроса. Когда в 1842 г. вышел указ об обязанных крестьянах, Фонвизин приветствовал его, но однако так же, как и Герцен, указывал, что этот закон не заключает в себе «распоряжений обязательных, требуемых неременного исполнения»¹⁷⁵) для дворянства, и поэтому может рассматриваться только как внушение верховной власти дворянству, как первый осторожный шаг к постепенному введению законности вместо произвола. Неудовлетворенный указом 1842 г., Фонвизин в записках «О значении указа 1842 г.» и «О крепостном состоянии владельцев в России» в дополнении к этому указу предлагал правительству разрешить покупать имения личным дворянам, купцам, мещанам, государственным крестьянам, вольноотпущенным, иностранцам, принявшим подданство России, а также воспитательным домам и другим богоугодным заведениям. При этом он подчеркивал, что продажа крепостных этим условиям должна разрешаться только с условием перевода крепостных в категорию обязанных крестьян. Предлагая эти меры, Фонвизин понимал, что они внесут лишь известные стеснения и отчуждение крепостных от земли, но не приведут

¹⁷⁴) И. Д. Якушкин Записки, статьи, письма Изд. АН СССР 1951 г., стр. 177

¹⁷⁵) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 296, л. 3 об

к уничтожению феодальной эксплуатации и полному освобождению из крепостной неволи всего крестьянства. Поэтому в другой своей записке он вместе с Пушиным изложил проект освобождения крепостных путем выкупа их государством. Фонвизин и Пущин считали возможным сократить количество войск в империи и от этой экономии употребить деньги на покупку у помещиков дворовых и крепостных по рыночной цене вместе с наделами земли, которыми они пользовались. Подсчитав, что на куплю 10 млн. душ крепостных потребуется одна тысяча миллионов рублей, они считали, что вся выкупная операция может завершиться в 14 лет и тогда в России образуется одна категория государственных крестьян. Требование выкупа и перевода крепостных в государственных вовсе не значит, что Фонвизин и Пущин считали положение этой категории крестьянства, переданного в новое министерство, удовлетворительным, напротив, в письме к Пущину Фонвизин говорил, что из желания поддержать Киселева в его начинаниях он сделал глупость, сказав о благодеяниях, которые новое министерство дает государственным крестьянам.

Отлично понимая, что и новое министерство не улучшит состояния крестьянства, они все-таки, исходя из положения государственных крестьян России и Сибири, считали, что состояние этой категории крестьян более сносно, чем крепостных России, и поэтому ухватились за проект Киселева, надеясь, что если его дополнить и расширить, то он может послужить началом освобождения крепостных.

В своем проекте Фонвизин указывал, что можно было бы владельцам предоставить право удерживать за собою половину или треть принадлежащих им земель с фабриками, мельницами, рыбными ловами, лесными дачами и пр.

При этом Фонвизин спешил заявить, что при осуществлении подобного проекта дворянству не стоит беспокоиться, так как оставление за ними части земли и всех политических прав не нарушит их права собственности в целом.

Безусловно, осуществление проекта Фонвизина-Пущина не могло привести к серьезному удару по господствующему классу дворянства, тем не менее, его реализация в известной степени подорвала бы базу эксплуатации крестьян помещиками и ускорила бы развитие капиталистических отношений в стране. При этом необходимо учитывать, что проект составлялся ссыльными декабристами, которые не могли в полуофициальном документе сколько-нибудь полно и откровенно изложить свои взгляды на разрешение крестьянского вопроса в России. Это была лишь попытка воспользоваться ничтожным указом 1842 г с тем, чтобы сколько-нибудь продвинуть вперед вопрос освобождения крепостных. Поэтому нельзя согласиться с В. Н. Соколовым, подошедшим к рассмотрению этого

проекта без учета тех условий, в которых он составлялся, и оценивавшего только как проект либерального помещика, содержащий лишь определенную «освободительную программу»¹⁷⁶).

Тем более, что в действительности взгляды Фонвизина были более прогрессивными, чем в вышензложенном проекте. В своем позднейшем сочинении, написанном после 1848 г., Фонвизин, разбирая социалистические теории, так же как Бестужев, ссылаясь на «Пятикнижие» (закон Моисея), признавал, что «Земля подобно воздуху и воде не должна быть исключительно безусловною собственностью некоторых лиц, ибо все земнородные имеют высшее право, живя на ней, посредством труда пользоваться ее благами»¹⁷⁷). То есть Фонвизин поднимался в своих рассуждениях до признания уничтожения вообще феодальной собственности на землю. Однако это справедливое положение «Пятикнижия», по мнению Фонвизина, осуществить пока на практике невозможно. Оно используется в демагогических корыстных целях теми, кто пытается осуществить его. И сколько ни было в истории попыток осуществлять это положение, они всегда терпели неудачу. Только единожды, по мнению Фонвизина, «. был на земле и святой коммунизм: первая христианская церковь в Иерусалиме»¹⁷⁸).

Фонвизин, будучи дворянским революционером, не мог увидеть в рабочем классе, который уже в 40-х годах самостоятельно выступил на арену политической борьбы в Западной Европе, истинного носителя и борца за осуществление социалистической теории Пролетариат, о существовании и борьбе которого знал Фонвизин, представлялся ему только лишь жалким бездомком, стремящимся не к установлению справедливого строя на земле, а к удовлетворению своих корыстных целей и к улучшению своей бедственной участи. Не увидев в пролетариате будущего строителя идеального справедливого общества и имея перед глазами пример революций 1789, 1830, 1848 гг., обогривших Францию кровью, но ничего не давших, по словам Фонвизина, человечеству и приведших лишь к перераспределению собственности, вызвал у Фонвизина подозрительное отношение к социалистическому движению¹⁷⁹).

«Во Франции, — писал он, — тот класс, который произвел революцию 1789 г. находится теперь почти в том же положении, в котором была аристократия им ниспровергнутая»¹⁸⁰).

¹⁷⁶) В. Н. Соколов. Декабристы в Сибири, 1946 г., стр. 184—185
¹⁷⁷) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 294, л. 1 об.

¹⁷⁸) Там же

¹⁷⁹) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 294, л. 1 об.

¹⁸⁰) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 101, л. 207.

Не поняв существа буржуазных революций и тех сил, которыми они совершались, Фонвизин делал из них неправильные выводы. По его мнению, все они произошли не «от религиозной мечтательности» (т. е. истинного христианского желания улучшить бедственное положение пролетариев, из любви к ближним), а от фанатизма другого рода (корыстного желания овладеть богатствами других, изменить свое бедственное состояние). Поэтому Фонвизин и считал, что социалистические теории могут победить и осуществиться лишь тогда, когда они «...проникнутся духом христианства, единственным водителем ко всякому добру, совершенствованию и блаженству и в здешнем и в будущем мире»¹⁸¹⁾.

Несмотря на то, что Фонвизин видел серьезнейшие, на его взгляд, изъяны в социалистических и коммунистических теориях, он испытывал глубокую симпатию к ним и в последние годы жизни очень напряженно и много занимался изучением и переводом сочинений утопических социалистических систем. Он высказал глубокое убеждение, что та истина, которая заключается в них, обязательно победит и тогда установится истинная «республика-демократия», которая наиболее будет соответствовать христианскому обществу. «Можно находить разные социальные теории утопическими, несбыточными, но основная идея социализма есть истина и грядущее этой идее принадлежит»¹⁸²⁾. Следовательно, Фонвизин не относился отрицательно к социализму вообще, как утверждал буржуазный историк В. Семевский, напротив, он признавал его, хотя и в своем религиозном понимании и верил в победу его главной идеи¹⁸³⁾.

Неослабно следя за развитием общественно-политических движений в Европе, мучительно отыскивая справедливое решение социального вопроса и прежде всего аграрного, он приходил к выводу, что главный элемент социалистических и коммунистических теорий находится в России.

«Странный однако факт может быть многими и не замеченный: в России, государстве деспотическом, и в котором в большом размере существует рабство, находится и главный элемент социалистических и коммунистических теорий»¹⁸⁴⁾.

¹⁸¹⁾ Письма Фонвизина Е. П. Оболенскому от 6 июня 1851 г. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, М., 1951 г., т. III, стр. 201.

¹⁸²⁾ Письмо Фонвизина Е. П. Оболенскому от 6 июня 1851 г. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, М., 1951 г., т. III, стр. 203.

¹⁸³⁾ В. И. Семевский М. А. Фонвизин Биографический очерк Общественное движение в России в первой половине XIX в. СПб., 1905 г., т. I, стр. 74.

¹⁸⁴⁾ ЦИИИМ, ф. 279, (Якушкиных), ед. хр. 249, л. 8.

Этот главный элемент социалистических теорий Фонвизин видел в праве общинного владения землею: «Это право всеобщего владения землями четырех пятых всего населения России, то есть земледельческого класса: факт чрезвычайно важный для прочности и будущего благоденствия нашего Отечества. При огромном количестве порожних земель, с усовершенствованием волостных учреждений и с уничтожением крепостного состояния землевладельцев, которое рано или поздно, а необходимо должно совершиться, если при том освобожденные не останутся без земли»¹⁸⁵).

По мнению Фонвизина, крестьяне, наделенные при освобождении землею и объединенные в общины с их коренными законами и с более усовершенствованной формой управления, станут той силой, которая не допустит развития пролетариата, а постоянное усовершенствование орудий труда и освоение новых земель могут обеспечить благоденствие народа. Фонвизин не только ратовал за общественное право владения землею, но мечтал о равномерном распределении продуктов при общественной обработке земли. Это видно из статьи за 1842 г., где он рассказывает о сбыте такой продукции крестьянами в имении, купленном одним купцом на чужое имя. Полученный продукт здесь делился пополам, и одна половина шла владельцу имения, а другая, поступившая в пользу крестьян, делилась между ними по тяглам. Таким образом, по мнению Фонвизина, развив до совершенства общинный принцип, русский народ может прийти к социализму. Более того, он высказывал мысль, что если философская идея Гегеля об исторической роли каждого народа в определенную эпоху не пустая фикция, то «...русский народ призван быть когда-нибудь в этом смысле народом историческим и призван из своих родных стихий развить новую мировую идею»¹⁸⁶). То есть Фонвизин считал, что русский народ может явиться первым среди других народов, который проложит путь к новому обществу.

Необходимо отметить, что одним из важных стимулов, ведших Фонвизина к утопическому социализму, было стремление не допустить развитие «пролетариата» в России, бедствия и недуги которого потрясали западноевропейские государства. И он в поисках путей обеспечения благосостояния русского крестьянина приходил к зародышам одной из разновидностей мелкобуржуазного социализма, так называемому «русскому социализму» Герцена, но окрашенному в религиозные тона. При этом следует подчеркнуть, что несмотря на эту религиозную окраску, утопические идеи Фонвизина не были проповедью так называемого «христианского социализма»,

¹⁸⁵) ЦГИАМ, ф 279 (Якушкиных), ед. хр. 294, л. 8 об.

¹⁸⁶) Там же, л. 8, об.

который Маркс характеризовал как святую воду, «. которую поп кропит озлобленные аристократа»¹⁸⁷), ибо Фонвизин не придавал христианскому аскетизму социалистического оттенка, не выступал в качестве комментатора «Евангелия» и не считал, что с распространением католицизма установится новый общественный строй, при котором не будет неравенства, бедности и т. д., как думал Констан, наиболее видный представитель религиозного мистического коммунизма. Идеи Фонвизина об общинном владении землей и распределении продуктов были направлены против феодальной земельной собственности и отражали интересы крестьянства.

Эволюцию взглядов в сторону утопического социализма, как правильно утверждают исследователи Павлова, Боборыкина и Барановская, пережил и Н. Бестужев¹⁸⁸).

Еще в период деятельности Тайного общества Н. Бестужев, как показал Н. М. Дружинин, стоял за освобождение крестьян с землей¹⁸⁹). В Сибири Н. Бестужев не только не изменил своим взглядам, но развил их дальше. Окончательно убедившись в 30—40-х годах в наступлении глубокого кризиса помещичьего хозяйства в России в том, что земля все больше и больше сосредоточивается в руках немногих и что этот же процесс скопления земли в руках монополистов привел во Франции после революции 1789 г. к появлению и развитию «пролетариата», Н. Бестужев в результате мучительных и многолетних размышлений пришел к твердому выводу о необходимости уничтожения феодальной собственности.

Эта мысль четко и ясно сформулирована была им в письме к Волконскому по поводу книги Тургенева «Россия и русские». «По-моему, — писал он 16 февраля 1850 г., — земля, воздух, вода, т е то, чего мы не можем создать ни одного атома, не может быть нашею собственностью, как и сказал бог устами законодателя Моисея».

«Земля мое бо есть, вы же на ней пришельцы есте»¹⁹⁰). Еще более определенно с указанием, кому же должна принадлежать после уничтожения феодальной собственности земля, Н. Бестужев высказался в письме от 10 октября 1850 г. к

¹⁸⁷) К. Маркс и Ф. Энгельс Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1952 г., стр. 59

¹⁸⁸) Г. Е. Павлова. Декабрист Н. А. Бестужев (мировоззрение и политическая деятельность), Л., 1952 г., автореферат Е. Е. Боборыкина. Декабрист Н. Бестужев (революционная деятельность и общественно-политические воззрения), Л., 1955 г., автореферат М. Ю. Барановская. Декабрист Николай Бестужев М., 1954 г., стр. 205.

¹⁸⁹) Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, М., 1933 г., стр. 212.

¹⁹⁰) Письмо Н. Бестужева С. П. Волконскому от 16 февраля 1850 г., см. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, М., 1951 г., стр. 443.

С. Г. Трубецкому, впервые опубликованному М. Ю. Барановской. «Земля не должна принадлежать никому; она есть собственность государства, народа, и в этом отношении Россия счастлива тем, что пролетарии в пей невозможны»¹⁹¹).

Таким образом, по мнению Н. Бестужева, уничтожение феодальной собственности и передача земли народу предупредит в России появление пролетариата. Раскрывая эту мысль, он писал. «Отсюда следует, что у нас не может быть пролетариев, что каждый, до какой бы он крайности ни был доведен, всегда имеет право на клочек земли, который даст ему пропитание, ежели у него есть прилежание и силы. Наши общины суть ничто иное, как социальный коммунизм на практике, где земля есть средство в работе»¹⁹²)

В письме к Трубецкому он писал еще более определеннее: «А если ко всему этому рассмотреть коренной закон, не позволяющий в общинах ни продавать, ни закладывать своих участков, чтобы раздать их, повторяется по мере надобности, и что запасные магазины и все это представляет чистый социализм, коммунизм?»¹⁹³)

Следовательно, Н. Бестужев в 50-е годы пришел к выводу, что феодальная собственность должна быть уничтожена, превращена в государственную собственность и передана народу в общинное владение. Коренной закон общины, не позволяющий ни продавать, ни закладывать, исключит возможность скопления земли в одних руках и предупредит обеднение членов общины, развитие пролетариата. Правда, по его мнению, при общинном владении землей невозможно двенадцатипольное хозяйство, как например в Англии, но трехпольное хозяйство при общинном владении может, по его мнению, обеспечить общее благополучие и благосостояние целого народа. Взгляды Н. Бестужева по аграрному вопросу являются вершиной в развитии декабристской мысли в сибирский период их жизни и деятельности. Они близки продолжателю их дела А. И. Герцену, представителю того же класса революционеров, к которому принадлежали и декабристы.

Они свидетельствуют о том, что в сибирский период лучшая и передовая часть декабристского движения пошла гораздо дальше «Русской Правды» Пестеля, которая сохраняла довольно крупное (до 5 тысяч десятин) землевладение и предлагала лишь частичную конфискацию поместных владений. И если постановка аграрного вопроса в «Русской Правде» делала только подкоп под основу крепостнических отношений, то

¹⁹¹) Цит по М. Ю. Барановской. Декабрист Николай Бестужев, М. 1954 г., стр. 203, 204

¹⁹²) Н. Бестужев Статьи и письма М., 1933 г., стр. 268

¹⁹³) Цит по М. Ю. Барановской. Декабрист Н. Бестужев, М. 1954 г., стр. 204.

осуществление требований Н. Бестужева и Якушкина привело бы к взрыву феодальных отношений и немедленной ликвидации феодализма в России.

В последекабрьский период Г. С. Батеньков, как и многие декабристы, пережил также эволюцию взглядов по крестьянскому вопросу. Он пришел к более глубокому пониманию основы крепостничества. В одной из своих многочисленных статей по крестьянскому вопросу Батеньков высказывал мысль, что основа господствующего класса дворянства, которое в современных условиях является консервативным элементом — это собственность на землю¹⁹⁴).

Придя к твердому убеждению, что действительное освобождение крестьяне могут получить только при условии наделения их землею, он считал справедливым наделять крестьян за счет экспроприации помещичьей земли «Конечно обязательный надел, — писал он, — составлял бы действительную экспроприацию и пожертвование одним сословием другому»¹⁹⁵).

Поняв органическую связь между монархической формой управления и дворянством, он не возлагал больших надежд на подготавливавшуюся реформу 1861 г. и полагал, что справедливое и окончательное решение крестьянского вопроса может принести только «неисповедимый», т. е. кровавый путь борьбы¹⁹⁶).

Горбачевский, Пущин, Лунин, М. Бестужев, Волконский на протяжении всей своей жизни оставались непримиримыми врагами крепостного права.

По словам Е. И. Якушкина у Волконского была такая ненависть к дворянству, что сделало бы честь любому республиканцу 93 года¹⁹⁷).

Пущин, Лунин не дожили до реформы 1861 г. Но можно с уверенностью предположить, что она их не удовлетворила бы так же, как не удовлетворила И. И. Горбачевского.

«...Что это такое — шутка или серьезная вещь»¹⁹⁸), — писал он Оболенскому. «Постепенность, переходное состояние, благоразумная медленность, все это для меня такая философия, которую я никогда не понимал»¹⁹⁹). Горбачевский, как и все без исключения декабристы, радовался тому движению, которое пыталось разрешить крестьянский вопрос, но он не ве-

¹⁹⁴) См. Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина, Ф. Батенькова, ед. хр. 6/20, л. 7.

¹⁹⁵) Там же, л. 3.

¹⁹⁶) См. Декабристы. Летопись, М., 1938 г., кн. 3, стр. 53.

¹⁹⁷) И. И. Горбачевский. Записки и письма декабриста, М., стр. 51.

¹⁹⁸) И. И. Горбачевский. Записки и письма декабриста, М., 1925 г., стр. 274.

¹⁹⁹) Там же, стр. 274.

рил в то, что реформа принесет действительное освобождение крестьянству. Он считал, что начавшееся освобождение крестьян не может закончиться мирно, ибо «...струна была слишком натянута, чтобы пущенная стрела не пошла прямо к цели»²⁰⁰⁾.

Но если Батеньков, Горбачевский, М. Бестужев и другие уже в период подготовки реформы, видя, как правительство и помещики стремятся к ограблению и новому закабалению крестьянства, все более и более возмущались «неправильной постановкой вопроса» освобождения крепостных, то умеренно настроенные Басаргин и Беляев предлагали такие проекты, которые мало чем отличались от проектов либеральствующих помещиков 60-х годов

Так Басаргин в записке «Некоторые мысли по поводу вопроса об изменении крестьянского быта»²⁰¹⁾ предлагал освободить крестьян на следующих основаниях: 1) освобождение должно совершиться в более или менее продолжительное время, 2) отмена крепостного права должна принести реальное улучшение материального положения крестьянства; 3) крестьяне наделяются той землей, которой они владели; 4) устанавливается справедливый и как можно менее отяготительный для крестьян выкуп земли и самой личности крепостного с учетом его промыслов, состояния и местных условий; 5) в переходный период отношения между крестьянами и помещиками сводятся к отношениям вольного труда и найма. В других своих записках «О позиции разных слоев крестьянства и о способах освобождения крестьян», «Об условиях выкупа крестьянами помещичьей земли» Басаргин изложил свои взгляды на выкупную операцию. Перейдя на позиции умеренного либерализма после поражения восстания, Басаргин не смог понять и разделить взглядов революционеров-разночинцев, в частности Н. Г. Чернышевского, со статьями которого по крестьянскому вопросу он был знаком. Н. Г. Чернышевский, как революционный демократ, был сторонником перехода без выкупа всей помещичьей земли крестьянам. Но говорить об этом открыто в легальной печати было невозможно, и он это делал в замаскированной форме. В статье «Труден ли выкуп земли?» Чернышевский поставил задачу не только доказать, что выкуп не труден, но и показать насколько неосновательны вождедения либералов, стремившихся обобрать освобожденных крестьян, отнять у них лучшую землю и закабалить выкупными платежами Басаргин, познакомившись с этой статьей Чернышевского и будучи не в силах полностью отречься от интересов того класса, к которому он принадлежал, упрекал автора

²⁰⁰⁾ Там же, стр. 313

²⁰¹⁾ ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 183.

статьи за то, что он установил слишком низкую выкупную цену за ревизскую душу (40 р. с.)²⁰²⁾.

Однако нельзя не отметить, что Басаргин в то же время не согласился с либералом Витбергом, который в одной из своих статей, помещенных в «Русском Вестнике», требовал установить выкуп по 70 рублей за десятину. Басаргин стремился найти такое решение вопроса, при котором не пострадали бы интересы помещиков и улучшилось бы положение крестьянства. И он считал возможным это сделать за счет известных жертв со стороны государства, а так же освобождаемых крестьян (которые для обеспечения их выкупа должны были, кроме подушной подати, выплатить в пользу государства оброк). Излагая свой проект, он писал: «Всего бы лучше было, если правительство имело средства выкупить крестьян у помещиков, с частью земли необходимой для их хозяйства»²⁰³⁾.

Но Басаргин сомневался в том, что правительство пойдет на столь значительную жертву в пользу крестьян. Поэтому он предлагал еще один вариант решения крестьянского вопроса. А именно: государство постепенно должно скопить деньги для выкупа крепостных у помещиков. Это можно сделать, по его мнению, путем увеличения подати с крестьян, взимания определенного количества процентов при переходе из низшего сословия в высшее и других общественных сборов. Тем временем правительство должно разрешить крепостным и дворовым самим выкупаться у помещиков, позволить крепостным переходить от одного владельца к другому и, наконец, позволить купцам и другим лицам недворянского происхождения покупать крепостных с тем, чтобы разрешить им откупаться путем ежегодной платы в виде оброка или единовременным взносом. Когда же скопится значительная сумма, государство приступает к покупке помещичьих имений и полному освобождению крестьян.

Нет необходимости говорить о том, насколько ограничены проекты освобождения крестьян, предложенные Басаргиным. Видя как из года в год растут крестьянские выступления, Басаргин считал, что в современных условиях крепостное право стало Дамокловым мечом, висящим над общественным бытием России. И он, возложив свои надежды в разрешение крестьянского вопроса только на правительство, призывал его осторожно снять этот меч, тем самым, предупреждены будут, по его словам, потрясения общественного порядка и не нарушены права собственности помещиков.

Однако нельзя не отметить, что при всей умеренности своих взглядов Басаргин высказал замечательную мысль: «Мнение:

²⁰²⁾ ЦГНАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 188.

²⁰³⁾ ЦГНАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 186, л. 4

что надобно сперва просветить крестьян, а потом их сделать свободными, не имеет логического основания»²⁰⁴).

Еще более откровенно пожелание о сохранении интересов помещиков при освобождении крестьян высказал А. Беляев. Будучи управляющим имения саратовского помещика Льва Нарышкина, Беляев в период подготовки реформы разрабатывал проект, по которому стоимость выкупной крестьянином десятины обходилась втрое дороже рыночной цены. Однако таких как Беляев из среды декабристов оказалось немного. Подавляющее их большинство считало, что освобождение должно произойти за счет «пожертвований одного сословия другому». И по мере хода обсуждения вопроса «Об улучшении быта помещичьих крестьян» в губернских комитетах они (М. Бестужев, Батеньков, Горбачевский и др.) все больше и больше выражали свое огорчение и недовольство разрабатывавшимся проектом реформы.

Даже умеренно настроенного Трубецкого основы положения подготовлявшегося освобождения не удовлетворили. В 1858 г. в связи с освобождением Фонвизиной своих крестьян, он писал Пушкину: «То что еще впереди и что разрешится неизвестно и как. Они держатся пословицы: не сули журавля в небе, дай синицу в руки. Журавль когда-то еще будет и каков окажется, если его ощипают, обломают крылья, ноги, словом изуродуют, то куда же он будет годиться. Вся моя надежда на пересмотр и исправление, когда дело пойдет на утверждение»²⁰⁵).

Следовательно, даже та часть декабристов, которая ранее стояла на точке зрения только личного освобождения крестьян, в сибирский период жизни пришла к убеждению о необходимости при личном освобождении наделять крестьян землею и в период подготовки реформы выступала против безземельного освобождения крепостных. Однако, если революционно настроенные декабристы (Горбачевский, Батеньков и др.) свои надежды в справедливом решении крестьянского вопроса возлагали на кровавую борьбу, то умеренно настроенные Трубецкой, Басаргин, Беляев и др. — на правительство.

Заслуга лучшей передовой части декабристов состоит в том, что, несмотря на полное лишение гражданских прав, тяжелые условия каторги и ссылки, они не прекратили борьбы против крепостничества и всех его порождений. Движимые чувством любви к своей забитой родине и народу, они стремились использовать все имеющиеся у них пути и средства, чтобы в какой-то степени оказать свое посильное содействие в освобождении крепостных от нестерпимого гнета помещиков.

²⁰⁴) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 186, л. 3 об.

²⁰⁵) Декабристы. Летописи, 1938 г., кн. 3, стр. 327.

Свидетельством этому является вышерассмотренный проект Фонвизина-Пушина 1842 г.²⁰⁶), посылавшийся на имя министра государственных имуществ П. Д. Киселева, уничтожающая критика крепостнических порядков и требование отмены крепостного права Луниным в его «Письмах из Сибири», Н. Бестужевым в его работе «О свободе торговли и вообще промышленности», Фонвизиним в его статьях по крестьянскому вопросу и другие.

Кроме того, освобождение крестьян Якушкиным, попытка Фонвизина, Волконского сделать то же самое имели целью дать пример справедливого решения крестьянского вопроса и толкнуть передовых людей России последовать ему и содействовать уничтожению крепостного права.

Беспощадная критика крепостных отношений и требование их уничтожения, особенно в тяжелую пору николаевской реакции 40-х годов, являлись ударом по самодержавно-крепостническому строю в России и свидетельствовали о продолжении борьбы лучшей и передовой части декабристов за отмену крепостного права в России.

²⁰⁶) По возвращении из Сибири Фонвизиных в 1853 г. Наталья Дмитриевна ввиду гражданского бесправия своего мужа стала наследницей имений брата М. А. Фонвизина и сразу же приступила к освобождению крестьян на основании проекта своего мужа. Однако казна от покупки имений у Фонвизиных отказалась. После этого Наталья Дмитриевна приступила к освобождению крестьян в порядке осуществления указа 2 апреля 1842 г. С. Г. Волконский также просил А. Н. Раевского — управляющего его имением — освободить крестьян, но он не выполнил просьбы Сергея Григорьевича, за что последний был недоволен Раевским. Так же и Батеньков по возвращении в Россию собирался купить имение с тем, чтобы освободить крестьян.

ГЛАВА II

ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ НА СИБИРЬ И ПРОГРАММА ПОДЪЕМА ЕЕ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

§ I. ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ НА ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Все декабристы в своих «Записках», «Воспоминаниях» и письмах из Сибири говорили о том, что, несмотря на оковы и ссылку, они трудились на «пользу края», «пользу человечества», «пользу Отечества» и т. д., что они в Сибири не сидели «сложая руки», а делали.

По словам воспитанника декабристов М. Знаменского, И. Д. Якушкин говорил: «А вздор, что связаны руки!.. Чтожъ, почить на лаврах, — свое де-дело сделали? Нет!.. Будем делать, что можем»²⁰⁷).

И. И. Пущин, пройдя долгий путь двадцатилетней ссылки, также указывал на то, что их деятельность в Сибири имела сознательный и целеустремленный характер.

«Слава богу, время не останавливается: — писал он в 1845 г., — скоро минет двадцать лет Сибирским, разного рода, существованием. В итоге, может быть, окажется что-нибудь дельное: цель освящает и облегчает заточение и ссылку»²⁰⁸) (подчеркнуто нами — Г. Ш.).

Наконец, С. Г. Волконский уже по возвращении в Россию говорил, что они ничего не «напакостили» в Сибири, напротив, «много поправили, может и делали»²⁰⁹).

²⁰⁷) Турбин и Старожил. Страна изгнания и исчезнувшие тюды, С П., 1872 г., стр 289—290

²⁰⁸) И. И Пущин Записки о Пушкине и письма из Сибири. М. 1925 г., стр 195

²⁰⁹) Декабристы Летописи, 1938 г., кн 3, стр 113

Эти высказывания самих декабристов, их взгляды на Сибирь и возможность подъема ее экономического и культурного уровня (о чем будет сказано ниже) позволяют поставить вопрос не только о просветительстве декабристов вообще в этом крае, как это делали исследователи сибирского периода их жизни, но и о наличии у них широкой просветительской программы в отношении Сибири, являвшейся продолжением их революционного дела, но в новых условиях, иными путями и иными средствами.

Еще при первом своем знакомстве с Сибирью (во время дороги) декабристы были поражены теми контрастами, которые они встретили в этом отдаленном и заброшенном крае. Уже тогда у них родилась надежда на «политическое существование за пределами политической смерти».

При ближайшем знакомстве с Сибирью и изучением ее положения эта надежда укреплялась и, несмотря на оковы и остроги, толкала их на поиски путей осуществления своих политических принципов и продолжения борьбы с ненавистным самодержавно-крепостническим строем. И здесь на помощь декабристам пришли уроки, извлеченные из поражения восстания. Придя к выводу о просветительстве как единственно возможной после поражения восстания форме борьбы с самодержавно-крепостническим строем, декабристы именно с этой точки зрения взглянули на положение Сибири, перспективы ее развития, место и значение в системе Российской империи и разработали программу подъема ее производительных сил и культурного уровня. Можно с уверенностью сказать, что программа подъема Сибири разработана была декабристами в основном в казематский период их жизни. По выходе же на поселение лишь отдельные пункты ее углублялись и в какой-то степени, далеко, конечно, не полной и в более умеренной, чем это имело место в действительности, они нашли отражение в статьях о Сибири, написанных в последние годы пребывания их в Сибири или же после амнистии.

Эта уверенность основывается на том, что все декабристы придавали исключительно большое значение для их политических взглядов и всей последующей деятельности в Сибири казематскому периоду жизни. Н. Бестужев в письме к брату из Петровского каземата в 1836 г., говоря об отсталости сельского хозяйства России и необходимости сельскохозяйственных улучшений, о том, что «земля, на которой мы кратковременно живем, требует трудов, защиты и попечений», писал: «Мы здесь, на том свете, иначе о многом рассуждаем и без предрассудков, о чем и не помышляли прежде»²¹⁰ (Подчеркнуто Бестужевым).

²¹⁰) Н Бестужев Статьи и письма, М., 1933 г, стр 255

Еще более определенно о значении казематской жизни декабристов говорил М. А. Бестужев: «Каземат нас соединил вместе, дал нам опору друг в друге, .. дал нам материальные средства к существованию и доставил моральную пищу для духовной нашей жизни. Каземат дал нам политическое существование за пределами политической смерти»²¹¹).

Очень характерно в этом отношении высказывание Г. П. Оболенского. В своих «Воспоминаниях», указывая на исключительно большое значение для себя и для своих товарищей совместного пребывания в Читинском и Петровском казематах, он прямо говорил, что здесь «Политический характер «Союза Благоденствия» принял конец».

Но Оболенский в силу умеренности своих взглядов и цензурных условий не раскрыл, в чем же принял «конец политический характер» «Союза Благоденствия», программа которого, как известно, характеризовалась именно просветительским направлением. По всей вероятности, она и легла в основу сибирской программы деятельности декабристов, но с учетом исторических особенностей Сибири и тех уроков, которые они извлекли из поражения восстания.

Придавая огромное значение просвещению в деле развития всякого общества, декабристы решили, что если в Сибири распространить просвещение, то она сможет и в рамках монархии «сделать шаг к свободе», что в то же время нанесет удар по самодержавно-крепостническому строю в России и приблизит час освобождения всего русского народа. Именно сознание того, что своей службой «словом и примером» они продолжают дело 14 декабря и будут вести борьбу против царского правительства, придавало силы декабристам на их трудном поприще, вселяло веру в полезность своей деятельности не только для населения Сибири, но всего русского народа.

Декабристы отлично понимали, что важнейшей предпосылкой распространения просвещения в народе является подъем благосостояния масс.

Еще до восстания 14 декабря 1825 года они считали источниками народного богатства успехи земледелия, промышленности и торговли и ратовали за отыскание средств к их развитию и подъему производительных сил России.

Программа «Союза Благоденствия» в целях увеличения общественного богатства и усиления могущества Отечества предписывала членам «отрасли общественного хозяйства» заниматься «изысканием непреложных правил общественного богатства», способствовать усовершенствованию всякого рода полезной промышленности, заводить вольные общества для

²¹¹) Воспоминания Бестужевых 1951 г., стр. 146 (подчеркнуто мною).

усовершенствования хлебопашества, а также заниматься описанием Отечества, торговли, состояния земледелия и т. д.²¹²⁾.

С реорганизацией «Союза Благоденствия» участники движения не отказались от мысли использовать всякую представлявшуюся возможность к подъему и развитию различных отраслей народного хозяйства, ибо программные документы тайных обществ по-прежнему выдвигали задачу подъема производительных сил России как необходимое условие благоденствия народа.

В целях быстреего роста общественного богатства «Русская Правда» намечала не только развитие промышленности и земледелия, но уделяла внимание и методам повышения производительности труда, которые автор ее правильно видел в общественном разделении труда, росте капитала, применении машин и большом числе рабочих рук. Она намечала практические мероприятия для развития международной торговли (присоединение территории Монголии, Кавказа и других для установления тесных торговых сношений с Южной Азией, устройство флота на Восточном Океане, портов, торговых баз и т. д.)²¹³⁾

В целях быстреего развития производительных сил и увеличения народного богатства декабристы считали необходимым «уничтожить все преграды и помехи» внутри страны: купеческие гильдии, цехи, уменьшить налоги, усовершенствовать проезжие дороги и водные пути, оказывать помощь и покровительство промышленности и земледельческой культуре, способствовать подъему окраин России.

Так, в отношении Сибири «Русская Правда» указывала на необходимость «изыскивать средства к водворению земледелия», «заботиться о разведении картофеля и разнообразных овощей», а главное, «способствовать к смягчению суровых нравов и введению просвещения и образованности» среди «восточно-сибирских народов».

«. Надлежит заботиться, — говорилось в ней, — об улучшении их положения .». «А потому да сделаются они нашими братьями и перестанут коснеть в жалостном своем положении»²¹⁴⁾. Эти взгляды Пестеля разделялись всеми участниками движения²¹⁵⁾.

²¹²⁾ «Устав «Союза Благоденствия» Избранные социально-политические и философские произведения декабристов М., 1951 г., т. I, стр. 274—275

²¹³⁾ Русская Правда, изд. 1906 г., гл. V, стр. 161, 178

²¹⁴⁾ Русская Правда, изд. 1906 г., стр. 45

²¹⁵⁾ Примечание Расхождения между декабристами. проявлялись только в различном отношении к протекционизму и фритредерству. Пестель считал необходимым защищать слабую отечественную промышленность от иностранной конкуренции путем протекционистского тарифа; Н. Тургенев, Н. Бестужев и др. отстаивали проведение фритредерской по-

Однако, революционно-настроенные декабристы понимали, что подъем производительных сил России, ликвидация нищеты и неграмотности народа возможны только при уничтожении основного тормоза развития народного хозяйства — крепостничества.

Поэтому главное условие развития просвещения народа и его благосостояния, экономической мощи России они видели в уничтожении крепостного права и самодержавия.

И в сибирский период жизни декабристы не отказались от своих экономических взглядов.

Так, Басаргин писал: «Промышленность и торговля как бы главнейшие источники народного богатства служат основанием благосостояния того края, где совокупное действие их изъясняет наибольшую пользу»²¹⁶).

Корнилович и после поражения восстания считал развитие торговли «надежнейшим средством к народному обогащению»²¹⁷).

Н. Бестужев, о чем уже говорилось в первой главе, писал, что сила государства заключается в народном благосостоянии, источником которого является земледелие, торговля и промышленность²¹⁸).

Ратуя за развитие земледелия как «главного источника народного богатства и внешней торговли», Н. Бестужев и в сибирский период говорил, что земледелие не может «процветать в России под ярмом рабства». «Сему малому успеху в земледелии существуют две причины: — писал он в своем трактате «О свободе торговли и вообще промышленности», — рабство, которое, делая человека не уверенным в своей собственности, заставляет его не радеть о улучшении оной и пренебрегать усовершенствованием своих работ, вторая и важнейшая есть недостаток збыта, ибо ежели бы и первая не существовала, то достаточно одной последней, чтобы уронить хлебопашество»²¹⁹).

Следовательно, и в сибирский период жизни Н. Бестужев необходимым условием подъема и развития производительных сил России считал уничтожение крепостничества. На такой же точке зрения стояли Фонвизин, Пушкин, Лунин и другие декабристы. Так, Фонвизин в статье «О крепостном со-

литики Н. Бестужев в осуществлении фритредерских принципов видел одно из существенных условий обеспечения благосостояния народа и экономического прогресса. По-разному отдельные декабристы понимали экономическую роль будущего государства. Пестель отводил большую роль государству, Н. Тургенев, Н. Бестужев и др. стояли на позиции полного невмешательства государства в хозяйственную жизнь.

²¹⁶) ЦГИАМ, ф. 279 (арх. Якушкиных), оп. 1, ед. 176, л. 1

²¹⁷) ЦГИАМ, ф. III, отд. I экзп., ед. хр. 61—79, 1826 г., л. 120

²¹⁸) Н. Бестужев. Статьи и письма М., 1933 г., стр. 239

²¹⁹) Там же, стр. 119—120

стоянии», написанной в Сибири, говорил: «.. рабство есть главное условие несовершенства общественного состава. В настоящем замедляя успехи просвещения, останавливая ход гражданственности и препятствуя полному развитию того общего благоденствия, которого Россия своими естественными способами могла бы достигнуть...»²²⁰⁾

Однако, оказавшись в Сибири, где не было крепостного права, где имелись огромные неиспользованные природные богатства, они пришли к выводу, что при известных условиях в Сибири возможно поднять производительные силы и уровень просвещения, которое явится источником известного прогрессивного развития Сибири в существующих условиях.

В этом убеждает тот факт, что все они без исключения отсутствию крепостного права придавали огромное и решающее значение как в современном положении Сибири, так и для будущего ее развития.

Именно в этом факторе они увидели «огромное благо всей Сибири», «существенную коренную выгоду» ее в сравнении с Россией и говорили о ней, как о счастливой стране, которая не знает рабства²²¹⁾.

Отсутствием крепостного права декабристы объясняли «благосостояние» и «зажиточность» старожилов сибиряков, а также высокий уровень развития сибирского крестьянина по сравнению с крепостным Европейской России, заинтересованность его в повышении производительности труда и т. д.

Так, А. Беляев говорил, что при первом же знакомстве с местным населением они отметили «довольство» сибиряков. «Тут-то мы с торжеством говорили», — писал он, — «вот что значит свобода»²²²⁾.

Н. Бестужев, Завалишин, Корнилович, Пущин и другие всячески подчеркивали своеобразие сибиряков, заключающееся, по их мнению, в развитости, отсутствии рутин, консерватизма, предрассудков против различного рода нововведений.

«Сибиряки умны, догадливы и переимчивы, — писал Бестужев в 1843 году, — здесь невозможны народные предрассудки против нововведений, лишь бы была видна польза»²²³⁾.

И он приводил несколько примеров, подтверждающих его наблюдения.

²²⁰⁾ Фонвизин Обзор проявлений политической жизни в России СПб, 1907 г., стр 109

²²¹⁾ И. И. Пущин. Записки о Пущине и письма из Сибири, М., 1925 г., стр 197. «Декабристы», летописи, 1938 г., кн 3, стр 219

²²²⁾ А Беляев Воспоминания декабриста о пережитом и переживаемом. СПб, 1882 г., стр. 209

²²³⁾ ИР. III (П Д), ф 604 (архив Бестужевых, оп. 1, сд хр 4 (5573), л. 135.

Так, сибиряки, по его словам, только слышали о том, что их соседи, китайцы, поливали свои поля, запрудив ручейки и отводя воду, и они там, где была в этом необходимость и возможность, тоже стали поливать поля и покосы; они без всякого принуждения сажали и сеяли картофель, тогда как в России во многих местах все еще называли его чертовым яблочком, они тотчас переняли и стали делать двухколесный кабриолет, изобретенный Н. Бестужевым.

И он спрашивал: «Можете ли вы представить мне такие же примеры у коренных русских мужичков, которые на все ваши вопросы, почесывая в затылке, отвечают одной формулой: «не знаем, бачка!»²²⁴⁾

Совершенно не случайно Н. Бестужев противопоставлял сибиряка крепостному крестьянину России. Если первый, несмотря на то, что только слышал о поливке полей и покосов у китайцев, не связанный крепостными узами, руководствуясь своей догадливостью и смысленностью, пытался использовать это новшество, чтобы увеличить урожай и облегчить свой труд; последний же, скованный всеподавляющими узами крепостничества, лишенный всякой инициативы и обреченный только на одно — делать то, что прикажет его господин-помещик, естественно на все ваши вопросы отвечает «Не знаем, бачка». Зависимый крестьянин уже в силу своего положения не только лишен возможности что-то самостоятельно предпринять, делать что-то, искать выгоду, облегчать свой труд, он даже лишен возможности думать! За него думает и все решает его рабовладелец!

Только свободный труд, пример которого, как им казалось, они увидели в Сибири, развязывает, по мнению декабристов, энергию человека, создает заинтересованность в увеличении его производительности, а следовательно, и условия для нововведений, рационализации и просвещения.

Эти в высшей степени идеализированные отзывы о сибиряках безусловно имели целью противопоставить «свободного» человека зависимому, забитому крестьянину крепостной России и подчеркнуть губительное, парализующее действие крепостного права на развитие духовных качеств человека и на состояние его материального положения. Увлекаясь противопоставлением и, по существу, пропагандируя отмену крепостного права, что, по их мнению, открыло бы простор развитию прекрасных духовных качеств, декабристы преувеличивали уровень материального благосостояния и отсутствие предрассудков и фанатичной религиозности у сибиряков по сравнению с крепостным крестьянином Европейской

²²⁴⁾ ИРЛН (П Д), ф 604, архив Бестужевых, оп 1, ед хр. 4 (5573). л 135

России. Правда, крестьяне Сибири не испытывали того острого земельного голода, который так известен был помещичьим и государственным крестьянам России. Они не были связаны крепостными путями, которые ограничивали каждый шаг помещичьего крестьянина. Наличие огромных природных богатств: лесов, лугов, рыбных водоемов и т. д. также имели свое положительное влияние на материальное благосостояние населения Сибири. И декабристы в принципе были правы, отмечая более сносные условия жизни сибирского крестьянства. Однако при всем этом декабристы отлично видели и понимали неравенство в материальном положении крестьянства Сибири, его отсталость, темноту, отсутствие образованности и просвещения в Сибири, о чем подробнее будет сказано ниже.

Кроме того, более высокий уровень развития сибирского населения по сравнению с крепостной деревней они объясняли своеобразным составом населения, что, конечно, в известной степени имело место, т. к. в Сибирь в то время пересылались и высылались те, которые не мирились с помещичьим произволом и крепостническим гнетом, царившим в самой жестокой форме в Европейской России, т. е. наиболее развитые слои русского народа. Так, Д. Завалишин правильно отмечал, что в Сибирь, в частности на Алтай и в Забайкальский край, русское правительство насильственно переселяло раскольников, а позднее «огромными массами покоренные народы Кавказа». И сюда же, по его словам, бежали недовольные крепостным состоянием и высылались в огромном количестве «люди в ссылку, в принудительную работу, за совершенные преступления или по политическим делам»²²⁵).

Н. Бестужев подчеркивал другую характерную черту заселения Сибири, заключающуюся в том, что сюда в поисках счастья и легкой наживы отправлялись люди «со всего света», как это бывало ехали в Америку²²⁶), т. е. самые энергичные, развитые и предприимчивые

И хотя декабристы нигде прямо не говорили, что развитость и отсутствие рутины, консерватизма у сибиряков обусловлено было этим своеобразным населением, но подчеркивание ими характерной только для Сибири особенности состава населения и проведение аналогии с заселением Америки заставляют думать, что этому фактору они придавали немаловажное значение при объяснении развитости и смысленности сибирского населения

Все эти благоприятные исторические особенности состав-

²²⁵) Д. И. Завалишин Переселение народов Восточное обозрение 1882 г., № 23, стр. 11.

²²⁶) Н. Бестужев Статьи и письма М., 1933 г., стр. 261-262

ляли, по мнению декабристов, огромное преимущество колониальной Сибири перед метрополией и приоткрывали путь для прогрессивного ее развития.

Пример и подтверждение своим взглядам на возможность экономического, культурного подъема Сибири декабристы видели и находили в истории Соединенных Штатов Америки и других европейских колоний. Именно в этом аспекте они часто сравнивали Сибирь с Америкой.

Все исследователи, занимавшиеся сибирским периодом жизни декабристов, не могли пройти мимо этого сравнения, встречающегося в «Записках», «Воспоминаниях» и письмах декабристов из Сибири.

Так, М. К. Азадовский в статье «Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири» писал: «Вообще это сравнение с Америкой не раз встречается в суждениях декабристов о Сибири»²²⁷). Но Азадовский не делал никакого вывода из этого сравнения, ограничиваясь лишь констатацией факта

В. Н. Соколов в своем исследовании «Декабристы в Сибири» несколько больше уделил внимания этому вопросу.

Правильно отмечая, что декабристы в силу цензурных условий не могли говорить о политическом различии между Сибирью и «юной республикой», Соколов, однако, ограничивался лишь иллюстрацией этих сравнений и высказал мысль, что «...если бы Сибирь могла в то время подняться против романовской метрополии, как поднимались в свое время против Англии США, — может быть, многие из декабристов не остались бы в стороне от борьбы. Многие из них, вероятно, оказались бы более решительными и удачными генералами и офицерами сибирской буржуазной революции, чем это имело место в попытках возглавить дворянскую революцию в 1825 году. Но Сибирь не поднялась. Ее буржуазная революция «не состоялась»²²⁸).

Комментируя высказывания Розена о том, что Сибири, может быть, предстоит в своем роде назначение Америки, Соколов делал вывод: «Совершенно очевидно: даже ему, если можно так выразиться, «пассивному революционеру», прекрасное сибирское будущее не мыслилось без насильственного отторжения от романовской монархии. Недаром же он именно декабристов и польских повстанцев считает как бы намеченными провидением в основатели и устроители «лучшей будущности Сибири»²²⁹).

²²⁷) Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография под ред. М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева, Б. Г. Кубакова, изд. Иркут. губисполкома, 1925 г., стр. 90

²²⁸) В. Н. Соколов. Декабристы в Сибири, 1946 г., стр. 206

²²⁹) Там же, стр. 205

Следовательно, по мнению Соколова, декабристы разделяли взгляды «определенных купеческих кругов с областническими настроениями» и могли принять участие в борьбе сибирской буржуазии за отделение Сибири от России.

Подобное мнение автора, основанное на немногих и весьма сдержанных сравнениях Пушиным, Басаргиным и Розеном Сибири с США, без учета общих взглядов декабристов на Сибирь, ее будущее развитие и той программы, которую они выдвигали по подъему производительных сил и приобщения ее населения к более высокой русской культуре, нельзя признать правильным.

Ложное мнение Соколова, как правильно указал проф. Окунь в своей рецензии на его исследование, вытекает из неправильной характеристики положения Сибири в то время и игнорирования отношений декабристов к вопросу о целостности России²³⁰)

Возможно, известные купеческие круги с областническими настроениями и связывали вопрос отделения Сибири от России с декабристами. И это мнение, очевидно, имело довольно широкое распространение в Сибири, о чем свидетельствует «Прошение жителей Иркутска и его округа», отправленное в 1841 году председателствующему в Совете Главного Управления Восточной Сибири Копылову, вскоре после ареста Лунина. В нем говорилось:

«Вашему превосходительству уже известно, что государственный преступник Лунин по распоряжению правительства взят и увезен на (слово не разбрано — Г. Ш.) в заводы Нерчинска. Зачем же оставлен здесь Пятницкий, который имел близкие и тайные сношения со всеми государственными преступниками, рассаженными в немалом числе около Иркутска и даже в оном, затевают новое общество к решительному отделению Сибири от России и завладением Китаем»²³¹).

Подобные страхи отрицательно настроенной части населения Иркутска к декабристам не имели под собой никакой почвы. Взгляды декабристов на Сибирь и вся их деятельность в этом крае говорят о том, что декабристы не ставили вопроса об отделении Сибири от России.

Сравнение же с США имело иной смысл, нежели постановка вопроса о борьбе за отделение Сибири от России. Декабристы видели много общего, почти тождественного, в положении Сибири и Америки в прошлом. Прежде всего они отмечали сходство Сибири и Америки в заселении территории, что, по их мнению, обусловило своеобразие населения

²³⁰) Вопросы истории, 1947 г., № 3, стр. 117

²³¹) Иркутский областной государственный архив, ф. 24, оп. 3, ед. хр. 6, л. 56. Пятницкий - гражданский губернатор Иркутска.

этих колоний, имевшего между собой сходство, по словам Басаргина, даже в образе жизни, привычках и нравах²³²).

По мнению Завалишина, идеализировавшего население Америки, разница была лишь в том, что в Америку отправлялись преимущественно трудолюбивые люди, которые способствовали естественному росту населения, в Сибирь же — преступники, ссыльные, ничего не имеющие и неспособные увеличить естественный прирост населения. И это, по его словам, сыграло решающую роль в медленном развитии Сибири, «если сравнить ее развитие с успехами, которые сделали английские колонии»²³³).

При этом Завалишин подчеркивал, что, переселяясь в колонию, люди с самого начала использовали успехи наук и просвещения, что облегчало их борьбу с природой и приводило к обеспечению их материального положения, развитию страны по пути прогресса. Кроме того, поскольку сюда переселялись люди со всего света — свободные от предрассудков и пороков старого общества, — то и отношения между ними складывались на иных, разных началах, что и сыграло огромную роль в установлении здесь лучшего общественного устройства.

Все эти особенности, по мнению Завалишина, имелись и при заселении Сибири. Следовательно, и для нее открывались и остаются открытыми возможности для прогрессивного развития, поскольку она все еще остается незаселенной.

Завалишин не мог понять, что залогом быстрого развития США по сравнению с Сибирью являлось то, что там существовал капиталистический способ производства, развитие которого не задерживалось пережитками феодальных отношений. Сибирь же являлась феодально-земледельческой колонией, в которой русский царизм сознательно консервировал отсталые, патриархально-родовые и феодальные отношения с тем, чтобы легче было эксплуатировать и грабить народы этого богатого края.

Сходство между Сибирью и Америкой декабристы видели в отсутствии крепостного права. Именно этот фактор толкнул Пущина на проведение аналогии между ними и заставил подумать о возможности развития Сибири подобно США. Отсутствием крепостного права и применением свободного труда декабристы объясняли успехи промышленности и земледелия английской колонии.

С. П. Трубецкой в 1856—58 годах писал: «Земледелие центральных и западных штатов при помощи труда свобод-

²³²) Н. В. Басаргин, Записки, СПб, 1872 г., стр. 66

²³³) Д. Завалишин, Переселение народов, Восточное обозрение. 1882 г., № 23, стр. 11.

ного, разумного и даже привлекательного, который только свобода может породить, непрерывно совершенствоваться»²³⁴⁾

Именно свободный труд, по мысли Трубецкого, приводит к росту сельскохозяйственной продукции и благосостоянию населения.

Однако декабристы знали и о применении труда рабов на плантациях южных штатов Американского Союза и, сравнивая Сибирь и США в этом отношении, подчеркивали преимущество Сибири для будущего ее развития.

Басаргин говорил, что «...в отношении достоинства и прав человека (я разумею здесь вопрос о невольничестве) Сибирь превзошла бы ее»²³⁵⁾.

И, наконец, аналогии между Сибирью и Америкой они видели в наличии громадных природных богатств, в блестящих экономических перспективах их развития и в колониальном положении обеих стран.

И. И. Пущин в 1845 году писал Энгельгардту.

«Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты. Она могла бы тотчас отделиться от метрополии и ни в чем не нуждалась бы - богата всеми дарами царства природы. Измените несколько постановления, все пойдет улучшаться»²³⁶⁾.

В этом сравнении, как правильно указывал В. Н. Соколов, Пущин высказывал очень много нового для того времени о Сибири²³⁷⁾ и то, что она, как США, включает в себе огромнейшие природные богатства и широкие возможности экономического развития, и то, что она занимает колониальное положение, как некогда занимали США.

Но Пущин не ставил здесь вопроса об отделении Сибири от России, как думал Соколов. Напротив, он считал, что и в системе Российской империи, при изменении политики по отношению к Сибири со стороны России, при изменении постановлений, которыми она управляется, т. е. предоставлении ей известной самостоятельности, свободы в самоуправлении в ней все стало бы улучшаться. Она могла бы пойти по пути быстрого прогресса, подобно США.

Так же и по мнению Завалишина, Розена, Басаргина и других декабристов, Америка тоже некогда была колонией Англии, но в силу благоприятных исторических условий ей удалось еще в рамках английского владычества достигнуть могущества.

²³⁴⁾ ЦГИАМ, ф. 1143, д. 11, л. 2

²³⁵⁾ Н. В. Басаргин. Записки, 1917 г., стр. 178

²³⁶⁾ И. И. Пущин. Записки о Пущине и письма из Сибири, 1925 г., стр. 197.

²³⁷⁾ В. Н. Соколов. Декабристы в Сибири, 1946 г., стр. 204.

«И Сибирь, как колония, — как бы подытоживая и обобщая взгляды декабристов, писал Завалишин уже в 80-х годах, — имела, по-видимому, зачатки лучших условий для развития страны и для блага населения. Уже одно то, что в ней не существовало крепостного состояния, доставляло ей, как казалось бы, важное преимущество. И в ней так же, как и в других колониях, происходило слияние людей не только из разных местностей России, но даже из разных наций (ссылались военнопленные шведы и поляки) и разных рас; и в ней предрассудки, предубеждения ослаблялись. Сибиряк не называл картофель чертовым яблоком, табак — дьявольским зельем, не верил в леших, домовых, как не враждовал и против чуждых национальностей и религии. При отсутствии наследственного привилегированного сословия и личного землевладения, при выходе чиновников из местных жителей и даже большей частью из простого звания, и где с другой стороны при просторе земли, простые крестьяне устраивались и жили как помещики, это новое поколение, эти новые условия, если не по писаному закону, то фактически уравнивали все сословия, что и выразилось в особенности брачными союзами между ними»²³⁸).

При этом нужно сказать, что такое проведение аналогии, публично высказанное Завалишиным уже после амнистии на страницах «Восточного Обозрения», имело целью приковать внимание передовых людей России и Сибири к этому богатому краю, показать блестящие перспективы его экономического развития и вызвать стремление содействовать ему и всячески способствовать уничтожению колониального гнета царизма в этом крае.

«Жаль, — писал Пущин, — что местное начальство ничего не понимает. Один Сперанский чего-то хотел для Сибири, но и его предначертания требуют изменений и частью развитий, между тем, как Сибирское учреждение совершенно искажают в его лучших основаниях»²³⁹).

Басаргин же говорил: «Нет никакого сомнения, что она (Сибирь — Г. Ш.) мало бы уступила Соединенным Штатам Америки в быстрых успехах того материального и политического значения, которые так изумительны в этой юной республике»²⁴⁰).

Подобные высказывания декабристов о месте Сибири в системе Российской империи и проведение аналогии между Сибирью и США говорят о том, что они не могли понять

²³⁸) «Восточное Обозрение», 1883 г., № 26, стр. 9

²³⁹) И. И. Пущин. Записки о Пущине, письма из Сибири, 1925 г., стр. 198

²⁴⁰) И. В. Басаргин. Записки, 1917 г., стр. 178

различия в положении колоний европейских стран и колониальном положении Сибири. Европейские колонии представляли собою рынок сырья и сбыта товаров в капиталистической системе хозяйства, в силу чего и положение в них было несколько иное. Несмотря на колониальную эксплуатацию, капиталисты вынуждены были в своих интересах проводить в них и железные дороги, и телеграф, и невольно способствовать развитию просвещения, промышленности и лесных промыслов, представлять известные льготы в управлении и т. д., как это было в Канаде, Америке.

Они, безусловно, стояли по своему уровню развития выше феодальной колонии, какой в то время была Сибирь. Заметив различие в уровне европейских колоний и Сибири, декабристы не могли понять причин этой разницы, заключавшихся, конечно, не в росте народонаселения и применении последних достижений науки и просвещения, как думал Завалишин, а в более передовом капиталистическом способе производства.

Несмотря на эти неверные выводы, заслуга декабристов состояла в том, что, проводя аналогию между Сибирью и Америкой, высказывая уверенность в возможность для Сибири перспектив развития США, критикуя политику царизма, декабристы тем самым ратовали за уничтожение колониального гнета в Сибири, предоставление ей известной свободы, самоуправления. Замечательным во взглядах декабристов на Сибирь являлось то, что, критикуя колониальную политику царизма, они не ставили вопроса об отделении ее от России.

«Весьма важно в Сибирском Учреждении, — писал Г. С. Батеньков в 1840—1850 гг., — что в нем уважено отделение края и особенности его. В законной форме можно уже развиваться идее сего отделения, как достаточно признанной и установившейся. С одной стороны, главное управление может обсудить новое правило, новую меру. С другой стороны, ходатайствовать об изъятии из общих по государству постановлений. Ежели полученный циркуляр здесь неудобноисполним, представляет другие условия времени и расстояний»²⁴¹).

Таким образом, Батеньков так же, как и Пущин, Завалишин и другие, предлагал не отделение Сибири вообще от России, как отделились в свое время США от Англии, а предоставление известной свободы и самостоятельности этому краю, признание за Сибирью, в силу ее специфических особенностей, некоторой автономии в системе Российской империи.

²⁴¹) РОБ.Л. Ф Батеньков, ед хр 2/2, л 49

Более того, отлично понимая, какое большое значение может иметь Сибирь для усиления могущества России и какое положительное влияние может оказать великая русская культура на отсталые коренные народы края, декабристы высказывали мысль о необходимости «вторичного присоединения» Сибири к России.

Так, Батеньков в своих статьях «Об управлении Сибирью» (1830—1850 гг.) писал: «Такая страна как Сибирь необходимо содержит в себе историческую истину и в настоящее время она чисто гражданская отдаленность края, недостаток ее средств, все эти понятия относительные и зависят от времени. Потребны и другие понятия, чтобы утвердить Сибирь как верную спутницу России и присоединенную некогда в качестве дикой и пустынной еще раз присоединить как образованную и прогрессивную. иначе она истощится и делается бесполезною, будет даже в тягость»²⁴²⁾

Говоря о необходимости «вторичного присоединения» Сибири к России, Батеньков тем самым ратовал за уничтожение колониального гнета в ней, распространение просвещения и образования и включения ее в состав России не на правах колонии, как это было до сих пор, а на положении равноправной и неотделимой спутницы русского народа.

Но революционно настроенные декабристы понимали, что царское правительство не пойдет ни на какие улучшения и изменения в системе управления Сибирью, на улучшение положения ее населения. И И. Пущин в письме к Энгельгардту, говоря о тяжелом положении ссыльных, выражал уверенность, что правительство ничего не сделает для улучшения их положения, ибо оно боится, как бы Сибирь «..не сделать.. приманкою для крепостных и солдат»²⁴³⁾

Безусловно, революционно настроенные декабристы очень хорошо понимали, что коренное изменение положения Сибири в системе Российской империи может наступить только с устранением от престола романовской династии, с уничтожением того зла — самодержавия, которое губит Россию, а вместе с нею и Сибирь. Однако те преимущества, которыми обладала Сибирь по сравнению с метрополией, и пример Соединенных Штатов Америки убеждали декабристов в том, что если в Сибири поднять производительные силы, культурный уровень и распространить просвещение, то она может и в тех условиях, в которых находится, сделать известный шаг по пути к уничтожению колониального гнета, к свободе, самоуправлению и тем самым подготовить свое «лучшее будущее».

²⁴²⁾ РОБЛ, Ф Батеньков, ед хр 2/2, л 49

²⁴³⁾ И И Пущин, Записки о Пушкине и письма из Сибири, 1925 г, стр 197

Исходя из своих просветительских взглядов на Сибирь, из чувства патриотизма, требовавшего от них в любых условиях служить своему делу «словом и примером», декабристы еще в казematский период жизни приступили к изучению экономики, производственных возможностей, культуры, положения народных масс Сибири с тем, чтобы выявить и наметить пути подъема производительных сил и культурного уровня и в целом указать направление, по которому должно идти прогрессивное развитие этой отдаленной окраины России

В последнее время вышла в свет работа Л. Чуковской «Декабристы — исследователи Сибири», в которой автор подробно исследует вопрос об изучении декабристами Сибири и высказывает правильную мысль, что, «...оказавшись после катастрофы 14 декабря в Сибири, в стране малоизученной, декабристы почувствовали себя как бы некоей ученой экспедицией, призванной всесторонне исследовать бескрайние просторы Сибири»

Но Чуковская слишком ограничивает деятельность декабристов по изучению Сибири, сводя ее к одним географическим и метеорологическим занятиям. Тот показ автором взглядов декабристов на экономику Сибири, который имеет место в ее работе, делается попутно, мимоходом, либо в связи с разбором их практической деятельности на поселении, либо в связи с занятиями по изучению нравов, быта народов Сибири. Так, рассказывая о борьбе братьев Бестужевых за создание образцового хозяйства, Чуковская пишет, что письма Бестужевых из Селенгинска, «...особенно письма Николая — это ценнейший источник для экономической истории Забайкалья. Обстоятельно и подробно, с глубоким знанием дела Николай Александрович описывает матери и сестрам приемы хлебопашества и овцеводства в Забайкалье, выделку кож, условия торговли с Китаем, соперничество между сибирскими и российскими купцами на кяхтинском рынке, климат, пожары лесов, землетрясения, ледоставы²⁴⁴). И затем приводит высказывание Н. Бестужева о том, что край, в котором он живет, хлебороден и земледелие на юге, т. е. к китайской границе, дает богатые урожаи. Но Чуковская не рассматривает взглядов Н. Бестужева и других декабристов на состояние хлебопашества, скотоводства, на значение для Сибири торговли с Китаем, их место в производственных возможностях Сибири и для будущего ее развития²⁴⁵)

Чуковская исследует лишь естественно-научные и географические занятия декабристов, при этом обедняет значе-

²⁴⁴) Л. Чуковская, Декабристы — исследователи Сибири, см. сб. ст. «Декабристы в Сибири», Новосибирск, 1952 г., стр. 25

²⁴⁵) Там же, стр. 31.

ние этой деятельности, ибо считает, что она являлась простым продолжением их декабрьской работы.

«В сущности, — пишет она, — это естественное продолжение той работы, какую до 14 декабря вели будущие декабристы, работы по изучению природных богатств нашей Родины, ее производственных возможностей, ее торговых путей, военного могущества, истории»²⁴⁶).

Безусловно, нельзя отрицать того, что их занятия по изучению Сибири являлись в известной степени продолжением предыдущей деятельности по изучению своей Родины. Но нельзя расценивать их как простое продолжение той работы, которая велась ими по изучению природных богатств России, ибо их деятельность по исследованию Сибири имела более широкий и целеустремленный характер, тесно увязываясь с их новой формой политической борьбы против самодержавно-крепостнического строя после поражения восстания — просветительством, с осознанием своего нового назначения в освободительном движении — просветительской практической деятельностью в этом крае. Их занятия далеко не ограничивались изучением естественно-географических особенностей края, а скорее исследование этих вопросов было подчинено более широкой программе изучения производственных возможностей Сибири с четкой и определенной целью — подъема производительных сил.

Именно этими вопросами много и систематически занимался Завалишин. В каземате, а не на поселении, как ошибочно пишет Чуковская, он составил подробную карту Забайкальского края²⁴⁷). Свои занятия он не оставлял и на поселении и после амнистии. В 1845 г. Завалишин подал сенатору Толстому, ревизовавшему Сибирь, «меморию» об особом «Административном и хозяйственном устройстве Забайкальского края» и о «необходимости приобретения Амура». В 50-х годах он написал ряд критических статей об «Амурском деле». Представляют значительный интерес его статьи «Сибирь и Канада», «Колония как ступень в развитии человечества», «Природа и человек в деле колонизации», написанные уже после амнистии.

Басаргин собирал о Сибири сведения экономического характера и в первый же год по выходе на поселение написал статью «Об устройстве дороги от Тюмени до р. Камы в город Пермь» (1836 г.), затем для «Земледельческой газеты» статью «О Туринске и его уезде», а после амнистии — записку «О развитии промышленности и торговли в Сибири».

²⁴⁶) Л. Чуковская, Декабристы — исследователи Сибири, см. сб. ст. «Декабристы в Сибири», Новосибирск, 1952 г., стр. 53—54.

²⁴⁷) ЦГИАМ, ф. III, отд. I эксп., ед. хр. 61—79, 1826 г., л. 34 (письмо Завалишина к Василию Андреевичу из Читы от 1857 г., 26/III)

Корнилович во время проезда по Сибири и пребывания в каземате собрал интересные сведения о положении Сибири, ее населении, экономических, культурных и торговых нуждах края. Возвращенный из Сибири в 1828 г. в Россию и снова заключенный в Петропавловскую крепость, он послал «Записки» на имя Бенкендорфа и царя Николая I (19 июня 1828 г.) «Об участи крестьян-посельщиков в Сибири и удобнейших способах к ее исправлению», «О развитии торговли и вообще о поднятии культуры на восточном берегу Сибири», «О мерах к поднятию благосостояния Сибири школ сельского хозяйства и форм садоводства», в которых дал не только богатые сведения о Сибири, но и целую программу ее возможного преобразования²⁴⁸).

Очень много и систематически изучением Сибири в период поселения в Томске и после амнистии занимался Г. С. Батеньков. В рукописном отделе Ленинской библиотеки хранится масса статей и заметок, написанных им по самым различным вопросам экономики, управления Сибирью и т. д. Среди них «Заметки о Сибири» (без указания даты). «Заметки по политической экономике сельского хозяйства» (1853--63 гг.), «О казенных землях» (1853 г.), «О коммерческом предприятии Горохова» (1846 г.), статьи «О ссылке и ссыльных» (1851 г.), «О дорогах Сибири» (1857 г.), «Поселены» (1857 г.), одиннадцать статей «Об управлении Сибирью» Муланов составил записку «О просвещении и образованности». Изучением Сибири также занимались братья Бестужевы, Никита Муравьев и другие декабристы.

При этом следует отметить, что сами декабристы указывали на целеустремленный характер своих занятий по изучению Сибири. Завалишин неоднократно писал и говорил, что он много размышлял над судьбами края и вел свои наблюдения и опыты с тем, чтобы выявить все, «что могло относиться к непосредственной пользе края»²⁴⁹).

Всестороннее изучение Сибири, продиктованное горячим стремлением продвинуть ее по пути просвещения, свободы, самоуправления, улучшить положение народных масс и под-

²⁴⁸ Примечание П. Е. Щеголев в статье «Благоразумные советы из крепости» (см «Декабристы», 1926 г, стр 295) опубликовал значительную часть писем Корниловича из крепости. Однако из трех писем-записок, касающихся Сибири, он выборочно использовал только одну («Об участи крестьян-посельщиков в Сибири и удобнейших способах к ее исправлению»). Впервые эта записка полностью опубликована Б. Б. Кафенгаузом под названием «Об улучшении положения крестьян в Сибири». См. А. О. Корнилович «Сочинения и письма», изд. АН СССР, М—Л, 1957 г, под ред. Б. Б. Кафенгауза и А. Г. Грумм-Гржимайло. Остальные записки А. О. Корниловича о Сибири до сих пор остаются неопубликованными и неиспользованными.

²⁴⁹ ЦГИАМ, ф III отд, I эксп, ед хр 61—79, 1826 г, л. 33.

нять ее хотя бы до уровня Америки, привело декабристов к выработке своеобразной программы подъема производительных сил и культурного уровня Сибири.

§ 2. ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ НА СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС И КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ СИБИРИ

В силу колониальной системы управления Сибирью для всех отраслей ее народного хозяйства первой половины XIX века характерным было противоречие между потребностями развития производительных сил и экономико-технической отсталостью.

Декабристы при ближайшем знакомстве с Сибирью и ее изучением сразу же указали на огромное несоответствие между экономическими возможностями и потребностями развития различных отраслей народного хозяйства Сибири и той заброшенностью, отсталостью, которая царила в этом многообещающем крае России.

Они указывали, что Сибирь располагает большим количеством совершенно неиспользованных пастбищных лугов, плодородных и удобных для земледелия долин, большим количеством полезных ископаемых. Но все это лежит мертвым капиталом и не приносит никакой пользы ни государству, ни местному населению, между тем как оно страдает от недостатка хлеба, промышленных изделий, необходимых для удовлетворения насущных потребностей народа.

Корнилович в 1830 г писал, что огромные просторы берегов Восточной Сибири совершенно не используются. «хлеба там не сеют», а между тем климат и наличие свободной земли, удобной для земледелия, снабдили бы население этого края хлебом и спасли бы от голода, который оно часто переживает при скудном лове рыбы²⁵⁰).

Батеньков в «Записке о казенных землях» (1853 г.) также указывал, что в Сибирю имеются «обширные пустыни, до которых еще не коснулась рука работника и в которых без пользы погибают многие естественные произведения, не выходя из дикого состояния»²⁵¹).

В силу господства отсталого феодального способа производства и колониального положения, сельское хозяйство Сибири, несмотря на наличие благоприятных условий, находилось на низком уровне развития. Почти на всей территории края господствовала отсталая переложная система земледелия.

По словам советского исследователя Н. М. Дружинина, двухпольный и трехпольный севооборот применялся на не-

²⁵⁰) ЦГИАМ, ф III отд I эксп, ед. хр. 61—79, 1826 г., л. 173

²⁵¹) РОБЛ, ф Батенькова, ед. хр. 5/2, л. 22, 23

большой территории там, где наделы были точно определены и земли было меньше. Агротехника также была примитивной: употреблялась одноконная соха, борона с деревянными или железными зубцами, старинная коса-горбуша, которую стала вытеснять коса-литовка. Земля не удобрялась. Крестьяне, чтобы поднять урожайность, пахали поле три раза, стараясь глубже поднять почвенный слой, на что затрачивалось большое количество труда и времени и достигались незначительные результаты²⁵²).

Декабристы, знакомясь с состоянием сельского хозяйства Сибири, отмечали, что те сравнительно небольшие массивы земли, которые использовались крестьянами, обрабатывались прадедовским способом, отсталыми и примитивными орудиями труда, «земледелие здесь в младенчестве...», — писал Н. Бестужев, — сибирское крестьянство «...уноживания земли еще не знает»²⁵³). «А между тем нельзя не заметить, — как бы продолжал его мысль Басаргин, — что удобрение земли в некоторых местах, особенно там, где есть солончаки, своевременно»²⁵⁴).

Очень яркую картину технической отсталости сельского хозяйства Сибири на примере Акши дал Торсон в своем письме к Н. Бестужеву в 1836 году.

Описав все приемы сбора урожая и обработки земли, в том числе отсталую переложную систему земледелия, Торсон прямо говорил, что «...земледелие здесь в плохом состоянии»²⁵⁵).

Декабристам было ясно и то, что при наличии естественного плодородия земли и благоприятного климата в Сибири выращивается слишком ограниченное количество зерновых культур и почти совершенно не получили распространения технические культуры, садоводство и огородничество, между тем как население испытывало в них нужду.

По словам Басаргина, в Западной Сибири, особенно в северной части Ялуторовского округа, почти не сеяли гречихи, проса, не культивировали свекловицу, табак; в Березовском, Нарымском — не выращивали зерновых культур, в то время как здесь «...можно было бы сеять рожь, овес, пшеницу»²⁵⁶).

По мнению Корниловича, в Сибири не обращали внимания на садоводство и огородничество, неправильно считая, что они не могут развиваться из-за сурового климата. Между

²⁵²) Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа. П. Д. Киселева, изд. АН СССР, 1946 г., т. 1, стр. 425—426.

²⁵³) Н. Бестужев, Письма из Сибири, Иркутск, 1929 г., стр. 14.

²⁵⁴) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 176, л. 20 об.

²⁵⁵) Декабристы в Бурятии, Верхнеудинск, 1927 г., стр. 32.

²⁵⁶) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 176, л. 20 об.

тем, писал Корнилович, опыты огородничества, цветоводства и выращивания кукурузы в Чите показали, «что при надлежащем приготовлении земли, удобно развести в Сибири не только многие растения теплых стран, но даже некоторые плодовые деревья, особенно в местах, лежащих к югу от Селенгинска, в Минусинском крае и в южных полосах Западной Сибири»²⁵⁷).

Подчеркивая противоречие между потребностями и чрезвычайно низким и примитивным уровнем развития этой отрасли народного хозяйства Сибири, декабристы указывали на необходимость выращивания садов и огородов, ибо овощи в этом крае, по словам Завалишина, могли бы явиться важным подспорьем в быту крестьянина, уменьшая требования на хлеб²⁵⁸).

Отсталость хозяйственной жизни Сибири в еще более глубокой и острой форме, по мнению декабристов, проявлялась и губительно сказывалась на положении коренных народов края.

Все декабристы отмечали почти полное отсутствие земледелия у «туземцев» и чрезвычайно низкий уровень развития основной отрасли их хозяйства — скотоводства.

Корнилович в своих письмах из крепости, рассказывая о состоянии народов, живущих на огромной территории от Якутска до Охотска, отмечал, что они «...почти незнакомы с улучшениями, какие время и успехи просвещения ввели в быту в Европейской России. Таким образом, там, за исключением немногих городов, не знают употребления пилы; хлеб во многих местах молотят лошадьми; вместо мельниц, употребляют ручные жернова и т. п.»²⁵⁹).

В силу применения примитивных орудий труда и отсталых форм возделывания земли урожай не обеспечивали «...достаточным образом трудов и благосостояния земледельцев...»²⁶⁰) и край этот, по словам Корниловича, не только погружен в бедность, но большая часть жителей его (тунгусы, якуты), не занимаясь земледелием, часто голодала и в большом количестве вымирала.

То же самое, по мнению Корниловича, происходило и с «разнородными племенами», живущими на территории южной Сибири от верховьев Иртыша до верхних частей Енисея²⁶¹).

²⁵⁷) ЦГИАМ, ф III отд, I эксп. ед хр 61—79, 1826 г., л 208 об

²⁵⁸) Д З а в а л и ш и н, Природа и человек в деле колонизации, Восточное обозрение, 1882 г., № 9, стр 12.

²⁵⁹) ЦГИАМ, ф III, отд I эксп ед хр 61—79, 1826, л 177

²⁶⁰) Там же

²⁶¹) Там же, л 156

Скотоводство же в силу того, что находилось, по словам Торсона, «...в таком состоянии, как было во времена патриархов...»²⁶²), не могло обеспечить безбедного существования тех, кто им занимался.

Занявшись изучением этого края и прежде всего его производственных возможностей, декабристы не могли пройти мимо изучения недр Сибири. И насколько позволяли знания образованного человека того времени и приемы исследования ученого-одиночки, они сделали многое по выявлению богатств, заключающихся в недрах Сибири, рассчитывая на то, что их известия вызовут интерес, за которым последуют экспедиции и разработка богатств Сибири.

К такой деятельности наиболее подготовленным среди декабристов оказался разносторонне образованный морской офицер Н. А. Бестужев.

Поселенный в Селенгинске в 1839 г., он тотчас приступил к изучению природных богатств края. Исследуя берега Гусиного озера, Н. Бестужев открыл месторождение каменного угля. «Бурый уголь, — писал он, — тонкими и толстыми пластами залегают во многих местах».

И он первый сообщил о залежах каменного угля в районе Гусиного озера²⁶³).

Но царское правительство, не заинтересованное в развитии своей колонии, ничего не сделало, чтобы воспользоваться открытием декабриста. Только в советское время здесь стали вести разработки, и отсталая Бурятия превратилась в республику с развитым сельским хозяйством и крупной индустрией.

Д. И. Завалишин еще во время своего первого знакомства с Сибирью узнал, что в ее горах имеются жерновой, точильный, брусчатый камень, алебастр, разноцветные глины, которые могли явиться хорошими красками²⁶⁴).

Корнилович, серьезно заинтересованный судьбами этого богатого края, в письме из крепости еще в 1830 г. писал, что «Сибирь-золотое дно, но чтобы им пользоваться надлежит его разработать»²⁶⁵).

Когда в 30-х годах XIX в. в горах Алтая, а затем в 1836 г. в Енисейской тайге и несколько позже по рекам Витиму и Алекме было обнаружено золото, многие из декабристов решили принять участие в поисках и разработке золотых россыпей.

²⁶²) Декабристы в Бурятии, 1927 г., стр. 32

²⁶³) М Барановская, Декабрист Николай Бестужев, М., 1954 г., стр. 175

²⁶⁴) Восточное обозрение, 1882 г., № 12, стр. 11

²⁶⁵) ЦГИАМ, ф. III отд. I экзп, ед. хр. 61—79, 1826 г., л. 176 об.

А. В. Поджио производил поиски на речке Элихте в трех верстах от Иркутска, Якубович почти целое лето «шлялся по тайгам» (золотым приискам), как он сам выражался в письме к Оболенскому, побывал в верховьях Лены, доходил хребтами к самому морю против Ольхона, затем побывал на приисках в Енисейской губернии²⁶⁶).

В личном архиве Трубецкого хранятся материалы, которые свидетельствуют о попытках Трубецкого принять участие в поисках и разработке золота²⁶⁷).

Безусловно, попытки декабристов принять участие в поисках и разработке золотых приисков нельзя рассматривать только как одно стремление выявить «золотое дно» Сибири. Для многих из них, как например для Поджио, Якубовича, они имели целью «...честно приобрести независимое состояние и обеспечить старость»²⁶⁸).

Однако при всем этом их воодушевляла благородная цель, патриотизм людей, любящих свое отечество и желющих своим посильным трудом увеличить ее богатства и принести благо краю и его населению.

Декабристы надеялись, что с развитием золотой промышленности оживится весь край, что она даст толчок развитию местных промыслов и организации промышленных заведений. Но их надежды не оправдались, ибо население, по словам Батенькова, бросилось на легкую наживу, рассчитывая на скорое обогащение, и не воспользовалось той обстановкой, которая благоприятствовала развитию фаянсового, кирпичного и других производств.

В заметках «О коммерческом предприятии Горохова» (1846) Батеньков писал: «Стоило приложить руку и простым трудом развивать всевозможные улучшения на пользу столь отдаленного края, расширить предприятие в меру исчерпаемых богатств и не стесняясь количествами пожертвований и издержек. Но не то было в природе вещей, с нравственной стороны все население Сибири оставалось в прежней его неподвижности и существенно чуждым внутренним интересам дела, оно остановилось на призраке легкого и скорого обогащения и развивало большею частью бесполезные страсти»²⁶⁹).

Столкнувшись с жадным и хищническим купечеством, набросившимся на поиски золота и уничтожающим и истребляющим его запасы во имя собственного обогащения, декабри-

²⁶⁶) Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи, СПб, 1897 г., стр. 76

²⁶⁷) ЦГИАМ, ф. 1143 (Трубецкого), ед. хр. 18

²⁶⁸) ИРЛИ, ф. 606, ед. хр. 7

²⁶⁹) РОБЛ, ф. Батенькова, ед. хр. 5/30, л. 122.

сты вынуждены были прекратить деятельность в этой области.

Декабристы указывали, что природные богатства Сибири заключаются не только в недрах земли, таящих в себе необходимые полезные ископаемые для промышленного развития, но и в том, что лежит на ее поверхности: лесах, горных быстрых реках и водопадах, в рыболовных водоемах, соляных коях, в тайге, заселенной разнообразными зверями и т. д.

Однако, несмотря на наличие этих огромных богатств и средств, Сибирь, по мнению декабристов, в промышленном отношении являлась самой отсталой окраиной Российской империи.

Басаргин в своей записке «О развитии промышленности и торговли в Сибири», написанной уже после амнистии, говорил, что по своим природным богатствам Сибирь «может доставить как для промышленности и для торговли огромные и разнообразные способы, с другой — она по малому населению, по недостатку капиталов и по неразвитости промышленных и торговых предприятий — она далеко не использует и всех тех даров, которыми так щедро природа ее наделила»²⁷⁰).

Все декабристы в своих «Записках» и письмах подчеркивали это вопиющее противоречие между экономическими возможностями и промышленным убожеством края. Розен говорил, что в Сибири «..фабричная промышленность находится в совершенном детстве»²⁷¹).

Н. Бестужев к Свиязевой в 1843 г. писал: «Здесь в новой стороне промышленность только рождается»²⁷²).

По словам Корниловича, «главный недостаток Сибири есть недостаток промышленности»²⁷³).

Действительно, на экономическом развитии Сибири лежала печать того, что край этот, — по словам советского исследователя Кабо, — прежде всего военная добыча, источник сырья, рынок сбыта промышленных изделий²⁷⁴).

В силу неразвитости и крайней отсталости экономических отношений с самого начала завоевания товарообмен между колонией и метрополией складывался таким образом, что Сибирь вынуждена была покупать дорогие русские товары, расплачиваясь за это своим дешевым сырьем. Из России она получала сермяжное сукно, холст, полотна, домашнюю угварь, главным образом металлические ножи, ножницы, кол-

²⁷⁰) ЦИИАМ, ф 279 (Якушкиных), оп 1, ед. хр 176, л 1 об

²⁷¹) А. Розен. Записки декабриста, изд. СПб, 1907 г., стр 189

²⁷²) ИРЛИ, ф 604 (архив Бестужевых), ед хр 4 (5573), л 132

²⁷³) ЦИИАМ, ф III отд. I экзп, ед хр 61 79, 1826 г., л 179

²⁷⁴) Р. Кабо. Города Западной Сибири, 1949 г., стр 122

лы, замки, гвозди и т. д. Поставляла же Сибирь сельскохозяйственное сырье, выручка от которого уходила на приобретение привозных изделий. Поскольку обмен не был эквивалентным, то вся тяжесть его ложилась на плечи народных масс и приводила к систематическому обиранию сибирского населения.

И декабристы, характеризуя промышленный уровень Сибири, совершенно справедливо подчеркивали, что почти полное отсутствие местной промышленности обуславливало то, что «.немало предметов первой необходимости, которые можно было бы с избытком производить дома, привозятся из России и покупаются дорогою ценою, что отнимает у многих возможность к приобретению оных, от того же и сия несоразмерность в ценах на однородные предметы»²⁷⁵), — писал Корнилович.

По словам Завалишина, неразвитость местной промышленности приводила к тому, что в Сибирь ввозились ведра, деревянные ложки из России, с Урала стекло, с которым приезжали даже и столяры делать оконные рамы и вставлять стекла²⁷⁶).

И декабристы, чутко относившиеся ко всему тому, что касалось интересов народа, отмечали, что примитивный уровень развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, несмотря на огромные природные богатства, приводил к тому, что население Сибири не испытывало всеобщего благоденствия, среди него имелась значительная часть, которой известны были и голод, и различного рода лишения.

Так Басаргин в своей записке «О развитии торговли и промышленности в Сибири» указывал, что несмотря на высокие урожаи хлебов, в Западной Сибири совершенно частое явление, когда крестьянство «нуждается в деньгах для уплаты даже подати»²⁷⁷).

Корнилович, сумевший сразу разглядеть и понять имущественную дифференциацию крестьянства Сибири, писал: «Сибирских крестьян можно разделить на три разряда: на старожилов, кои все почти довольно зажиточны — у редкого найдется на дворе менее 4 или 6 лошадей, у них до 30 или 40, и в изобилии всего, что принадлежит к сельскому хозяйству: на переселенцев, переходящих в Сибирь из разных русских губерний целыми семьями с домашним скарбом, которые, будучи народом промышленным, довольно скоро разживают-

²⁷⁵) ЦГИАМ, ф III отд. 1 экзп, ед хр 61—79, 1826 г., л. 177.

²⁷⁶) Восточное обозрение, 1882 г., № 12, стр. 11—12.

²⁷⁷) ЦГИАМ, ф 279 (Якушкиных), ед хр. 176, л. 3, 10.

ся и, наконец, на так называемых поселщиков, отправляемых туда за разные проступки»²⁷⁸).

Положение их далеко не одинаково. Если старожилы в основном зажиточны, то ссыльнопоселенцы находятся в совершенно ином состоянии. Подавляющее их большинство прибывает на место своего назначения, ничего не имея, « смело можно положить, что из 50 человек один приходит с каким-нибудь достатком». — писал Корнилович. И вся эта огромная масса, чтобы не умереть с голода, с первых же дней своего пребывания в Сибири идет в наем к богатым крестьянам. Ничего не заработав у зажиточного крестьянина, поселщик, вынужденный после шестимесячной льготы поступить в оклад, сразу же попадает в число недомышников. Чтобы избежать наказания кнутом, входит в долги и, не имея возможности рассчитаться с кредитором, таким же крестьянином, как он сам, идет в кабалу.

Необходимо отметить, что декабристы поняли, что ссылкой в Сибирь царское правительство хотело не только избавиться от государственных преступников, людей опасных для общества, и наказать их работой в Сибири, но и заселить этот малонаселенный край, получить от этого выгоду для казны.

Г. С. Батеньков писал: «Но устанавливая ссылку в Сибирь, правительство имело в виду работу как наказание и заселение отдаленного пустынного края»²⁷⁹).

Но такого рода мероприятия, по их мнению, совершенно себя не оправдывали и приводили только к отягощению населения Сибири, не способствовали его развитию и заселению. Ибо положение каторжных и ссыльных было самым ужасным и невыносимым. А. Беляев в своих «Воспоминаниях» рассказывает, что редкий день проходил, чтобы на его двор не приходили люди, возбуждавшие горькие чувства.

«Это были несчастные, оборванные, полунагие, босые каторжники, которые, проходя, останавливались перед окнами и без обычных нищенских выпрашиваний молча стояли до тех пор, пока им не выдавалось что-нибудь; тогда они безмолвно уходили»²⁸⁰).

В не менее тяжелом положении находились и ссыльные, приписанные для работы к казенным заводам или отправляемые после каторжных работ на поселение. Подвергаясь нещадному произволу и эксплуатации начальства завода, а на поселении зажиточными старожилками и местными властями;

²⁷⁸) А. О. Корнилович. Сочинения и письма, изд. АН СССР, М.—Л., 1957 г., под ред. Б. Б. Кафенгаца и Б. Б. Грумм-Гржимайло, стр. 213, 214.

²⁷⁹) РОБЛ, ф. Батенькова, ед. хр. 5/10, л. 104 об.

²⁸⁰) А. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом, 1882 г., стр. 249.

они, по словам Басаргина, Корниловича и других декабристов, при малейшей возможности, убегали, скитались по окрестным местам, оглядая сибирское население, вынужденное из жалости к этим «несчастливым» прокармливать их в большом количестве»²⁸¹).

Батеньков указывал, что правительство в своих интересах безусловно добивалось первой цели. Но оно не достигало осуществления другой — заселения края. Ибо, отправляя в огромном количестве ссыльных, царское правительство не принимало никаких мер к устройству их на поселении²⁸²).

И декабристы были правы. Советский исследователь Покшишевский, занимаясь вопросами заселения Сибири, на основании огромного фактического материала пришел к выводу, что в силу ограниченности юридической и хозяйственной дееспособности, неблагоприятного соотношения полов и т. д., колонизационное значение ссыльных, которых царизм квалифицировал как уголовных преступников, для Сибири было сравнительно невелико « и во всяком случае, — пишет автор, — не оправдывало значительных издержек правительства»²⁸³).

Между тем как колонизационное значение ссыльных по политическим делам, несмотря на меньшие размеры, имело большое общественно политическое и культурное влияние для истории Сибири.

Замечательно то, что декабристы, занявшись изучением положения ссыльных, уже тогда, в 40—50-х годах, сумели правильно понять значение для Сибири политической ссылки, а следовательно, свою роль и место в судьбе богатой колонизирующейся окраины России.

Г. С. Батеньков, делая краткий исторический обзор ссылки и определяя ее значение для развития Сибири, особо подчеркивал положительное влияние политической ссылки на Сибирь. Он указывал, что в первой половине XIX века наблюдалось особенное явление: «Это ссылка значительного числа лиц по делам политическим»²⁸⁴).

По его мнению, ссыльные по уголовным делам имели для Сибири совершенно иное значение, нежели политические «преступники». Если первые не занимались производительным трудом, приносили ущерб краю и его населению, то политические ссыльные занимали совершенно другое место. Они, по словам Батенькова, перенесли «публичную каторжную работу в оковах», не только сохраняли, но укрепляли

²⁸¹) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 175, л. 16 об.

²⁸²) РОБЛ, ф. Батенькова, ед. хр. 5/9, л. 116.

²⁸³) В. В. Покшишевский. Заселение Сибири, Иркут. облгосиздат, 1951 г., стр. 122.

²⁸⁴) РОБЛ, ф. Батенькова, ед. хр. 5/9, л. 117.

свой моральный дух и выйдя на поселение приносили огромную пользу краю и местному населению Будучи, как правило, людьми образованными и деятельными, они « без всяких специальных занятий, через простое соприкосновение по общежитию, много влили чувства пользы далее пределов давно сложившейся односторонности и замкнутости, в упорных домашних привычках и мыслях»²⁸⁵⁾

Причем Батеньков подчеркивал принципиальное отличие пребывания «секретных арестантов» старого времени от «несчастливых» позднейшего периода Последние давали Сибири именно то, что ей недоставало: научные знания, приносили своей просвещенностью пользу краю, «секретные» же прошлых веков памятны были лишь своею жизнью в Сибири и благотворительностью²⁸⁶⁾

Следовательно, уже в 50-х годах Батеньков отлично понял, что политическая ссылка имеет большое прогрессивное значение для культурной и политической истории Сибири Но в оценке уголовной ссылки как у Батенькова, так и у других декабристов сказалась классовая ограниченность Хорошо осознавая, что уголовная ссылка порождена пороками существующего крепостнического строя, декабристы в то же время не могли понять, что и она являлась следствием классовой борьбы и поэтому имела политический характер В силу этого они недооценивали уголовную ссылку для истории Сибири и считали ее лишь тяжелым бременем для местного населения и благоприятным фактором для развития кабальных отношений

Развитию кабальных отношений, по мнению декабристов, способствовало ограбление населения купцами-торговцами По словам Вегелина, крестьяне, нуждаясь в деньгах, особенно в сентябре месяце, когда нужно было покупать необходимые вещи для отхода в лес, продавали купцу мерлушку ягнят, которые появятся в его хозяйстве только в ноябре месяце Купец, пользуясь нуждой крестьянина, платил ему не более двух рублей за мерлушку, доказывая бедному крестьянину, что в этом году она будет очень дешева, между тем как цена ее никогда не выходила из 4 или 5 рублей

«Крестьянин, хотя весьма хорошо знает, — писал Вегелин, — что купец лжет, но не имея никакого другого источника добыть нужные деньги, поневоле должен согласиться; купец же не рискует ни мало, ибо если из 100 мерлушек закупленных получит только 80, то 200 рублей через два месяца неминуемо составят до 500 рублей»²⁸⁷⁾.

²⁸⁵⁾ РОБ.Т. ф Батенькова, ед. хр. 5/9, л. 117

²⁸⁶⁾ Там же

²⁸⁷⁾ ЦИНАМ. ф. 1146 (Волконских), ед. хр. 79, л. 7 об.

Таким образом, несмотря на некоторую идеализацию положения местного населения, декабристы видели и неоднократно отмечали имущественную дифференциацию среди крестьянства Сибири. Ухудшению положения народных масс края, по мнению Д. Завалишина, Н. Бестужева, М. Муравьева-Апостола и других, способствовал административный произвол и ограбление населения местными чиновниками, духовенством, которые больше всего заботились о своем собственном обогащении.

«Лихомство и система откупов — суть два величайшие врага общественного быта Сибири, — писал Басаргин, — кто голько может, тот и берет в Сибири, и берет с такой наглостью и таким отсутствием всякого приличия, с такой вопиющей несправедливостью, что решительно нет такой общественной сделки, нет такого дела, как бы оно ни было ничтожно и справедливо, которое обошлось бы без взяток»²⁸⁸⁾

Все это, по мнению декабристов, создавало почву для развития кабальных отношений. Пользуясь своими накоплениями и богатствами, зажиточные крестьяне сделали обычным явлением долговую систему, «.. давая крестьянину в нужде деньги на уплату повинностей и заставляя его расплачиваться потом вдвое и втрое работою»²⁸⁹⁾, — писал Д. Завалишин. Таким образом, декабристы совершенно правильно считали, что широкое распространение кабальных отношений являлось тяжелым «злом», как говорили они, социальных отношений в Сибири. Взгляды декабристов на кабальные отношения говорят о том, что дворянские просветители при всей своей идеализации Сибири и положения ее населения сумели подняться до понимания социального неравенства в этом богатом крае и сделали попытку объяснить его, что имело безусловно большое значение для дальнейшего развития взглядов самих декабристов. Широкое распространение кабальных отношений в крае, где не было помещиков и крепостного права, заставило дворянских революционеров глубоко задуматься над причинами, порождающими это социальное зло, толкало на поиски нового общественного строя, лишняя раз убеждало, что только с изменением политики русского царизма в Сибири и отстранением от престола романовской монархии возможно будет коренным образом переменить положение народных масс как в России, так и в Сибири. Однако, указав на кабалу как явление, характерное для социально-экономических отношений сибирской деревни, декабристы, будучи дворянскими просветителями, не могли до конца по-

²⁸⁸⁾ Н. В. Басаргин. Записки, 1917 г., стр. 191

²⁸⁹⁾ Восточное обозрение, 1882 г., № 9, стр. 11.

нять причины столь широкого ее распространения. Они правильно считали, что виновником этого социального зла является правительство, которое, обременяя население государственными налогами и различного рода поборами, толкает неимущие слои населения Сибири, главным образом поселенцев, в кабалу. Но декабристы не могли понять, что широкое развитие кабальных отношений в сибирской деревне порождено господством торгового и ростовщического капитала в Сибири, с помощью которого метрополия, как указывает советский исследователь Р. Кабо, экономически подчиняла себе колонию²⁹⁰). Широкая деятельность торгового и ростовщического капитала, преобладавшего во внутренних и внешних экономических отношениях Сибири, приводила к медленному, но неуклонному разрушению полунатуральной основы хозяйства края, результатом чего явилось разорение непосредственного производителя.

Будучи просветителями, декабристы важнейшей причиной экономической отсталости Сибири и тяжелого материального положения крестьянства считали низкий уровень состояния образования, просвещения и общей культуры в крае.

В первой половине XIX в. не только Сибирь, но и Европейская Россия по своему культурному уровню занимали одно из последних мест между другими капиталистическими странами. Наиболее отсталыми являлись окраины России, в том числе Сибирь, культурное развитие которой под разными предлогами задерживалось правительством.

Показателем низкого культурного уровня Сибири является состояние народного образования. В первой половине XIX в. на огромной территории Сибири имелось всего три гимназии: Иркутская, Тобольская, Томская, в которых даже в 1855 г. общее количество учащихся составляло всего лишь 482 человека²⁹¹). Обучались в них преимущественно дети дворян и купцов. По свидетельству Ядринцева, из 688 гимназистов из сельского сословия было всего 21 человек, остальные число учащихся падало на детей дворян и чиновников (431 чел.) и городских сословий, т. е. купцов (236 чел.)²⁹²). Еще на более низком уровне находилось начальное образование. К 60-м годам XIX в. на огромной территории от Урала до Енисея насчитывалось 21 приходское училище с 1164 учащимися²⁹³). На территории такой большой губернии, как Томская, занимающей площадь в 76 млн. десятин с населением в 400 тысяч душ, во времена М. М. Сперанского име-

²⁹⁰) Р. М. Кабо Города Западной Сибири, Госиздат, геогр. лит., М., 1949 г., стр. 124

²⁹¹) Сибирская Советская энциклопедия, 1931 г., т. III, стр. 647—648

²⁹²) Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония, сп. 1892 стр. 560

²⁹³) Сибирская Советская энциклопедия, 1931 г., т. III, стр. 674

лось только 6 училищ²⁹¹). Сибирь не имела ни одного высшего учебного заведения. Безусловно, такое мизерное количество школ приводило почти к сплошной неграмотности основной массы населения Сибири — крестьянства.

Женского образования, если не считать сиропитательного дома, учрежденного в 1838 году в Иркутске, и института для девиц «благородного и духовного звания», открытого в 1845 году, в Сибири не существовало. Трудящиеся массы лишены были возможности получить не только высшее и среднее, но и начальное образование. В Сибири имелись целые волости, в которых население не умело ни читать, ни писать и только немногие, по словам Ядринцева, имели понятие о том, что делается за их околицей²⁹².)

В первой половине XIX века в Сибири не выходило ни одной газеты, если не считать рукописных журналов, выпускаемых в 20-х—30-х годах в Иркутске и Кяхте²⁹⁶).

Книжных лавок не было, а выписывались книги из Петербурга или Москвы, что стоило дорого и не всегда надежно, так как столичные книгопродавцы не слишком беспокоились о своих далеких подписчиках.

Передовые люди Сибири не имели своей общественной трибуны, с которой можно было бы в какой-то степени распространять новые идеи и взгляды среди населения. Правда, в известной мере эту роль выполняла политическая ссылка. Но, разумеется, ссыльные, поставленные в жестокие условия административного надзора, не могли разрешить этой проблемы. К тому же до декабристов среди ссыльных насчитывалось сравнительно небольшое количество высокообразованных людей, которые могли бы оставить значительный след в культурной истории и просвещении населения края.

Все это обусловило низкий уровень просвещенности и образованности в Сибири.

Декабристы, знакомясь с Сибирью, отмечали почти полное отсутствие в ней людей грамотных и образованных.

Наиболее полную картину состояния образования в Сибири на примере восточной ее части дал П. Муханов в своей записке «О просвещении и образованности», написанной им на поселении в 40-х годах.

«В одной волости, взятой мною наугад, — писал он, — из 3600 душ оказалось грамотных только 8 человек и то взрослых и учение которых должно отнести ко времени свободного

²⁹¹) Н. М. Ядринцев *Сибирь как колония*, сп. 1892 стр. 566

²⁹²) Там же, стр. 552

²⁹⁶) В мае 1857 г. появился первый номер «Иркутских губернских Ведомостей», в 1857 г. — «Тобольские губернские ведомости», в 1860 г. частная газета «Амур», затем «Сибирский Вестник» Б. А. Милютина

преподавания. Число грамотных в других волостях редко выходит из того же соотношения»²⁹⁷)

Отсутствие грамотности, по мнению Муханова, приводило к тому, что все производство письменной части волостного и сельского управления передано было в руки писарей из мещан, которые, пользуясь неграмотностью населения, грабили, обманывали и притесняли его, что ухудшало и без того нелегкое положение крестьянства Сибири²⁹⁸).

Такое состояние грамотности в Сибири, по словам Муханова, не могло быть иным, так как «число приходских училищ чрезвычайно мало и действие оных слабо. Большая часть волостей и Степных дум не имеет вовсе»²⁹⁹).

Крестьяне и другие жители деревень не имели никаких возможностей обучать своих детей; отправление их в город для обучения стоило дорого и было непосильно для большинства крестьянства: церковные служители этим вопросом не занимались, обучение же ссыльными крестьянских детей, имевшее место ранее, запрещено правительством, а те средства образования, которые имелись в Сибири, для нее крайне недостаточны³⁰⁰).

Еще на более низком уровне, по мнению декабристов, находилась грамотность среди коренных народов Сибири, ибо царское правительство, присоединив обширную территорию с отсталым населением, ничего не сделало по изменению его состояния, и «...край тот остается почти в той же дикости, в какой был при открытии»³⁰¹), — писал Корнилович из крепости

Однако, говоря об отсталости и «дикости» коренных народов Сибири, декабристы не смотрели на них как «на иноверцев-дикарей», неспособных достичь вершин цивилизации. Они понимали, что народы Сибири отстали в своем развитии, но они могут идти наравне с другими племенами человеческого рода. В этом отношении очень характерно сравнение Н. Бестужевым быта бурят с греками гомеровской эпохи в его статье «Очерки Забайкальского хозяйства»³⁰²). Сравнивая быт этих двух народов, Н. Бестужев устанавливал у них общие закономерности развития: «Вникая в патриархальную жизнь древних, даже членов тогдашней мифологии, часто пасших стада на земле для препровождения времени и богинь, бывших замужем за кузнецами, гулявших в гости к смертным пастухам и зная, что в это время не было ни ложек,

²⁹⁷) ЦГИАМ, ф. 1707 (Муханова), ед. хр. 10, л. 16 об.

²⁹⁸) Там же, л. 17.

²⁹⁹) Там же, л. 13 об.

³⁰⁰) ЦГИАМ, ф. 1707 (Муханова), ед. хр. 10, л. 6—6 об.

³⁰¹) ЦГИАМ, ф. III отд. I экзп., ед. хр. 61—79, л. 173.

³⁰²) Земледельческая газета, 1857 г., № 33, стр. 257.

ни виллок, что быт как простых смертных, так и богов, походил на бурятский. Такие же дымные жилища, та же простота в приготовлении кушания: жареный бык, жареный баран, вареное мясо, тот же способ есть, т. е. держа кусок мяса в руке, захватывать часть руками и отрезывать ее под самым посом»³⁰³). Наконец, Н. Бестужев видел общее у этих двух народов в том, что как те, так и другие до употребления железа пользовались медью. И он заключил: «Значит и в этом отношении древние буряты походили на греков гомеровской эпохи».

Это замечательное сравнение говорит о том, что ссыльный декабрист смотрел на народы Сибири, как на отставших в своем общественном развитии, но вполне способных со следующим шагом исторического развития достигнуть культуры и цивилизации.

Характерно, что говоря об отсталости и отсутствии образования в Сибири, декабристы подчеркивали, что население края, особенно молодое поколение, стремится к просвещению. Но ни местное начальство, ни духовенство не может удовлетворить его запросов, так как само слабо грамотно. Приезжие же из России чиновники искали только «будущности и состояния» для себя и не хотели трудиться на этом благородном поприще.

Взгляды декабристов на экономическое и культурное состояние Сибири свидетельствуют о том, что они сумели подняться до понимания очень важного противоречия, сковывающего развитие края — между огромными возможностями и потребностями развития, с одной стороны, и технико-экономической и культурной отсталостью — с другой.

Сумев отметить это характерное для всех отраслей развития Сибири противоречие, они смогли близко подойти к довольно глубокому пониманию причин отсталости Сибири и наметить пути ее подъема и улучшения материального положения трудящихся масс.

Декабристы отлично понимали, что отсталость Сибири не случайна, что она имела прямую связь с общей отсталостью России, с царским правительством, которое заботилось только о собственных интересах и не думало о благосостоянии народа. Они видели, что и в России сельское хозяйство и промышленность, являющиеся источниками народного богатства, не процветали и нуждались в коренных преобразованиях и улучшениях.

«Все твердят, что улучшения сельские необходимы, — пишет Н. Бестужев из каземата в 1836 г., — что потребности крестьян, развернутые тысячью новых сообщений, новых обя-

³⁰³) Земледельческая газета, 1857 г., № 33, стр. 257

занностей, не могут уже удовлетворяться прежним их прадедовским бытом, но все эти вознасы возникают и замирают в одних журналах, и никто из образованных помещиков не хочет приложить и руки к трудному подвигу»³⁰⁴)

С. П. Трубецкой в своей записке «О развитии сельского хозяйства в США» (1856—1858 гг.), сравнивая состояние сельского хозяйства США с российским, указывал, что земледелие Америки «...за 20 лет успело превзойти российское на Европейском рынке»³⁰⁵).

Причины отсталости земледелия России декабристы видели в крепостнической форме ведения хозяйства, стоявшей непреодолимой преградой на пути прогрессивного развития страны.

Разумеется, что при таком взгляде на состояние и уровень земледелия России декабристам были совершенно ясны и причины отсталости сельского хозяйства Сибири, которое находилось на еще более низком уровне, чем в России. Отсталость земледелия и промышленности в Сибири не являлась для них случайным и необъяснимым явлением, она тесно увязывалась с общей отсталостью России, обусловленной господством самодержавно-крепостнического строя.

Однако, не понимая того, что Сибирь, являясь частью России, испытывала тот же гнет крепостнического строя, который сковывал развитие ее европейской части, и не увидев системы государственного феодализма, декабристы подчеркивали другую сторону, оказывающую парализующее и губительное влияние на развитие сельского хозяйства, промышленности и культуры края, — это «обстоятельства, в которые поставили Сибирь» с первых дней ее завоевания³⁰⁶), «плохое управление краем», т. е. колониальную политику царизма. Д. Завалишин, критикуя колониальную политику царизма в Сибири, писал, что правительство превратило этот богатый край в место ссылки, источник пополнения государственной казны сначала путем выкачивания пушнины, а затем «...драгоценных металлов и камней, и не только введена каторжная работа, но целые свободные поселения приписывались к заводам и в обязательную вечную военную службу, в казаки...»³⁰⁷)

Тормозящую роль царизма дворянские просветители видели в том, что правительство, оберегая устои старого строя, всячески задерживало распространение просвещения. Буду-

³⁰⁴) Н Бестужев. Статьи и письма, М, 1933 г, стр. 254

³⁰⁵) ЦГИАМ, ф 1143 (Трубецкого), оп 1, ед хр 11, л 1 об.

³⁰⁶) Д Завалишин. Переселение народов. Восточное обозрение, 1882 г., № 23, стр 11

³⁰⁷) Д Завалишин Сибирь и Канада, Восточное обозрение, 1882 г., № 34, стр 4.

чи идеалистами в объяснении явлений общественной жизни, они придавали огромное значение просвещению, успехам разума, считая их главными двигателями исторического прогресса. С этой точки зрения они и подходили к объяснению причин упадка или успехов сельского хозяйства и промышленности. Так, по мнению Батенькова, «...вопрос об улучшении сельского хозяйства предполагает условие обновления чувства, в успехах разума и духа»³⁰⁸).

Батеньков считал, что ни в России, ни в Сибири, вообще не понято новое чувство, то есть «стремление к лучшему», которое только и может двинуть вперед земледелие, «...ли этот горестный недостаток, едва терпимый настоящим временем, останавливает все успехи и беспокоит народы в самом основании»³⁰⁹).

Для Батенькова было ясно, что крестьяне не могли двигать вперед экономику Сибири в силу своей неграмотности, малообразованности, а также тех тяжелых налогов и административно-чиновничьего произвола царских сатрапов, которым они подвергались. Объясняя причины экономической отсталости Сибири и намечая мероприятия по ее устранению, он писал «Кажется нет нужды распространяться возражением тех недостатков, которые представляют быт крестьян в нынешнем их уединении от общего хода цивилизации и тех злоупотреблений, которым сии подвержены»³¹⁰).

Кроме этих общих причин, тормозящих развитие края, в частности развитие сельского хозяйства, по мнению Батенькова, для Сибири существовала специфическая причина — это «монополия земли»³¹¹).

На примере Томской губернии он показал, что необъятные ее пространства принадлежали одной казне и никто не имел права занять участки ее для устройства каких-нибудь заведений. А те земли, которые отдавались казной в арендное пользование, не могли стимулировать развитие сельского хозяйства, так как арендовались на короткий срок, что мешало вкладыванию капиталов.

И он писал «Монополия казенная можно сказать, что она составляет здесь главное препятствие к развитию сельского хозяйства»³¹²).

Однако высказав эту замечательную мысль, Батеньков не понял и не смог понять господства в Сибири системы государственного феодализма и всех его губительных последствий

³⁰⁸) Рукописный отдел библиотеки В. И. Ленина, ф Батенькова, ед. хр. 5/30, л. 1

³⁰⁹) Рукописный отдел библиотеки им. Ленина, ед. хр. 5/30, л. 1.

³¹⁰) РОБЛ, ф Батенькова, ед. хр. 5/30, л. 3.

³¹¹) Там же, л. 2 об.

³¹²) РОБЛ, ф Батенькова, ед. хр. 5/30, л. 3 об.

для развития края Батеньков мог уловить только одно, что при монополии казенной земли временное, частное владение не стимулировало вкладывание частных капиталов в землю, а, следовательно, тормозило совершенствование, рационализирование и развитие сельского хозяйства и отдельных его отраслей. Видя эксплуатацию сибирского населения крепостническим государством, Батеньков не понял, что она основывалась на праве феодальной собственности государства-вотчинника на землю. Непонимание системы государственного феодализма характерно не только для Батенькова, но и для всех декабристов без исключения. Поэтому, говоря об отрицательной и тормозящей роли царизма в Сибири, декабристы подчеркивали только то, что видели, так сказать, на поверхности: неспособность и нежелание царского правительства и его слуг управлять развитием края, незаинтересованность их в устройстве правильной колонизации (переселении крестьянства), в развитии местной промышленности, торговли, путей сообщения и просвещения.

Д. Завалишин, сравнивая управление Сибирью царским правительством с управлением Канады Англией, писал: «в Сибири же, несмотря на казнь Гагарина, несмотря на частые перемены в формах управления, несмотря на ревизии, дурное местное управление сделалось хронической болезнью, а известно, что никакие естественные бедствия: ни неурожай, ни наводнения, ни пожары, ни землетрясения, ни эпидемии — не могут сравниться в губительных последствиях своих с дурным управлением, те губят временно результаты развития, тогда как дурное управление губит самое развитие в жизненном его источнике»³¹³).

Именно в силу плохого управления Сибирью в ней, по мнению декабристов, почти совершенно отсутствовали пути сообщения, что привело к слабой связи сибирского хозяйства с российским рынком и, вообще, к недостатку сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции. Декабристы придавали большое значение рынку в деле экономического развития страны.

«От этого именно предмета ее производительности, в особенности же из них которые относятся к первым потребностям, как-то: разного рода хлеб, мясо, живность, произведение ее лесов, ее рек, ее почвы, не имеют той ценности, которую бы они должны были иметь, и не вознаграждают в справедливой мере необходимых для них трудов и капиталов», — писал Басаргин в 1836 г.³¹⁴).

³¹³) Восточное обозрение. 1882. № 34, стр. 4

³¹⁴) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 179, л. 2 об.

Отсутствие рынка сбыта они считали главной причиной отсталости сельского хозяйства. Н. Бестужев говорит, что достаточно одной этой причины, «чтобы уронить хлебопашество»³¹⁵).

Однако нельзя не отметить, что, поняв роль и значение рынка в деле подъема народного хозяйства края, декабристы не смогли увидеть, что отсутствие рынка было обусловлено не только плохим управлением Сибирью со стороны метрополии, т. е. ее колониальным положением, но прежде всего тем, что хозяйство Сибири в своей основе было натуральным. Сибирские крестьяне все необходимое производили в своем хозяйстве: дубили кожу для обуви, изготавливали овчину для тулупов, бродни, употребляли домашнее сукно, часто, имея под ногами железо, пользовались деревянным замком и деревянными гвоздями. Правда, природные и исторические условия, характерные для этой отдаленной колониальной окраины, втягивали ее в общий поток товаро-денежных отношений и способствовали развитию капиталистических отношений. Но преградой на пути этого развития стоял феодальный способ производства, господствовавший в Сибири. Чтобы создать условия для развития рынка, открыть простор буржуазному развитию Сибири, за что ратовали декабристы, недостаточно было изменить или устранить полицейско-административное и колониальное управление Сибирью со стороны метрополии, но необходимо было и в Сибири провести коренную ломку и замену отсталого феодального способа производства новым, капиталистическим.

По мнению декабристов, отрицательно на развитие сибирской промышленности сказалась золотопромышленная горячка 30—40-х годов, которая, как справедливо указывали Басаргин, Завалишин и др., и сама ничего не выиграла и нанесла ущерб промыслам, так как привела к отливу капиталов от частной промышленности и отрыву рабочих рук от тех отраслей народного хозяйства, развитие которых более всего соответствовало выгодам края.

«В последнее время развилась только золотопромышленность и соединенное с нею винокурение, которые и подавили развитие других промыслов; привозное, дорогое, стало заменять местное и дешевое. Перед открытием золотых промыслов в Енисейске выделывали отличные сошники, имелись собственные изделия из дерева, а железное ведро с Урала стало заменять там ныне деревянное, даже ложки деревянные стали привозить из России»³¹⁶).

³¹⁵) Н. Бестужев, Статьи и письма М., 1933, стр. 23

³¹⁶) Восточное обозрение, 1882, № 12, стр. 11.

Но Завалишин увидел только отрицательные стороны влияния золотопромышленности на развитие края и не сумел оценить ее положительного значения для истории Сибири.

В то время как другие декабристы, в частности Муханов, Н. Бестужев, поняли и положительное влияние, которое оказала она на развитие края. Так, для Н. Бестужева было ясно, что с золотопромышленностью для предприимчивого человека, да еще с капиталами, открывалось широкое поле деятельности в развитии скотоводства, хлебопашества и других сельскохозяйственных продуктов, ибо золотые прииски требовали хлеба, мяса и т. д.³¹⁷⁾.

В бумагах Муханова сохранились наброски незаконченной статьи «О влиянии золотой промышленности на ценность хлеба в Восточной Сибири», в которой он собирался показать две стороны значения ее для Сибири: «выгодна и нет»³¹⁸⁾.

Безусловно, золотопромышленная горячка 30—40-х годов XIX в., как доказали советские исследователи, в истории развития народного хозяйства Сибири имела отрицательное значение. Она, как правильно подметили декабристы, привела к утечке рабочей силы от кустарно-ремесленного производства и нанесла удар по возникавшей железной промышленности. Но в то же время, требуя в большом количестве рабочую силу, продукты сельского хозяйства и т. д., золотая промышленность способствовала расслоению сибирской деревни и дальнейшему развитию капиталистических отношений в недрах старого феодального способа производства.

Другими причинами, обуславливающими низкий уровень сибирской экономики, они считали отсутствие капиталов и людей со специальным образованием, которые могли бы сознательно разрабатывать природные богатства и устраивать промышленные предприятия, в продукции которых нуждалось прежде всего население края.

Басаргин, суммируя общие причины отсталости Сибири, писал: «Много причин препятствуют Сибири в настоящее время стать на ту ступень значения, которую предназначает ей будущность. недостаток капиталов, недостаток промышленного образования в ее деятелях по этому пути, обширность расстояний и, что еще самое главное, затруднительность в путях сообщения как внутри самого края, так и в торговых сношениях ее с Россией»³¹⁹⁾.

Следовательно, занявшись изучением Сибири, декабристы пришли к выводу, что несмотря на наличие огромных

³¹⁷⁾ ИРЛИ, ф. 604 (архив Бестужевых), ед. хр. 4 (5573)

³¹⁸⁾ ЦГИАМ, ф. 1707 (Муханова), ед. хр. 6

³¹⁹⁾ ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 179, л. 2 об.

природных богатств и благоприятные условия для развития сельского хозяйства и промышленности, они находились в далеко не блистательном состоянии, в силу чего не могли обеспечить благосостояния народных масс.

Взгляды декабристов на Сибирь показывают, на какую высоту поднялись дворянские просветители в сибирский период жизни по сравнению с представителями чиновничье-бюрократического аппарата управления России и Сибири, которым чуждо было сознание государственной важности освоения природных богатств и промышленно-земледельческой колонизации Сибири как средства подъема экономической жизни края в интересах народных масс. В их глазах и представлениях русского общества того времени суровая природа Сибири не подавала никаких надежд для будущего ее развития. При царизме распространены были теории, согласно которым восточные районы России не располагают производственными возможностями, потому что в них не может развиваться промышленность. Эти взгляды на бесперспективное будущее Сибири отразил наблюдатель 40-х годов XIX в. Герсеванов в своей статье «Замечания о торговых отношениях Сибири к России»: «Пока на земном шаре будут существовать нынешние законы природы, — писал он, — до тех пор устья Оби и Лены будут загромождены льдами, ветер не перестанет бушевать на огромных равнинах степи Гоби Монголам искони суждено быть скотоводами, а обитателям Сибири — звероловом»³²⁰). И он заключал «Одним словом, с какой стороны ни смотреть на Сибирь, на ее климат, географическое положение, физическое образование, производство, нынешние торговые обстоятельства, полудикое устройство стран, прилегающих с юга, недостаток сообщений — все заставляет думать, что ей надолго еще суждено остаться пустыней»³²¹). И Герсеванов делал вывод, что раз Сибирь представляет пустыню и непроизводительно высасывает «соки России, сама от того не тучнее», то необходимо вывезти из нее производительные силы и капиталы, употребив их на экономическое развитие метрополии. Даже такой вдумчивый государственный деятель России первой половины XIX в., как М. М. Сперанский, имевший возможность близко познакомиться с этим отдаленным краем, проглядел его богатейшие возможности и считал, что Сибирь лишь «прекрасное место для ссылочных..., но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности,

³²⁰) Цитируется по кн. Н. П. Козьмина *Очерки прошлого и настоящего Сибири*, СПб, 1910, стр. 172.

³²¹) Там же, стр. 173.

твердой, основанной на хлебопашестве, фабриках и внутренней торговле»³²²).

Современник М. М. Сперанского П. А. Словцов, прошедший всю свою сознательную жизнь в Сибири и много лет трудившийся на поприще сибирского образования, считал, что «земледелие, и в тесном и в пространственном смысле взятое, не представляет широких надежд».

Заслуга декабристов состоит в том, что они отбросили эти отсталые, реакционные теории и в своих взглядах на Сибирь поднялись до уровня А. И. Герцена, который писал: «Сибирь имеет большую будущность, на нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меха и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это верно. Мертвящее русское правительство, делающее все насильем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед»³²³).

Более того, воодушевленные чувством патриотизма, горячим стремлением улучшить положение народных масс, декабристы, несмотря на оковы и остроги, выступили со своеобразной программой подъема производительных сил и культурного уровня Сибири.

§ 3. ПРОГРАММА ПОДЪЕМА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ СИБИРИ

Наиболее полно программа подъема производительных сил и культурного уровня Сибири изложена в письмах из крепости А. О. Корниловича, поданных на имя царя и Бенкендорфа, в многочисленных статьях о Сибири Г. С. Батенькова, П. Муханова, Завалишина, Басаргина, записках и статьях других декабристов, написанных в сибирский период их жизни или после амнистии.

Прежде всего, декабристы считали возможным и необходимым поднять главную отрасль народного хозяйства Сибири, являвшуюся источником благосостояния масс, — сельское хозяйство. С этой целью А. О. Корнилович считал необходимым изменить для сибирских крестьян существующую систему налога, переложив ее тяжесть с плеч беднейших крестьян на зажиточных. А именно, «сбавить третью часть или половину с подушного оклада и дополнить недостаток податью с имущества, то есть с лошадей, крупного и мелкого

³²²) В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского, СПб 1872 г. т. I, стр. 76

³²³) А. И. Герцен. Былое и думы 1946, стр. 136

рогатого скота и с посевов разного рода хлеба»³²⁴). Причем сбор налогов должен быть передан самим крестьянам — их волостным правлениям. Посельщикам же, прибывающим в Сибирь, он предлагал оказывать помощь в обустройстве хозяйством путем выдачи ссуды в размере от 30 до 50 руб., что позволит им «пользоваться оседлостью, — писал Корнилович, — привяжет к месту поселения»³²⁵) и, следовательно, сделает полезными и деятельными для Сибири жителями.

Кроме того, он считал необходимым завести в главных городах Сибири школы сельского хозяйства, с устройством при них ферм садоводства, которые должны явиться рассадниками распространения агрономических знаний среди крестьянства Сибири, готовить кадры специалистов по сельскому хозяйству и содействовать «...образованию туземцев, почти незнакомых с улучшениями земледелия и успехами просвещения, введенных в быту европейской России»³²⁶). Для развития земледелия среди бурят дворянский просветитель предлагал местному сибирскому начальству самому и через Хамбо-Ламу приучать бурятские племена к трудолюбию и занятию земледелием, влиять на переход их от кочевого образа жизни к оседлости. Корнилович уверял царя, что если будут приняты меры по распространению земледелия среди народов Сибири, в частности бурят, то «Хоринские степи, заключающие в себе богатейшие угодья во всем Забайкальском крае, покроются жатвою, вместо кое-где разбросанных юрт образуются селения, и тридцать тысяч душ, которые теперь ходят без рубах, вместо пищи употребляют кирпичный чай, приправляя его изредка куском баранины или палой конины, и столь бедные, что едва в состоянии платить ясак, выйдут из своего полудикого положения и, сделавшиеся трудолюбивыми гражданами, улучшат свой быт»³²⁷).

Нетрудно заметить, что программа Корниловича, имеет ярко выраженный буржуазный характер. Исходя из того, что в Сибири отсутствовало крепостное право и существовала, по его словам, одна категория крестьянства — казенные крестьяне, зависимые только от государства, и учитывая наличие неиспользованных природных богатств, неподнятой целины и пастбищ, он считал возможным при уменьшении главного зла для сибирских крестьян — сбора государственных налогов, путем изменения и уменьшения системы податей улучшить положение народных масс, превратив сибир-

³²⁴) А. О. Корнилович Сочинения и письма, под ред. А. Г. Грум-Гржимайло и Б. Б. Кафенгауза, М.—Л., АН СССР, 1957, стр. 216

³²⁵) А. О. Корнилович Сочинения и письма, АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 216

³²⁶) ЦГИАМ, ф. III отд. I экзп., ед. хр. 61—79, 1826 г., л. 173 об.

³²⁷) Там же, л. 74 об.

ское крестьянство в более или менее зажиточных фермеров и промышленников. Не понимая сущности господствовавших феодальных отношений в Сибири, Корнилович предлагал учредить в ней такую систему податей, которая введена была после буржуазных революций в европейских странах. Предложение же его относительно привлечения к благородной деятельности улучшения положения коренных народов местного духовенства и чиновников свидетельствует об ограниченности взглядов дворянского просветителя, оказавшегося не способным понять, что в условиях господства крепостничества и самодержавия бессильны частные меры для изменения положения коренных народов Сибири, тем более утопичны и не реальны надежды на то, что царское правительство и его слуги — сибирские чиновники и духовенство — бескорыстно могут способствовать улучшению положения национальных меньшинств. И несмотря на этот утопизм, программа Корниловича имела прогрессивный характер. Эта программа прежде всего защищала интересы широких народных масс и имела целью улучшить материальное положение не только посельщиков, но всего крестьянства Сибири, страдающего от ограбления, путем системы государственных налогов

Еще более смелый план по подъему сельского хозяйства Сибири выдвинул Г. С. Батеньков. Считая одной из главных причин отсталости сельского хозяйства Сибири монополию казенной земли, он по существу предложил уничтожить ее. «В настоящее время было бы благодетельным средством разрешение продажи казенных земель в частную собственность, разумеется, в размерах достаточных, но не чрезмерных»³²⁸). И он считал необходимым распродать пустующие земли, принадлежащие ведомству Алтайских горных заводов, и все те, которые принадлежали казне, всем желающим купить их в частную собственность, другую их часть — отдать в награду за службу чиновникам или обратить в оброчные статьи, или поселить разночинцев, наделяя их 15-десятинным участком, или же отдать под дачи городским жителям.

По мнению Батенькова, получение земли в частную собственность привело бы к тому, что каждый из владельцев, заинтересованный в увеличении доходов от своего хозяйства, стал бы вкладывать в землю капиталы, вводить рационализацию и организацией своего образцового хозяйства явился бы примером для местного крестьянства и тем самым способствовал бы подъему производительных сил в сельском

³²⁸) Рукописный фонд библ. им. В. И. Ленина, ф. Батенькова, ед. хр. 5/30, л. 2 об.

хозяйстве края³²⁹). Причем он подчеркивал, что эти хозяйства и право частной собственности на землю не должны походить на существующие частные владения в России, основанные на родовом праве и чинах. И чтобы в этом отношении не было препятствий для дальнейших аграрных преобразований, о которых он, к сожалению, не сказал, Батеньков предлагал отказаться от применения термина «вечное владение» по отношению к новым владельцам земли. Однако он понимал, что новые владельцы встретят огромные затруднения в свободных рабочих руках в силу слабой заселенности края. Он считал возможным разрешить им на «особенных правилах» селить на своих землях неоседлых ссыльнопоселенцев и людей свободных состояний, интересы которых должны ограждаться законами.

Следовательно, Батеньков ратовал за введение в Сибири принципа буржуазной частной собственности, за организацию и развитие частновладельческих образцовых хозяйств фермерского типа, основанных на применении вольнонаемного труда, которые должны явиться примером для местного крестьянства³³⁰).

Безусловно, программа Батенькова по подъему сельского хозяйства Сибири далека от правильного разрешения этого вопроса. Ссылные и люди свободных состояний, водворенные на землях частных владельцев, превратились бы в экономически зависимых сельскохозяйственных рабочих, эксплуатируемых фермерами А разночинцы, наделенные 15 дес. земли, не смогли бы выдержать конкуренции с фермерами и разорились бы, превратившись в сельскохозяйственных рабочих.

И все-таки, несмотря на это, осуществление программы Батенькова имело бы большое положительное значение для развития Сибири, хотя и не разрешило бы окончательно вопроса подъема и развития производительных сил края, ибо подъем их был возможен только при полном разрушении старого феодального способа производства. Однако реал-

³²⁹) Рукописный отдел библ им. В. И. Ленина, ф Батенькова, ед. хр 5/30, л. 3.

³³⁰) Мысль об огромном значении в подъеме сельского хозяйства Сибири организации образцовых хозяйств и пропаганды их опыта среди крестьянства Сибири широко была распространена среди декабристов. Об этом свидетельствует письмо М Бестужева с Амура от 26/IX-1857 г., в котором он дал высокую оценку деятельности П В Казакевича, сподвижника Невельского, организовавшего «без мечтаний» в области утопий образцовые фермы и огороды» и действовавшего своим примером, что по мысли М. Бестужева давало положительные результаты в освоении края. См «Путевые письма М Бестужева» (публикация М К. Азадовского) «Забайкалье», лит-худож. альманах, Читгиз, 1952, № 5, стр. 233.

лизация ее, если учитывать, что в Сибири не было помещичьих владений, привела бы к более быстрому процессу классовой дифференциации, разложению феодального способа производства и более быстрому вызреванию капиталистических отношений в недрах старого строя и, следовательно, известному подъему уровня сельского хозяйства Сибири.

Декабристы также считали, что наряду с сельским хозяйством немаловажное значение в подъеме благосостояния масс играет промышленность, которая в силу наличия природных богатств могла бы получить широкое развитие в Сибири, если бы к этому были приняты меры.

Н. В. Басаргин, посвятивший этому вопросу обширнейшую записку «О развитии промышленности и торговли в Сибири»³³¹), считал, что правительство и русское общество прежде всего должны обратить внимание на настоящее положение Сибири, на наличие в ней огромных природных богатств, разработка которых доставит большие выгоды населению и государству. Но чтобы заставить эти богатства служить человеку, по словам Басаргина, нужно в Сибирь привлечь людей дельных и образованных, способных бескорыстно трудиться на пользу края и «...найти средство привлечь капиталы из России» или дать возможность небольшим местным капиталам объединиться для развития существующих отраслей промышленности и для организации новых³³²). И он предлагал правительству разрешать и поощрять образование кампаний в Сибири, по примеру которых начали бы объединять свои капиталы и другие мелкие промышленники Сибири.

Более того, хорошо изучив производственные возможности края, Басаргин в своей «Записке» конкретно указывал, какие фабрики, заводы можно и необходимо открыть в Сибири и какие меры нужно принять для развития каждой отрасли народного хозяйства. Так, например, для развития рыбной промышленности он полагал необходимым улучшить водные пути сообщения, очистить места, на которых производится лов рыбы, установить правила относительно самой ловли, на местах ловли учредить постоянные жилища и т. д., т. е. превратить рыболовство из сезонного занятия в постоянную и развитую отрасль народного хозяйства Сибири.

Наличие огромного количества леса, благоприятные условия для выращивания льна, свеклы и т. д. давали возможность, по его мнению, завести холстяные и бумажные фабрики, свекловичные, сахарные и паточные заводы и т. д. «Можно также заняться разведением разных сортов таба-

³³¹) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 176

³³²) Там же, л. 16.

жу, писал Басаргин, — и еще многими другими предметами, которые нельзя даже исчислить»³³³).

Большую надежду в подъеме производительных сил декабристы возлагали на торговлю как на один из важнейших стимулов в развитии промышленности. Однако, большим тормозом для ее развития, по мнению декабристов, являлось отсутствие удобных и дешевых путей сообщения. И они считали своим долгом работать над отысканием новых путей сообщения, улучшения существующих, которые бы связывали Сибирь с Россией и иностранными государствами.

В 1836 г. Н. В. Басаргин написал записку «Об устройстве дороги от г. Тюмени до р. Камы и города Перми», в которой считал необходимым и возможным построить железную дорогу от Тюмени до Перми, а от Перми во внутренние российские губернии установить правильное водное сообщение по системе российских рек, в то же время до Тюмени воспользоваться водяным сообщением³³⁴).

Г. С. Батеньков в статье «О дорогах Сибири» (1857 г.) ратовал за проведение железной дороги в Сибири, придавая ей огромное значение в деле присоединения отсталого сибирского края к образованному миру. Замечательно то, что Батеньков предлагал проложить ее по Крайнему Северу так, чтобы окаймить его и тем самым дать возможность развитию «здесь фабричности», ремеслам, различным промыслам и торговле³³⁵). Чтобы способствовать внутреннему экономическому развитию Сибири и торговли в ней, Батеньков считал необходимым провести шоссейную дорогу от Перми до Тобольска, а отсюда по правому берегу Иртыша до Томска и за Байкал через Становой хребет к Иркутску до начала Амура.

Еще над более обширным проектом путей сообщения работал Н. Муравьев

Н. М. Дружинин, касаясь сочинения Муравьева «О канализации», говорит, что в нем автор ставил целью открыть торговые пути сообщения для России в ближайшие западные и восточные страны с тем, чтобы способствовать развитию торговли, промышленности и земледелия³³⁶). Однако Н. М. Дружинин несколько ограничивает проект Муравьева, считая, что он охватывал только европейскую Россию, которая соединялась сетью каналов с Каспийским, Черным, Белым и Балтийским морями, в то время как проект Муравьева был гораздо шире и богаче, он ставил целью не только

³³³) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 176, л. 22.

³³⁴) ЦГИАМ, ф. 279 (Якушкиных), ед. хр. 179.

³³⁵) Рукописный отдел библ. им. В. И. Ленина, ф. Батенькова, ед. хр. 5/30, л. 20.

³³⁶) Н. Дружинин Декабрист Н. Муравьев, М., 1933.

подъем производительных сил России, но и Сибири и включал ее в общую систему водных сообщений. В этом убеждает тот факт, что в черновых заметках имеется раздел «Сибирские реки», в котором собраны многочисленные данные о длине сибирских рек: Лене, Енисее, Оби, Иртыше, Катунн, Ангаре, их притоках, о расстоянии по водной системе между главнейшими городами Сибири, сокращении расстояний от соединения сибирских рек в водную систему, а также заметки и многочисленные расчеты проведения железной дороги между Охотском и Якутском, и т. д. Все это говорит о том, что Н. Муравьев мечтал разработать и разрабатывал такой проект водных путей сообщения, который бы сетью каналов, соединяющих реки и моря России, объединил бы и Сибирь в единую водную систему путей сообщения и открыл бы торговые пути в западные страны³³⁷).

В бумагах Н. Бестужева хранятся многочисленные выписки из газет, заметки «о каналах и плавании по рекам», что свидетельствует об интересе Н. Бестужева к этой проблеме. Проблема путей сообщения и особенно по водной системе являлась животрепещущей для Сибири, и декабристы, придавая огромное значение путям сообщения в развитии сибирской торговли и ее огромной роли в вызволении Сибири из той мертвенности, бедности и отсталости, в которой она находилась, искали всевозможные пути и средства для разрешения ее.

Но если Басаргин, Батеньков и другие декабристы свое внимание сосредоточили на отыскании более удобных и легких путей сообщения Сибири в основном с внутренними губерниями России, то Корнилович мечтал об установлении и развитии широких торговых связей Сибири через Охотск «с новыми республиками на Американском материке»³³⁸). С этой целью он предлагал прежде всего устроить дорогу между Охотском и Якутском, непроходимые и необжитые места между которыми затрудняли доставку товаров в Охотск, организовать на Тихом океане купеческий торговый флот, для строительства которого, по его словам, есть все необходимое (лес, свободные рабочие руки и т. д.), организовать на пожертвования богатых сибирских купцов училище для подготовки «ученых шхиперов» и учредить коммерческое училище³³⁹).

Для установления торговых связей с Китаем Корнилович считал необходимым отправить на Амур экспедицию для собирания сведений о течении этой реки, положительные

³³⁷) ЦИИИМ, ф 1153 (арх Муравьевых), ед. хр. 103, л 51—61 об

³³⁸) ЦИИИМ, ф III отд, I эксп, ед хр 61—79, л. 174

³³⁹) Там же

результаты которой доставили бы России возможность плавания по Амуру — обстоятельство, входившее в намерение Петра I, писал он³⁴⁰⁾.

Вегелин же, с целью предотвращения ростовщических сделок, предлагал в каждой волости открыть банки для крестьян «Я думаю, — писал он, — для уничтожения сего зла (ростовщичества — Г. Ш.) было бы, если возможно, завести в волости небольшие банки, крестьянин, нуждаясь в деньгах, знал, что может за малый процент получить из волостного банка оную сумму, перестал бы знать тогда торгаша, дающего пять копеек за вещь, стоящую рубль»³⁴¹⁾

Конечно, все эти мероприятия, предлагаемые декабристами, способствовали бы в какой-то степени улучшению путей сообщения и поднятию торговли в Сибирском крае. Но они не могли привести ее к тому расцвету, о котором мечтали декабристы, ибо главный тормоз ее развития заключался в феодальном способе производства, отсутствии рынка, обусловленном господством натурального хозяйства, низкой покупательной способностью народных масс Сибири. Поднять уровень торговли, устроить дешевые и удобные пути сообщения возможно было лишь на базе победы более передового способа производства — капиталистического.

Итак, в результате всестороннего изучения Сибири, ее природных богатств, производственных возможностей, дворянские просветители выдвинули программу подъема сельского хозяйства и промышленного уровня Сибири в рамках существующего строя. Кроме этой программы, они наметили программу культурного подъема края и ликвидации его отсталости

Разрабатывая мероприятия по распространению грамотности и образованности среди населения Сибири, дворянские просветители безусловно руководствовались мыслью — «Каждый шаг просвещения в монархии есть шаг к свободе» Но в своих официальных записках, предназначенных для правительства и сибирского начальства, декабристы не могли говорить о том, что распространение просвещения приведет в конечном счете к борьбе с ними, ускорению гибели колониализма и самодержавно-крепостнического строя. Они обращали внимание на другую сторону значения образования и грамотности для народа — это то, что просвещение поможет человеку улучшить свою жизнь, даст возможность познать природу, разумно использовать ее богатства и стихийную силу и тем самым увеличить богатства государства. И акцентируя внимание только на эту выгодную сторону

³⁴⁰⁾ ЦГИАМ, ф III отд, I эксп, ед хр 61--79, л. 177

³⁴¹⁾ ЦГИАМ, ф 1146 (Волконских), ед хр 79, л. 8

образования и просвещения для правительства и народа, декабристы одним из главных пунктов программы возможного подъема края выдвинули задачу распространения просвещения и образования среди народных масс Сибири.

Для подъема культурного уровня Сибири декабристы, в частности Корнилович, Муханов и другие, основываясь на «сильном стремлении поселян к просвещению» предлагали организовать училище на пожертвования самого населения. Так, Корнилович писал «В таких обстоятельствах, если б губернатор, при объезде губернии, остановившись в волости, предложил собранным хозяевам сложиться для заведения у себя училищ, то несомненно, что сие предложение было бы принято с радостью»³⁴²).

Муханов в своей записке «О просвещении и образованности», не рассчитывая на то, что правительство пойдет на расширение системы существующих в Сибири приходских школ и организацию новых, ратовал за поощрение правительством организации школ на пожертвования самих крестьян и разрешение «свободного обучения», т. е. ссыльными³⁴³). Чтобы облегчить содержание учителей, он считал возможным каждого учителя наделять двумя десятинами пахотной земли и покосом для домашнего скота.

Убеждая в полезности и необходимости распространения грамотности и просвещения среди населения Сибири, он следующим образом коротко и ясно формулировал свою программу ликвидации отсталости крестьянских масс Сибири:

«Дозволить производить первоначальное обучение свободно или учредить при каждой церкви и в каждой волостной думе приходские училища»³⁴⁴). (подчеркнуто Мухановым) Он предлагал открыть гимназию в Красноярске, а Иркутскую преобразовать в высшее учебное заведение до того времени, пока правительство не сочтет нужным ввести здесь университет³⁴⁵).

Замечательно то, что автор «Записки» предлагал при Иркутской гимназии завести музей, который бы знакомил учащихся и население с богатствами края, и составить «Ученый Комитет» по сбору сведений о Сибири. Такое предложение Муханова не случайно, а имеет под собою глубокие причины и вытекает из общих взглядов декабристов на положение Сибири в системе Российской империи. Декабристы видели, что в русском обществе существуют неправильные и тенденциозные представления о Сибири как стране, пригодной

³⁴²) ЦГИАМ, ф. III отд. I эксп. ед. хр. 61—79, 1826, л. 209 об.

³⁴³) ЦГИАМ, ф. 1707 (Муханова), ед. хр. 10, л. 18, 19.

³⁴⁴) Там же, л. 18.

³⁴⁵) Там же, л. 10, 11.

только для жизни «отверженных» и не имеющей будущего. Деятельность же «Ученого Комитета» и музея должна была помочь разбить эти ложные взгляды на Сибирь, привлечь к ней внимание передовых людей и правительства и вызвать стремление заняться освоением ее природных богатств.

Наводнение Сибири «навозными» чиновниками, не интересовавшимися судьбами края и преследовавшими одни лишь корыстные интересы, заставило Муханова предложить сибирскому начальству при Иркутской гимназии устроить специальный 9-й класс, в котором бы подготавливались ученики для служебной деятельности в Сибири. Учащихся же пансиона после окончания его переводить на казенное содержание в высшие специальные учебные заведения столицы, с обязательством после окончания их вернуться в Сибирь и направить свою деятельность на пользу края. «Усиление общественной образованности на счет правительства необходимо в Сибири, — писал Муханов, — больше, чем в других частях России»³⁴⁶) (подчеркнуто Мухановым).

Надо полагать, что декабристы, придававшие огромное значение образованию и просвещению в деле прогрессивного развития Сибири разделяли эту программу подъема культурного уровня народных масс Сибири.

Замечательным в программе всестороннего подъема Сибири было то, что они наряду с распространением образования и просвещения среди населения края ставили в высшей степени трудную и благородную цель — приобщить коренные народы Сибири к более высокой русской культуре, поднять их хотя бы до ее уровня, сделать русскую культуру достоянием отсталого коренного населения Сибири.

Батеньков, говоря о необходимости «вторичного присоединения» Сибири к России, несомненно имел в виду те усилия и мероприятия, которые должны быть направлены со стороны России, т. е. русского народа, для приобщения коренных народов Сибири к более высокой русской культуре. Он совершенно правильно считал, что присоединением коренных народов Сибири к России и распространением у них более передовой русской земледельческой культуры можно спасти их от полного вымирания.

Так, в одиннадцатой статье «Об управлении Сибири», говоря о состоянии сибирских национальных меньшинств и сближении их с русскими, он писал: «Опять нужна концепция, чтобы охранить сих инородцев от конечного истребления и их же, как коренных жителей, еще раз присоединить»³⁴⁷).

³⁴⁶) ЦГИАМ, ф 1707 (Муханова), оп 1, ед. хр. 10, л. 7.

³⁴⁷) РОБЛ, ф Батенькова, ед. хр. 2/2, л. 38

Завалишин высказывал недовольство тем, что в Сибири еще слабо распространяется прогрессивное русское влияние на «инородцев». Как всегда несколько преувеличивая, он даже склонен был думать, что эти отсталые народы начинают подчинять русских своему влиянию. В статье «Сибирь и Канада» он писал «в Сибири в состав населения входит еще огромная масса инородцев, не только мало еще подчиняющихся русскому влиянию, но скорее подчиняющих русских своему»³⁴⁸).

Эти воззрения декабристов о необходимости приобщения народов Сибири к более высокой русской культуре и поднятия их общего уровня жизни, безусловно, были присущи всем декабристам

Отдельные из них, как Корнилович, развивая дальше точку зрения о прогрессивном влиянии русской культуры на отсталые народы Востока, приходил к выводу, что Россия играет вообще прогрессивную роль по отношению к народам Востока и отсталым народам Азии. В своем письме из крепости, в дополнении к сочинению «Об Азии», он говорил, что России, стремящейся завязать торговые связи с Азией, нет смысла прибегать к макиавеливщине, как это делает Англия в Ост-Индии.

«Наши виды на Азию, — писал он, — суть единственно торговые, основанные на взаимности выгод и могущие исполниться только во время мира. Непременным последствием влияния России в тех странах будет водворение общественного порядка, промышленности и просвещения посреди народов, ныне коснеющих в невежестве, или между полудикими ордами, живущими теперь грабежом и разбоями. А потому всякий друг человечества, всякий благомыслящий будет, конечно, радоваться нашим успехам на сем обширном и малоизведанном еще поприще»³⁴⁹).

Так, в основном правильно понимал роль России по отношению к народам Востока и Азии ссыльный декабрист А. О. Корнилович уже в 30-х годах XIX в.

Итак, выдвинутая декабристами программа в основном сводилась к подъему производительных сил и культурного уровня Сибири.

1. Для подъема производительных сил, в частности сельского хозяйства, они предлагали: а) уменьшить и изменить систему государственных налогов с крестьянства Сибири, б) распродать казенные земли в частные руки, в) организовать образцовые хозяйства, г) открыть сельскохозяйственные школы в главных городах Сибири, д) оказывать помощь в

³⁴⁸) Восточное обозрение, № 34, стр. 4, 1882.

³⁴⁹) ЦГИАМ, ф. III отд. 1 экзп., ед. хр. 61—97, 1826, л. 190.

облагоденности хозяйством посельщикам и способствовать переселению крестьянства из Европейской России в Сибирь, е) открыть в каждой волости банки для крестьян.

II. С целью подъема промышленности: а) знакомить русское общество и сибиряков с огромными природными богатствами края и привлекать капиталы российских и местных купцов для разработки недр сибирской земли; б) разрешать и поощрять образование кампаний; в) готовить и привлекать к разработке богатств края людей дельных и образованных, способных применить и распространить достижения науки и техники.

III. Для развития торговли: а) завести торговый флот на Тихом океане и открыть новые пути сообщения по системе сибирских и российских рек, а также по Амуру; б) построить железную дорогу между Тюменью и Пермью и шоссе — от Перми до Тобольска, Томска, Иркутска и начала Амура; открыть коммерческое училище и училище для шкиперов.

IV. Для подъема культурного уровня народных масс Сибири и распространения просвещения: 1) Усилить сеть школьного образования на пожертвования самого населения: а) при каждой церкви открыть школы первоначального обучения и разрешить обучение крестьянских детей ссыльными. 2) Увеличить количество средних учебных заведений: а) открыть гимназию в Красноярске, учредить при ней пансион в 50 человек. 3) Преобразовать Иркутскую гимназию в высшее учебное заведение Восточной Сибири: а) в пансионе, существующем при Иркутской гимназии, ввести гимназический курс и учащихся, окончивших его, переводить на казенное содержание в высшие специальные учебные заведения столиц, б) при гимназии открыть 9-й класс с целью подготовки людей для службы в Сибири; г) открыть музей натуральной истории Сибири и организовать «Ученый Комитет» по изучению и сбору сведений о крае.

V. В отношении отсталых племен Сибири программа намечала: 1) Всячески способствовать их переходу от кочевого образа жизни к оседлости и занятию земледелием. 2) В целях же подъема культурного уровня и просвещения: а) открыть при каждой Степной Думе, Инородческой управе школы первоначального обучения, б) всеми мерами распространять культурное влияние на коренные народы Сибири и приобщать их к передовой и более высокой русской культуре.

В условиях заключения и ссылки декабристы, конечно, не могли дать развернутой программы коренного политического преобразования Сибири. И тем не менее, они высказывали мысли о необходимости реорганизации суда, преобразования администрации и фактически выдвигали требование предоставления Сибири свободы и самоуправления, т. е. уничтоже-

ния колониализма. Эта программа имела ярко выраженный просветительский характер и была подчинена общеполитической программе уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России, являясь частью общеполитической борьбы декабристов с крепостничеством. Она свидетельствует о том, что декабристы и в сибирский период жизни новыми путями и иными средствами продолжали вести борьбу против царского правительства.

Теоретическим обоснованием программы декабристов, оставшимся скрытым от глаз правительства, были взгляды Н. Бестужева, Якушкина, Лунина и других декабристов, что грамотность и образование помогут понять несправедливость существующих порядков и сознательно целеустремленно подняться на борьбу за изменение существующего положения и свое освобождение

Выдвигая программу всестороннего подъема Сибири, декабристы не думали, что осуществление ее приведет к быстрому самосознанию масс, к немедленной борьбе их с самодержавно-крепостническим строем. Они считали, что путем просвещения, образования народа и, главным образом, воспитания юношества, свободного от пороков своих родителей, возможно вырастить новое поколение, которое станет во главе управления Сибирью и будет бороться против колониального гнета царизма, за предоставление ей свободы, самоуправления и в конечном счете осуществит ее «лучшее будущее» — превращение в образованную и равноправную спутницу русского народа.

«Сибирь .. — писал декабрист Розен, — с увеличением народонаселения, с посеянными в ней семенами, обещает... счастливую и славную будущность»³⁵⁰).

Идеализм и трагедия декабристов состояли в том, что, поняв нужды Сибири, они не могли осознать, что низкий уровень производительных сил ее обусловлен не только колониальной политикой царизма в этом крае, но прежде всего господством здесь «государственного» феодализма.

Феодалом, владеющим средствами производства в Сибири, землю, являлось Российское самодержавное государство, выступавшее здесь в роли монополиста-землевладельца. Различные категории сибирского крестьянства: старожилы, переселенцы, экономические крестьяне (бывшие церковные), однодворцы (потомки военных служилых людей, ссыльнопоселенцы, заводские крестьяне, сидевшие на казенных государственных землях, являлись феодально зависимыми от самого крепостнического государства и обязаны были отда-

³⁵⁰) А Розен В ссылку, СПб, 1899, стр 110—111

вать государству-землевладельцу феодальную ренту во всех трех ее видах.

Такую систему феодальной эксплуатации, которой подвергались государственные крестьяне со стороны казенного ведомства, В. И. Ленин называл «государственным феодализмом». Он говорил, что в крепостной России «помещичий и государственный феодализм» определяют основное содержание общественной жизни России в дореформенный период. Помещичий феодализм господствовал на частновладельческих землях, обрабатываемых крепостными крестьянами, а «государственный феодализм» --- на казенных землях, находившихся во владении и пользовании государственных крестьян³⁵¹).

Декабристы же, противопоставив Европейскую Россию Сибири, не поняли и не увидели, что, несмотря на отсутствие «помещичьего» феодализма, в Сибири господствует феодальный способ производства и феодальная эксплуатация, основанная на праве феодальной собственности государства на землю. Они увидели и поняли лишь колониальное положение Сибири, государственный и административный произвол со стороны русского государства, но не феодальную эксплуатацию непосредственного производителя материальных благ. Они оказались не в состоянии понять, что Сибирь является феодально-земледельческой колонией России и поэтому отличается по своему положению от колоний европейских государств и что даже при тех благоприятных условиях, которые имелись в ней, невозможно было сколько-нибудь реорганизовать народное хозяйство на основе науки и техники и поднять производительные силы. Следовательно, достичь подъема материального благосостояния масс, которое составляло главную цель выдвигаемой ими программы, невозможно. Однако программа декабристов, несмотря на утопизм, с ее защитой производителей в сельском хозяйстве и промышленности являлась прогрессивной для того времени. Осуществление ее, если учитывать то, что в Сибири не было помещичьих владений и крепостных, привело бы к более быстрому развитию капиталистических отношений. Изменение системы государственных налогов, продажа казенной земли в частные руки, организация образцовых, фермерского типа, хозяйств и промышленных предприятий, постройка железных дорог и торгового флота и т. д. еще больше обострили бы противоречия между производительными силами и производственными отношениями, усилили классовую борьбу, что ускорило бы гибель старого феодального способа производства. В то же время распространение просвещения и образо-

³⁵¹) В. И. Ленин Соч., т. 13, стр. 301—302.

вания среди народных масс привело бы к известному подъему культурного уровня Сибири, что также имело положительное значение в подготовке условий для победы передового для того времени капиталистического способа производства. Заслуга декабристов состоит в том, что они первые подняли вопрос о Сибири как колонии, и сделали попытку разрешить его с позиций просветительства. При этом, необходимо учитывать, что это была программа-минимум в отношении Сибири, которую декабристы выдвинули в период спада революционного движения в России, и которую они надеялись осуществить в рамках существующего строя. В действительности же передовая и лучшая часть дворянских революционеров понимала, что культурный и экономический подъем Сибири может быть осуществлен только при условии коренных преобразований в самой России, т. е. уничтожения самодержавия

ГЛАВА III

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕКАБРИСТОВ ПО ПОДЪЕМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ СИБИРИ

К выполнению своей исторической миссии — службе «словом и примером» декабристы готовились в течение всей своей казематской жизни. Готовились долго, сознательно и целеустремленно, как некогда они готовились к выступлению против самодержавно-крепостнического строя.

В казематах была организована «академия», где все учились сами и учили других. Здесь преподавались иностранные языки, математика, физика, химия, анатомия, естественные науки, читались курсы по русской истории, словесности, по военной стратегии и тактике.

Первоначально эти занятия носили характер удовлетворения интеллектуальных запросов каждого из декабристов. Однако по мере осознания своего нового назначения в революционном движении изменился их смысл и направление.

Если мы не можем, находясь в каземате, говорил я, — писал Завалишин, — действовать с пользой для общества, то ничто не мешает тому, чтобы готовиться к такому действию, если вновь представится случай к общественной деятельности»³⁵²).

Несмотря на то, что самолюбивый Завалишин, как справедливо отмечал еще Фролов, честь руководства занятиями приписывал себе, показательно само признание как Завалишиным, так и Фроловым целеустремленного характера учебы декабристов в казематский период их жизни³⁵³).

В каземате же началось обучение различным ремеслам. М. Бестужев, вспоминая о жизни в Петровском заводе, пи-

³⁵²) Д. И. Завалишин. Записки декабриста, СПб, 1906 г., стр. 422

³⁵³) Русская Старина, 1882 г., кн. 5, стр. 711

сал: «Под руководством брата мы сделались искусными слесарями и золотых дел мастерами, токарями и литейщиками. Я попеременно переходил от одного мастерства к другому и изучил, под руководством других товарищей, и даже простых заводских мастеров, различные мастерства, как-то: портняжное, сапожное, башмачное, кузнечное, слесарное, токарное, переплетное, картонажное и золотых дел мастерство»³⁵¹).

Примеру братьев Бестужевых последовали и другие декабристы. Фролов, А. Муравьев, Арбузов изучили токарное дело, последний, кроме того, был слесарем и превосходно закалывал сталь, Громницкий изучил столярное дело и т. д.³⁵⁵).

Такой характер учебы и занятий самих декабристов, так резко обозначившийся в Петровском заводе, объясняется не тем, что они уже набили оскомину «от чтения и письма» и не той относительной свободой, которой они добились в упорной борьбе с казематским начальством, а теми новыми задачами, которые им предстояло решить по выходе на поселение.

«Все, чему я научился, мне послужило много впоследствии, — вспоминал М. Бестужев, — когда надо было примером, а не словом учить понятливых, но невежественных сынов природы, каковы буряты»³⁵⁶).

Н. Бестужев свои занятия в мастерской тоже рассматривал как подготовку к своей новой общественно полезной деятельности в Сибири.

«Вышел на поселение и имея запас деятельных сил, желал бы сделаться если не полезным для общества членом, по крайней мере деятельным а не тунеядным

...деятельный человек, с небольшими способами, но имея свободу действий, тотчас становится полезен своему краю»³⁵⁷).

В письме к своему брату Павлу Н. Бестужев говорил, что у них сейчас замараны руки и грязные фартуки. И это погону, что они готовятся стать фермерами и, не желая разорения, хотят научиться делать все сами.

Учиться различным ремеслам декабристов заставляла, конечно, не боязнь разорения, а желание научить других. Умея все делать сами, они могли с успехом учить и других. Больше того, как правильно отмечал еще М. К. Азадовский, они отлично понимали, что пример, показывающий, как всеми этими занятиями «не пренебрегают и князья», должен был положительно влиять на местное население: вселять уваже-

³⁵¹) Воспоминания Бестужевых АН СССР, 1951 г., стр. 158

³⁵⁵) Д. И. Заваляшин Записки декабриста, СПб, 1906 г., стр. 269

³⁵⁶) Воспоминания Бестужевых 1951 г., стр. 281

³⁵⁷) Письма из Сибири декабристов М и Н Бестужевых, Иркут, 1929 г., стр. 37

ние к труду, желание наряду с физическим трудом заниматься умственным образованием. Эту мысль с предельной ясностью раскрыл в своих «Записках» Завалишин. Указывая на то, что все декабристы с сознанием дела хотели овладеть каким-нибудь ремеслом или мастерством, он писал.

«Образованные люди, стремившиеся к преобразованию государства, сознавая, что труд есть исключительное основание благосостояния массы, обязаны были личным примером доказать свое уважение к труду и изучать ремесла не для того только, чтобы иметь себе, как говорится, обеспечение на случай превратности, но еще более для того, чтобы возвысить в глазах народа значение труда и, облагородив его, доказать, что еще одно в другом может находить поддержку и почерпнуть силу. Все эти идеи дошли в каземате до окончательного развития и получили полное применение. Кто не знал до тех пор никакого мастерства, тот учился или у других или самостоятельно по лучшим сочинениям»³⁵⁸).

В казематах же началась теоретическая подготовка к показу, как и в каком направлении должно идти повышение производительности и облегчение тяжелого крестьянского труда, а также подъем производительных сил края.

В этом отношении очень показательны и характерны занятия К. П. Торсона. Еще до восстания 1825 г. К. П. Торсон много занимался разработкой различных проектов преобразования флота. В первый год пребывания в Сибири, в частности, находясь в Читинском каземате, Торсон еще продолжал работать над проектом по преобразованию флота³⁵⁹).

Но уже вскоре, очевидно, под влиянием тех дискуссий, которые велись в казематах о будущей деятельности, Торсон начал заниматься вопросами экономики, земледелием, вообще хозяйства, и писать проекты подъема экономического состояния Отечества.

«Не знаю, — писал А. Беляев, — сохранились-ли где эти рукописи, но они были замечательны по своей строгой отчетливости, новизне взгляда и показывали какими разнообразными сведениями обладал этот человек»³⁶⁰).

В Петровском каземате вокруг Торсона сгруппировались декабристы, заинтересовавшиеся сельским хозяйством. Под его руководством они углубляли свои знания по агрономии. В этом кружке читались и обсуждались сочинения Торсона по вопросам агрономии, разбирались проекты усовершенствования сельскохозяйственных машин и земледельческих орудий.

³⁵⁸) Д. Завалишин. Записки декабриста, 1906 г., стр. 269 - 270.

³⁵⁹) Воспоминания Бестужевых 1951 г., стр. 259.

³⁶⁰) А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом, изд. 1882 г., стр. 311.

В течение нескольких лет Торсон напряженно работал над конструированием молотилки, крупчатки, мельницы и т. д. Цель его работ заключалась в том, чтобы введением простейших сельскохозяйственных машин облегчить тяжелый земледельческий труд крестьянина. Торсон рассчитывал, что дешевые и простейшей конструкции машины легко можно будет построить и в Сибири, подготовив кадры строителей из числа местных жителей и поселян и затем «...стараться ввести их (машины. — Г. Ш.) в употребление в Сибири»³⁶¹⁾

Составив различные чертежи сельскохозяйственных машин, он хотел по выходе на поселение образовать механическое заведение «...для снабжения всего края механическими орудиями для производства работ по всем отраслям сельского хозяйства»³⁶²⁾, — вспоминал Михаил Бестужев.

Следовательно, Торсон уже в каземате стал готовиться к тому, чтобы по выходе на поселение принять непосредственное участие в подъеме сельского хозяйства Сибири.

Характерен и такой факт. В Петровском каземате Пушиным и Мухановым была организована «Малая артель», официальная цель которой заключалась в том, чтобы оказывать помощь в обзаведении хозяйством и всем необходимым выходящим на поселение декабристам. При этом следует подчеркнуть, что артель имела цель не только облегчить материальное положение ссыльного декабриста и спасти его от нищеты, а гораздо более высокую.

Когда встал вопрос об исключении из нее Ипполита Завалишина, который оставался в ней только из «вещественных» выгод, И. И. Пущин писал:

«Я совершенно согласен на безусловное его исключение из Артели, разделяя мнение господина Поджио, что существование Артели имеет цель гораздо возвышеннее, нежели единое прокормление»³⁶³⁾

Пущин, к сожалению, не сказал, в чем же состояла эта возвышенная цель организованной декабристами артели и скрытая от глаз правительства, но надо думать, что она состояла в том, чтобы облегчить декабристу ту просветительную деятельность в Сибири, которую он должен был вести по выходе на поселение.

И население Сибири, хорошо знавшее о петровских узниках, разливающих вокруг себя знания, добро, пользу и справедливость, с нетерпением ожидало окончания их каторжного срока и тепло встречало вышедших на поселение.

³⁶¹⁾ Воспоминания Бестужевых 1951 г., стр. 302

³⁶²⁾ Там же, стр. 259

³⁶³⁾ Исторический музей в Москве, отдел письменных источников ф. 279, д. 883, л. 78 об.

«(От каждого из нас, — вспоминал Завалишин, — ожидали всего хорошего уже потому, что мы приезжали из казематах»³⁶⁴).

Выход на поселение декабристами рассматривался как непосредственная работа по подъему производительных сил и культурного уровня Сибири путем организации образцовых хозяйств, школ, устройства всевозможных опытов с тем, чтобы раскрыть богатства края и направить усилия населения на разумное их использование, что, по мысли декабристов, должно было привести к повышению благосостояния народных масс, созданию условий для просвещения, а в конечном счете, развитию Сибири по пути прогресса в рамках существующего строя.

Деятельность в Сибири рассматривалась ими как ответственное и трудное поприще, достойное того дела, за которое сложили свои головы их товарищи, как непосредственная работа среди населения, как общественно-политическое служение своей Родине и своему народу, как подготовка светлого будущего Сибири и как продолжение борьбы с крепостничеством только иными путями, новыми средствами, выработанными на основании извлечения уроков из поражения восстания в период совместного пребывания в казематах.

Не случайно же И. И. Пущин сразу по выходе на поселение писал Е. П. Оболенскому:

«Ты подробно будешь знать о моем существовании, оно должно быть достойно нашего положения. Это убеждение дает силы необходимые в трудном нашем поприще»³⁶⁵).

И этим трудным поприщем всех декабристов в Сибири было осуществление их сибирской программы деятельности, являвшейся составной частью служения тому делу, которому они себя посвятили.

Исследователи сибирского периода жизни декабристов довольно подробно изучили многообразную деятельность первых дворянских революционеров в Сибири. Оценивая ее в целом как культурно-просветительскую, они, однако, по-разному определяют ее смысл и направленность

Так, Б. Г. Кубалов считал, что «.. в сибирской деятельности декабристов на первое место выступают не политические принципы, а их общекультурные идеалы, во имя которых они принимаются за дело поднятия общей культурности сибирской жизни»³⁶⁶).

³⁶⁴) Д Завалишин, «Записки декабриста», 1906 г., стр. 372

³⁶⁵) ИРЛИ (ПД), ф. 606 (архив Оболенского) ед. хр. № 1

³⁶⁶) Б. Г. Кубалов, Сибирское общество и декабристы. Каторга и ссылка, М., 1925, № 8 (21), стр. 149

М. К. Азадовский, Л. Чуковская, Малютина и многие другие рассматривали ее как продолжение той работы, которая велась ими до 14 декабря³⁶⁷).

Нельзя, конечно, отрицать, что деятельность декабристов в Сибири была в известной степени продолжением их додекабрьской работы. Однако только таким образом трактовать ее будет не совсем полно и верно. Ибо в результате извлечения уроков из поражения восстания просветительство из части общеполитической борьбы, каким оно было накануне 14 декабря, превратилось в главное орудие борьбы с существующим строем.

На принципиально неправильных позициях стоит В. Н. Соколов.

По мнению Соколова, декабристы трудились в Сибири в интересах заработка, а их сельскохозяйственная практика велась в интересах обеспечения своего существования и ради получения прибыли и обогащения. И все новаторство декабристов «.. мало что принесло самим новаторам» и «...оставило лишь слабый след и в местной хозяйственной жизни»³⁶⁸), — пишет Соколов.

Во всей практической деятельности декабристов он видит только одно положительное: попытку по-новому, без применения крепостного труда основать свое хозяйство. Те опыты, которые проводились декабристами в различных отраслях хозяйства в сибирских условиях, Соколов расценивает как стремление новаторов действовать по «ученой агрономии», без учета местных особенностей, в силу чего их «опытная» деятельность носила «несуразный» характер и имела, по его мнению, право на остроумную шутку Вадковского о «снятельных хлебопашцах», которые сеяли деньги, жали долги; молотили время и мололи пустяки. По Соколову, деятельность декабристов в Сибири не только не носила характера политической борьбы с существующими порядками, но вообще лишена была какой-либо целеустремленности.

В то время как архивные материалы (неопубликованные статьи Батенькова о Сибири, Бестужевых, Басаргина, Корниловича, письма из Сибири Лунина и многие другие) убеждают в том, что практическая деятельность декабристов освещалась определенной программой по подъему производительных сил и культурного уровня Сибири, являвшейся продолжением их борьбы с самодержавно-крепостническим строем.

³⁶⁷) Л. Чуковская, *Декабристы исследователи Сибири* См. сб. ст. *Декабристы в Сибири* Новосибирск, 1952 г., стр. 53, 54.

³⁶⁸) В. Н. Соколов, *Декабристы в Сибири*, Новосибирск, 1946, стр. 116.

Исходя из своих общих взглядов на Сибирь и программы ее развития, декабристы ставили целью показать населению Сибири и русскому правительству, что же может дать этот богатый край при разумной и рациональной разработке его богатств и в каком направлении нужно их использовать, какие отрасли народного хозяйства развивать, чтобы поднять производительные силы края, от которых зависит улучшение материального положения трудящихся масс Сибири. Что нужно сделать, чтобы Сибирь могла сравниться и стать такой же развитой в экономическом и политическом отношении страной, как Соединенные Штаты Америки.

Осуществлять свою программу декабристы начали фактически еще до выхода на поселение. Уже в Петровском заводе, когда управляющим его был гуманный настроенный инженер А. И. Арсеньев, декабристы приняли самое активнейшее участие в его деятельности. «...и ничего он не предпринимал, не посоветовавшись с нами, а особенно с братом»³⁶⁹), — вспоминал М. Бестужев.

Из воспоминаний народовольца И. И. Попова известно, что декабристы внесли улучшение в литье чугуна и производство изделий³⁷⁰), а Арбузову удалось получить новый закал стали.

По выходе на поселение декабристы не переставали интересоваться вопросами улучшения производства Петровского завода и его реорганизации. Во время управления заводом О. А. Дейхманом, человека либерально настроенного, декабристы своими советами несомненно помогли ему ввести пудлинговый способ производства и продолжить преобразования на заводе. С 1847 по 1864 г. на заводе выстроено было две доменные, калильная и сварочная печи; собраны на месте заводскими средствами воздуходувная и паровая машины; выстроены кирпичные корпуса и т. д. Все эти преобразования позволили уже в 50-х годах построить машину для парохода «Аргунь», отправляющегося в плавание по Амуру, и значительно увеличить количество выпускаемой продукции³⁷¹).

Если с 20-х до 30-х годов XIX в. на заводе выплавлялось от 18,5 до 20 тыс. пудов чугуна, то за 1854 г. было уже выплавлено 66 тыс. пудов чугуна³⁷²).

Н. Бестужев, вложивший немало труда в успехи завода, в 1854 г. писал Пушкину: «Петровский завод оживает, теперь

³⁶⁹) Воспоминания Бестужевых, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 170.

³⁷⁰) И. И. Попов *Минувшее и пережитое* Колос, 1924 г., стр. 34

³⁷¹) *Горный журнал*, 1891 г., т. II, стр. 429.

³⁷²) Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению при Сибирском комитете Гагемейстером, 1854 г., ч. II, стр. 421.

думаю, окончено устройство пудлингового производства, которое должно улучшить железо»³⁷³).

Несомненно, своими достижениями и значительными, по тому времени, хотя и некоренными преобразованиями Петровский завод был обязан декабристам. Завалишин вспоминал, что их пребывание в Петровском заводе заставляло обращать на него постоянное внимание и этому обязан он был тем, что все механические заведения были заново отстроены «... и приноровлены к улучшенному производству»³⁷⁴).

Декабристы стремились также изменить положение и в горной промышленности Сибири. Д. Завалишиным была составлена статья «О причинах упадка Нерчинских заводов, и о способах восстановления их». В 1849 г. Муханов просил Завалишина выслать ему в Иркутск эту статью с тем, чтобы передать Н. Н. Муравьеву и попытаться через него изменить состояние горной промышленности, направить ее развитие не на ущерб, а на пользу краю и его населению³⁷⁵).

Однако, несмотря на все усилия декабристов, направленные на изменение положения горной промышленности и Петровского завода и их очень важное указание на возможность получения высококачественного чугуна и железа, производство которого могло бы привести, по крайней мере, к уменьшению ввоза шведского железа, не дали желаемых результатов. Царское правительство сознательно насаждало экономическую и культурную отсталость своих окраин с тем, чтобы легче было их эксплуатировать.

В казематский же период жизни декабристами были организованы первые опытные участки, где теория прилагалась к практике. Им удавалось, несмотря на короткое лето, выращивать всевозможные овощи: цветную капусту, спаржу, дыни, арбузы, артишоки и т. д., которые не были в употреблении среди местного населения или имели очень ограниченное распространение. Причем в эту деятельность активно включились жены декабристов. Анненкова вспоминала: «Между тем, когда мы туда приехали, никто из жителей не думал пользоваться всеми этими дарами природы, никто не сеял, не сажал и не имел даже малейшего понятия о каких-то бы ни было овощах. Это заставило меня заняться огородом, который я развела около своего домика. Потом и другие занялись огородами»³⁷⁶).

После долгой и упорной борьбы с казематским начальством декабристам удалось уже в Петровском заводе устроить

³⁷³) Н. Бестужев. Статьи и письма, 1933 г., стр. 271.

³⁷⁴) Д. Завалишин. Записки декабриста, 1906 г., стр. 319.

³⁷⁵) Русская старина. 1881 г., стр. 389.

³⁷⁶) Воспоминания Полины Анненковой М., 1932 г., стр. 151 - 152.

первую свою школу, в которой обучались ремеслам и грамоте дети ссыльных, заводских служителей и чиновников³⁷⁷⁾

Под руководством высококвалифицированных учителей ученики делали очень быстрые успехи. «Громкая слава нашего учения, — писал М. Бестужев, — прокатилась из конца в конец, и нам стало жутко от просьб и молений за сыновей, братьев и пр.»³⁷⁸⁾.

По свидетельству Завалишина в школе обучалось до 90 человек³⁷⁹⁾. И вся эта огромная «армия» почти полностью содержалась за счет декабристов. Декабристы и по окончании их школы не выпускали из поля зрения своих учеников. Более обеспеченных и способных посылали в Петербург, где они с успехом поступали в Горный Корпус, Технологический институт, в высшие специальные заведения, другие же в Нерчинское горное училище, где из-за близости к каземату и по дешевизне продуктов легче было их содержать. Учителя несказанно радовались тому, что их ученики, поступая в местные и столичные учебные заведения, занимали первые места. Это была не просто радость учителя, получившего самое дорогое вознаграждение за свой труд, — это была победа декабристов над предрассудками и предубеждениями столичных чинуш и правительства против интеллектуальных способностей коренного населения Сибири.

Уже в казематский период жизни декабристы показали и доказали, что Сибирь может иметь свой высококачественный чугун и железо, свои дыни, арбузы и сады. Кроме этих материальных богатств она может иметь неоценимые богатства — образованных и высококвалифицированных специалистов, людей грамотных и просвещенных.

По выходе на поселение деятельность декабристов приобретает более многосторонний характер. Те из них, которые еще в каземате предметом своей будущей деятельности избрали сельское хозяйство, с выходом на поселение приступили к организации образцовых хозяйств, устройству всевозможных опытов с тем «...чтобы раскрыть, — вспоминал Завалишин, — что край в состоянии производить, если приложить к нему рациональную систему исследований и действий»³⁸⁰⁾.

И декабристы Бестужевы, Торсон, Завалишин, Беляевы, Розен, Н. Муравьев, С. Трубецкой, Волконский и др., устроив образцовые хозяйства в самых различных уголках Сибири, действительно сделали их опытными участками не только для населения того края, где они жили, но и для всей Сибири.

Уже в первый год своей деятельности на поселении им

³⁷⁷⁾ Воспоминания Бестужевых, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 161

³⁷⁸⁾ Н. Бестужев. Статьи и письма, 1933 г., стр. 277.

³⁷⁹⁾ Д. Завалишин. Записки декабриста, 1906 г., стр. 272

³⁸⁰⁾ Там же, стр. 365

удалось, в частности Завалишину, выяснить, «.. что истекает из неизменных условий местности, и что есть следствием только незнания или рутины, следовательно, может подлежать изменению»³⁸¹).

Так Завалишин пришел к выводу, что для повышения качества сена необходимо косить траву не после прокофьева дня (8 июля, как это практиковалось), а после петрова дня, когда трава была сочная и не успела еще покрыться ржавчиной

Для повышения урожайности зерновых культур и качества хлеба декабристы Розен, Бестужевы, Завалишин, Беляевы и другие на своей практике убедились, что несмотря на плодородие сибирских земель, некоторые из них необходимо удобрять, применяя искусственное орошение, а для борьбы с сорняками практиковать двойное пашни. И они пришли к выводу, что господствующей системой сибирского хозяйства должно стать многопольное и плодопеременное хозяйство

Одновременно с совершенствованием хлебопашества декабристы (Завалишин, Бестужевы, Нарышкин и др.) занимались выведением более продуктивной породы молочных коров, лошадей и тонкорунных овец.

Декабристы (Бестужевы, Торсон, Якушкин, Беляевы) положили начало распространению в глухих уголках Сибири технических знаний, обучению ремеслам и применению сельскохозяйственных машин, более усовершенствованных орудий труда.

Так, братья Бестужевы, живя в Селенгинске, открыли мастерскую, в которой обучались разным ремеслам до 30 человек³⁸²). В учебную мастерскую Бестужевых поступали дети бедных родителей г. Селенгинска, а также буряты из далеких степных улусов. Причем учителям приходилось не только обучать, но и кормить, обувать своих учеников и даже платить родителям за то, что их дети получали первоначальную грамотность и знание какого-либо мастерства³⁸³).

Деятельность братьев Бестужевых уже в то время получила высокую и справедливую оценку. П. И. Першин-Караксарский писал: «И важнее всего то, что распространение ремесел в Забайкалье, в особенности в степях между бурятами, всецело принадлежит Н. А. Бестужеву. Старожилы-буряты хранят о нем до сих пор благодарную память»³⁸⁴).

³⁸¹) Восточное обозрение 1882 г., № 9, стр. 11

³⁸²) Довольно подробно эта сторона деятельности братьев Бестужевых описана М. Ю. Барановской в ее книге «Декабрист Николай Бестужев», М., 1954 г.

³⁸³) См. «Воспоминания Бестужевых», изд. АН СССР, 1951 г., стр. 183

³⁸⁴) П. И. Першин-Караксарский. Воспоминания о декабристах, Исторический Вестник 1908 г., кн. XI, стр. 543

Такой же целеустремленный характер имела на поселении деятельность К. П. Торсона. Еще находясь в Петровском каземате, Торсон поставил целью деятельности на поселении основать механическую мастерскую, «быть полезным краю введением машин». На собственные средства и по собственным чертежам он соорудил молотилку, рассчитывая на то, что, «увидевши с какой легкостью и чистотою она вымолачивает зерно, ...мелкие земледельцы сами пожелают избавить себя от труда работать»³⁸⁵).

При этом Торсон ставил целью подготовить кадры строителей молотильной машины «Мое желание, — писал он, — было сделать машину на пользу живущих в нашем селении, и при этом лучшим моим мастерским показать и рассказать все так, чтоб в другом месте сами без меня могли сделать подобную»³⁸⁶).

Однако основать механическую мастерскую, в которой изготовлялись бы машины для снабжения сельского хозяйства края, ему не удалось.

Против машин Торсона и различных нововведений, связанных с их применением, непреодолимой преградой стал феодальный способ производства и его последствие — вопиющая экономическая и культурная отсталость края, преодолеть которую бессильны были самые передовые новшества и устранить которую могла только революция.

Несмотря на неудачу, деятельность Торсона на поселении не была бесплодной. Построив молотилку и продемонстрировав, как она быстро, легко, без потерь вымолачивает зерно и в то же время облегчает крестьянский труд, Торсон тем самым ознакомил население Забайкалья с улучшенными сельскохозяйственными машинами, показал путь, по которому должно идти облегчение тяжелого крестьянского труда и доказал, что машина должна стать «основанием» сельского хозяйства Сибири

И другие декабристы, как Беляевы, Муравьевы во время строительства сельскохозяйственных машин для своего хозяйства познакомили население Сибири с законами физики, элементарными техническими знаниями, прививали профессиональные навыки, показывали путь, по которому должен идти подъем сельского хозяйства этой богатой окраины России

Правда, устраивая свои образцовые хозяйства, со значительной долей предпринимательства и доходных операций, эти декабристы увлеклись духом капиталистического накоп-

³⁸⁵) Декабристы в Бурятии, 1927, стр. 38

³⁸⁶) Там же, стр. 35.

ления, что, конечно, не могло не повлиять на дальнейшую эволюцию их взглядов вправо

Якушкин при встрече с Беляевым, когда они проезжали на место своего поселения на Кавказ, куда были зачислены рядовыми, сразу же отметил, что они, «...оставляя Сибирь, как будто несколько сблизись с толку»³⁸⁷⁾

Тот же дух капиталистического накопления захватил и Н. Муравьева и оказал известное влияние на то, что он, как правильно указывает Н. М. Дружинин, «...окончательно эволюционировал к спокойному и мирному буржуазному либерализму»³⁸⁸⁾

Важно отметить, что тем декабристам, которые выходили на поселение раньше других из каземата, оказывалась всяческая помощь в организации образцового хозяйства и по существу направлялась их деятельность на поселении. Они получали из каземата через «Малую Артель» материальную помощь, семена с казематского опытного участка, и должны были продолжить опыты сельскохозяйственной «Академии» под сибирскими широтами.

В 1837 г. А. В. Поджио писал Фролову в Шушу из Петровского завода: «Верите ли Вы, что с трудностью допускаешь всю истину, так еще мы сильно и неосновательно преубеждены перед всего возможного под широтой сибирской. Я уверен, что можно бы сделать не одну удачную попытку в разведении многого неизвестного у вас; кукуруза и арнаутка, конечно бы при девственной вашей почве могли бы быть с успехом разводимы»³⁸⁹⁾.

Конечно, Поджио хорошо понимал, что разбить эти преубеждения «перед всего возможного под широтой сибирской» нужно было не только для декабристов, но прежде всего для местного населения, ограничивавшегося разведением незначительного количества культур и ссылавшегося на невозможность большего из-за сурового климата.

Трудно сказать, выполнил ли совет Поджио Фролов и удалось ли ему вырастить кукурузу, но известно, что Юшневскому, поселенному в Восточной Сибири, в гораздо более суровом климате, чем в Минусинском крае, этот опыт удался. Воспитанник его Белоголовый вспоминал «Я помню, с каким торжеством он потом угощал за обедом своих гостей разваренной кукурузой. Гости ели этот неизвестный до того в Си-

³⁸⁷⁾ Декабристы Новые материалы, М., 1955 г., стр. 310

³⁸⁸⁾ Н. М. Дружинин, Декабрист Н. Муравьев, М., 1933 г., стр. 274.

³⁸⁹⁾ Декабристы в Забайкалье, под ред. А. В. Харчевникова, 1925 г., стр. 26

бири продукт, а хозяин был очень доволен своей победой над суровым климатом»³⁹⁰)

Своими удачными опытами в области агрономии и сельскохозяйственной практики, открытиями новых промыслов декабристы не только делились друг с другом, но прежде всего несли их в крестьянскую массу и привлекали крестьянство края к работе по подъему не только их личного хозяйства, но и производительных сил края.

Так, Завалишин в первый же год поселения в Чите выписал большое количество семян и раздал их для опытов крестьянам. Бечастный, получивший на своем участке богатый урожай конопли, привил ее посевы в окрестностях Иркутска и научил крестьян более эффективному способу получения из нее масла³⁹¹). Декабристы Волконский, Якубович, Повало-Швейковский, Шаховский, Спиридов, Розен и другие, выращивая на своих полях картофель и снабжая семенами крестьянство Сибири, способствовали разведению на крестьянских полях этой важнейшей для питания населения Сибири подсобной культуры³⁹²). Более того, как правильно указывал еще Кубалов, многие из них рука об руку с крестьянами обрабатывали землю, поднимали новь, занимались вместе с ними промыслами³⁹³).

Вильгельм Кюхельбекер в пае с уринским крестьянином сеял и убирал поля. В письме к племяннице 1 июня 1839 г. он писал: «Сеял я из половины, т. е. семена мои, труды моего товарища крестьянина Уринского селения, а жатва пополам. Сеяли мы пшеницу, ...и вдруг перед начатием посева мой товарищ стал креститься на восход солнца, я и брат его и сестра также, он стал кланяться в землю, мы за ним. Признаюсь, давно никакая молитва не производила на меня такого впечатления: мне казалось, что ожило время патриархов, время Авраама, когда под открытым небом приносили жертву всемогущему»³⁹⁴).

Уринский крестьянин не просто помощник Кюхельбекера или его наемный работник, это товарищ, с которым декабрист вместе борется с суровой природой Сибири.

Вадковский вместе с оекскими крестьянами Лукой Толстяковым и Иваном Гончаровым поставлял известь на по-

³⁹⁰) Н. А. Белоголовый Воспоминания и другие статьи. 1898 г., стр. 17

³⁹¹) Сибирь и декабристы Ирк 1925 г., стр. 25, 92

³⁹²) А. Н. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. стр. 297

³⁹³) Б. Б. Кубалов Сибирское крестьянство и декабристы, см. Ка-торга и ссылка, 1926 г., № 8 (21), стр. 157.

³⁹⁴) Декабристы и их время, АН СССР, 1951 г., стр. 74—75.

стройку Иркутской семинарии, а затем получил от крестьян доверенность на поставку и закупку хлеба.

В процессе труда шло и сближение декабристов с населением края. Это сближение происходило сознательно и целеустремленно. Волконский, ставивший различные сельскохозяйственные опыты и стремившийся вместе с уриковскими декабристами, по рассказам местных жителей, «улучшить у них хлебопашество», любил свободное время проводить в беседах с крестьянами. Ученик Поджио и Юшневского Белоголовый, часто бывавший у Волконских, вспоминал. «С товарищами своими он хотя и был дружен, но в их кругу бывал редко, а больше водил дружбу с крестьянами; летом пропадал по целым дням в поле, а зимой — любимым его времяпрепровождением в городе было посещение базаров, где он встречал много приятелей среди подгородных крестьян и любил с ними потолковать по душе о их нуждах и ходе хозяйства.

Знавшие его горожане не мало шокировались, когда проходя в воскресенье от обедни по базару, видели, как князь, примостившись на облучке мужицкой телеги с наваленными хлебными мешками, ведет живой разговор с обступившими его мужиками, завтракая тут же вместе с ними крапхотой серой пшеничной булки³⁹⁵).

Подобное поведение Волконского не было чудачеством с его стороны и необъяснимым опрощением сиятельного князя, как думал Белоголовый, а след за ним и автор книги «Декабристы в Сибири» В. Н. Соколов.

Оно вытекало из просветительной программы декабристов и осуществлялось всеми участниками движения, одними в большей, другими в меньшей степени.

Горбачевский, видя частое общение братьев Бестужевых с кяхтинским купечеством, предостерегал их от ошибки, в которую они легко могли впасть, принимая купцов, чиновников за представителей народа.

«Как мне тоже жаль, что вы с братом Николаем приковали себя к этой скале Селенгинской. Разве вы жили и живете между народом? — Все нет. Несколько купцов, казаков и офицеров, и чиновников — это не народ. Много через это вы все, все и все потеряли»³⁹⁶).

Здесь не только упрек братьям Бестужевым, но фактически требование еще больше сблизиться с народом: жить и общаться с ним.

Царское правительство, вначале стремившееся направить деятельность декабристов на занятия сельским хозяйством,

³⁹⁵) Н. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи, изд. 1898, стр. 36.

³⁹⁶) И. И. Горбачевский Записки и письма, 1925 г., стр. 359.

увидело, что их сельскохозяйственная практика на поселении выходит за рамки, установленные правительством. Оно видело, что с одной стороны росли значение и авторитет декабристов, а следовательно, и влияние на дела края. С другой, — в процессе трудовой деятельности шло сближение декабристов с крестьянством Сибири и росло влияние их на население края. Проводимая политика в отношении декабристов не давала царю желаемых результатов. Николай I начинает принимать меры по ограничению сельскохозяйственной практики декабристов на поселении. Если в 1838 г он разрешил братьям Беляевым арендовать в большом количестве оброчные статьи, а Волконскому поднять 55 десятин пустопорожней земли, то в 1844 г. согласно новым Правилам, выработанным Комитетом Министров, относительно декабристов о порядке отлучек; наделения их землею, о промыслах и пособиях декабристам разрешалось, кроме отведенных 15 десятин, по постановлению 1835 г., расчищать пустопорожней земли в размере только 15 десятин. В отношении промыслов также приказывалось не допускать декабристов «...к таким предприятиям и оборотам, кои могут дать значение, превышающее положение обыкновенного крестьянина, или требуют продолжительных отлучек»³⁹⁷).

Эти новые правила декабристы расценили как «новую карательную меру», и они протестовали против них. Муханов, критикуя новое положение, применение которого вредно скажется на развитии края, писал: «Занятие, которое одно было им подручным в селениях, есть — хлебопашество. Многие, имея хорошие основательные агротехнические сведения, занимались земледелием с усердием, с успехом и даже с пользою для края. Они распахали пустопорожние земли, покрытые вековыми лесами, вводили новые способы обрабатывания, роды хлебов, картофелей и прочие — но и эту отрасль промышленности должны совершенно оставить, когда в 1844 г. неожиданно объявлено было им воспрещение отлучаться из места их водворения»³⁹⁸).

Но несмотря на введение правительством все новых и новых стеснений и ограничений, декабристы не прекращали своей деятельности и влияние их на сибирское общество и дела края с каждым годом увеличивалось и росло прямо пропорционально мероприятиям Николая. Его план — изолировать «государственных преступников» от трудящихся масс и замуровать их в сибирских пустынях — никогда не мог в полной мере осуществиться.

³⁹⁷) Государственный областной архив г. Иркутска, ф. 24, оп. 3, ед. хр. 109, л. 1.

³⁹⁸) ЦГИАМ, ф. 1707 (Муханова) еж. хр. 4, л. 1, об

Просветительская деятельность декабристов на поселении

В целях недопущения сближения государственных преступников с трудящимися массами Сибири и ограждения их от революционизирующего влияния декабристов царское правительство, разрешая, хотя и в ограниченных размерах, занятия сельским хозяйством, в то же время категорически запрещало трудиться на поприще сибирского образования.

Однако, несмотря на самые строжайшие запреты, стеснения, ограничения, декабристы, наряду с сельскохозяйственной практикой, даже в гораздо большей степени чем ею, занимались распространением образования, просвещения и воспитания народа, особенно молодого поколения.

Оказавшись в Сибири, где как ни в какой другой части России, по мнению декабристов, губительно на развитии края сказывалось отсутствие просвещения, людей образованных и грамотных, декабристы поставили целью своей деятельности — всеми имеющимися у них мерами и средствами указать пути, по которым должен идти подъем Сибири, тем самым подготовить ее «лучшее будущее» — превращение в образованную, свободную и равноправную спутницу освобожденной от крепостничества России.

Особенно полезной на этом поприще была деятельность И. Д. Якушкина, детально и глубоко исследованная советским историком Н. М. Дружининым в его работе «И. Д. Якушкин и его ланкастерские школы»³⁹⁹).

Еще в каземате, избрав своим будущим занятием на поселении обучение детей и просвещение населения, И. Д. Якушкин стал усиленно готовиться к своему новому поприщу. Пользуясь хорошо составленной казематской библиотекой, он пополнял свои знания по различным отраслям науки, занимался математикой, естественными науками, составлял учебник географии по особому плану и по новой изобретенной им методике⁴⁰⁰). Первые годы по выходе на поселение эта работа была продолжена

В тех неблагоприятных условиях, в которых находилась Сибирь, Якушкин хотел дать пример возможного подъема культурного уровня народных масс.

«В Ялуторовске, без всяких средств, он вздумал завести школу для бедного класса мальчиков и девиц, — вспоминал Басаргин, — и одною своею настойчивостью, своей деятель-

³⁹⁹) Ученые записки Московского городского педагогического институт, т. II, вып. I, М., 1941 г.

⁴⁰⁰) Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ, 1820 х гг., 1933 г., т. II, стр 265

ностью и, можно сказать, сверхъестественными усилиями достиг цели»⁴⁰¹).

С помощью декабристов Фонвизина, Пушина, Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, Оболенского, Ентальцевой и других, в большей степени на их средства и при материальной поддержке местного купца Медведева, под покровом священника Знаменского, под предлогом исполнения приказа Синода в целях «укрепления веры» поощрять устройство при церквях школ, Якушкину удалось в 1842 году открыть первую школу для народа в Западной Сибири.

Очень характерно, что в школе Якушкина кроме общеобразовательных предметов преподавалась механика, на изучение которой отводилось сравнительно большое количество времени — 101 урок. Большое внимание уделялось изучению края: ученики должны были самостоятельно вычертить карту Западной Сибири. С целью изучения флоры и фауны устраивались частые экскурсии в поле под непосредственным руководством самого Якушкина.

Внимание к вопросам изучения Сибири и элементарной механики свидетельствуют о том, что Якушкин отлично понимал нужды края и в какой-то степени стремился если не подготовить нужных для Сибири людей, то во всяком случае показать пример, чему необходимо обучать сибиряков.

Кроме того, элементарные знания механики и законов физики должны были облегчить крестьянским детям овладение тем или иным ремеслом, облегчить крестьянский труд.

В 1846 году Якушкину удалось осуществить другую свою мечту — открыть школу для девочек и тем самым положить начало общественному женскому образованию.

Обучение в школах Якушкина не преследовало целей революционной пропаганды.

Исследователь деятельности Якушкина Н. М. Дружинин указывает, что не следует и пытаться найти ее следы⁴⁰²).

Однако это не значит, что деятельность Якушкина не имела политического характера и политической направленности.

Цель обучения Якушкиным детей из народа заключалась в том, чтобы помочь им «осмыслить себя», развернуть в них способность мышления, что в свою очередь должно привести к сравнениям, сопоставлениям и, говоря словами Н. Бестужева, «к пониманию о правах каждого и общих политических правилах, на которых благосостояние государства основано», к пониманию несправедливости существующих порядков и к борьбе с ними.

⁴⁰¹) И. Д. Якушкин Записки, статьи, письма, 1951 г., стр. 484 (приложение).

⁴⁰²) Ученые записки Московского пединститута, 1941 г., вып. I, т. II, стр. 93

Хотя Якушкин и другие декабристы об этом прямо не говорили, но безусловно их интересовала прежде всего возможность подчинить обучение и воспитание молодежи задачам и потребностям русского освободительного движения, подготовить молодое поколение к тому, чтобы оно смогло довести их дело до победного конца. Не имея возможности, в силу цензурных условий, прямо высказать свои мысли, Якушкин делал это, касаясь воспитания своих детей.

Беспокоясь за направление в их воспитании, он неоднократно говорил, что воспитатели его сыновей никогда не поймут «предназначения детей» и еще менее сумеют их «к нему приготовить». Чтобы дать детям правильное направление, по мнению Якушкина, нужно прежде всего полюбить их счастье.

«Если бы я мог себе представить, что есть на этом свете существо, которое бы могло (я не скажу полюбить их, как я их люблю, может, много людей любят их несравненно более, нежели я их люблю), но которое бы могло полюбить их счастье, как я его люблю, в таком случае я был бы не только покоен на их счет...»⁴⁰³), — писал он из Сибири.

Якушкин, человек глубоко убежденный в правоте дела декабристов и оставшийся до последних дней своей жизни верным идеалам молодости, говорил не о личном мещанском счастье для своих детей. Он мечтал о счастье детей всего русского народа, которое может придти только с уничтожением крепостного права и самодержавия. И. Якушкин в своей практической деятельности, безусловно, стремился дать это направление детям и приготовить их к выполнению выпавшего на их долю предназначения.

За 14 лет существования мужского училища (с 1842—1856) в него было принято 594 мальчика⁴⁰⁴) и окончили курс 531 человек.

В женское же училище за 1846—1856 гг. принято 240 девочек, окончили курс 192.

Таким образом, за время деятельности И. Д. Якушкина получили первоначальное образование 723 человека, причем отдельные из них при помощи товарищей Якушкина — декабристов, были определены в средние учебные заведения — Тобольскую и Иркутскую гимназии и др., и часто содержались на средства декабристов.

⁴⁰³) И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма, изд. 1951 г., стр. 253

⁴⁰⁴) И. М. Дружинин. И. Д. Якушкин и его ланкастерские школы. См. Ученые записки Московского городского педагогического института, 1941 г., т. II, вып. 1, стр. 86. Примечание по данным Максимова в школе, основанной Якушкиным, перебивало 1600 учеников («Сибирь и каторга», СПб, 1900, стр. 434)

Главный смысл существования своих школ Якушкин видел в том, что они на практике доказали возможность осуществления программы культурного подъема Сибири. Ялуторовская школа была выстроена на пожертвования; содержание учителей обходилось очень дешево, так как обучение велось по ланкастерской системе, где учителей требовалось небольшое количество. Для родителей такой метод обучения также являлся удобным, ибо дети не отрывались от семьи и могли помочь ей в осенних и летних полевых работах; уроки на дом не задавались, что также ограждало их от различных расходов на учебники и другие школьные принадлежности, необходимые в других учебных заведениях и при другом методе обучения.

«Убедившись на опыте в возможности преподавать какой бы то ни было предмет по способу взаимного обучения нельзя не допустить, — писал Якушкин, — что он заключает в себе одно из самых мощных средств для образования народа»⁴⁰⁵).

И он стал пропагандировать оправдавшую себя систему образования. В «Записке о применении метода взаимного обучения в уездных училищах» Якушкин предлагал ввести метод взаимного обучения в уездных училищах, что позволило бы, по его словам, сократить расходы на их содержание, и открыть новые школы и училища в тех многих городах Сибири, где их не было.

Самоотверженно трудясь в своих училищах, Якушкин стремился сделать их образцовыми, на примере которых учились бы не только люди, работающие на поприще сибирского образования, но и все те, кто захотел бы последовать его примеру своим бескорыстным трудом принести пользу народу и целому сибирскому краю.

Но уездные и городские чинуши, учителя и смотрители, враждебно настроенные к декабристам, не могли оценить и понять благородной деятельности Якушкина и посылали донос за доносом на «государственного преступника», осмелившегося заниматься преподаванием и подрывавшего их авторитет успешной подготовкой учеников.

Несколько раз нависала угроза уничтожения Ялуторовских училищ Якушкина.

И только благодаря усилиям декабристов Свистунова, Семенова, служивших в Тобольске, и особенно М. А. Фонвизина, который, пользуясь своими связями с губернатором Горчаковым, умел вовремя не дать «ход доносу до Петербурга и Синода», Якушкину удалось не только сберечь свое детище от разгрома царским правительством и его сибирскими

⁴⁰⁵) ЦГИАМ, ф. 279 (архив Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 24. л. 54.

сатрапами, но и до последних дней своего пребывания в Сибири остаться на этом благородном поприще.

Более того, «Пример его (Якушкина. Г III), — как говорил Басаргин, — подействовал и на высшие местные власти. В Тобольске и Омске начальство завело подобные женские учебные заведения, которые по значительности своих средств получили и большее развитие»⁴⁰⁶).

К этому свидетельству Басаргина нужно добавить, что большую роль в организации Марининской женской школы в Тобольске сыграл декабрист П. Н. Свистунов, ставший затем главным наблюдателем за ходом обучения и расходами этого учебного заведения, а в организации Омской школы — благонамеренно настроенный священник Знаменский, находившийся в дружеских отношениях с Иваном Дмитриевичем Якушкиным.

Эти немногие последователи деятельности Якушкина встречали с его стороны всяческую поддержку, совет, поощрение и самое живейшее участие и сочувствие.

Однако полностью осуществить свою мечту Якушкину не удалось. Сибирь не покрылась школами для народа. В условиях господства крепостничества ни один, хотя бы и полезный образцовый пример не мог найти себе всеобщего подражания и поддержки, о чем мечтал Якушкин, устраивая свои школы.

Широкую деятельность по образованию народных масс Сибири по выходе на поселение развернули Бестужевы, Горбачевский, Д. И. Завалишин, Юшневский, братья Борисовы, Поджио, Торсон, Кюхельбекер, Беляевы, Матвей Муравьев-Апостол, Батеньков, сосланный в Томск после двадцатилетнего заключения в Петропавловской крепости, и первый декабрист В. Ф. Раевский.

«Я учил всякого, — вспоминал один из этой фаланги просветителей Завалишин, — независимо от его звания и положения всему, что он только мог изучать по способностям и охоте. Платы я не назначал никакой, и разумеется, не только учил даром большую часть, но и давал еще сам им учебные пособия.

... я учил мальчиков и девочек, малых и взрослых, и крестьянских детей, и детей чиновников»⁴⁰⁷).

К работе по обучению населения, особенно женской половины сибирской деревни, втянуты были и жены декабристов.

Так, Юшневская, живя в Разводной, часто выезжала в Кяхту, где обучала людей грамоте, рукоделию и пользова-

⁴⁰⁶) П. Д. Якушкин «Записки, статьи, письма», изд. 1951 г., стр. 485.

⁴⁰⁷) Д. И. Завалишин «Записки декабристов», 1906 г., стр. 363, 364.

лась большой популярностью и любовью как в Кяхтинском обществе, так и среди крестьян с. Разводной⁴⁰⁸).

М. Н. Волконская, поселившаяся в 40-х годах в Иркутске, также имела своих учениц. Как свидетельствует в своих «Воспоминаниях сибирского казака» Черепанов, у Волконской училась его сестра, а затем дочь Разгильдьева⁴⁰⁹).

Но в большей степени жены декабристов занимались обучением рукоделию и шитью.

К выполнению этой скромной, но благородной деятельности они приступили еще в Чите и Петровском заводе.

Завалишин писал: «Женская половина под руководством дам и при множестве получаемых образцов также усовершенствовалась в рукоделии — в последнее время было много искусных швей и знавших отлично всякого рода вышивание и вязание»⁴¹⁰).

По выходе на поселение эта деятельность не прекратилась, напротив, их примеру последовали сестры декабристов, приехавшие к своим родным на поселение. С приездом в Селигинск сестер Бестужевых, здесь было организовано регулярное обучение девочек и их матерей шитью и рукоделию⁴¹¹).

Широко известно, что кроме обучения сибирячек рукоделию, жены и сестры декабристов оказывали наряду со своими мужьями и братьями постоянную медицинскую помощь населению Сибири⁴¹²). Подавляющее большинство жен декабристов, как Фонвизина, Анненкова, Трубецкая, Юшневская, Нарышкина, Ентальцева, сестры Бестужевы, Торсон и другие, с полной справедливостью могли бы присоединиться к словам М. Н. Волконской: «Что до меня, то я привыкла к

⁴⁰⁸) Б. Кубалов Декабристы в Восточной Сибири, 1925 г., стр. 192.

⁴⁰⁹) Древняя и новая Россия, изд. 1876 г., стр. 380.

⁴¹⁰) И. Д. Завалишин Записки декабриста, 1906 г., стр. 273.

⁴¹¹) М. Ю. Барановская. Декабрист Н. Бестужев, 1954 г., стр. 181.

⁴¹²) В первой половине XIX века в Сибири на 40 тысяч жителей приходилось по одному врачу, что ни в коей степени не могло удовлетворить запросов населения. И несмотря на то, что большинство декабристов не имели специального медицинского образования, но будучи людьми широко образованными и располагая врачебными справочниками, редкими лекарствами, выписанными из столицы или приготовленными самими из лекарственных трав, выращенных в своих огородах, они считали своим долгом оказывать населению постоянную медицинскую помощь. Лечение населения занимались А. Муравьев-Апостол — в Бухтарминске, Завалишин — в Чите, Бобрищев-Пушкин, Фонвизин, Свицкинов — в Тобольске, Ентальцев, Якушкин, Пушкин — в Ялуторовске и т. д. Особенно плодотворной на этом поприще была деятельность врача Вольфа — глубоко и детально изученная Петряевым и другими.

Самоотверженная и часто опасная для жизни, особенно во время эпидемий заразных болезней, медицинская деятельность декабристов высоко оценивалась местным населением, вызвала глубочайшее уважение к сосланным «государственным преступникам» и создавала почву для еще большего сближения декабристов с народными массами Сибири.

своему положению, веду деятельную и трудовую жизнь»⁴¹³).

Таким образом, те декабристы, которые еще в каземате избрали будущим своим занятием обучение населения грамоте, с выходом на поселение занялись просветительством, превратив его в условиях ссылки в главное орудие борьбы против крепостничества и самодержавия.

При этом можно видеть, что просветительство является главным и почти единственным занятием у тех декабристов, которые и после поражения восстания остались верными своим революционным идеалам (Якушкин, Пущин, Бестужевы, Горбачевский, Завалишин и другие).

Умеренно же настроенные декабристы сосредоточили в основном свои силы на хозяйственной деятельности (Беляевы, Розен, Муравьевы, Басаргин, Фаленберг, Фохт, Трубецкой и другие).

Однако и те, кто поставил целью своей деятельности на поселении просветительство народных масс, в силу необходимости — обеспечения своего существования — должны были заняться сельскохозяйственной практикой. Но она в их деятельности служила определенным целям — подъему производительных сил края и не являлась средством обогащения, как это было у Муравьева и в значительной степени у Беляевых. Беляевы же, занявшись хозяйством и предпринимательством, увлеклись их выгодами. Обучением населения занимались в силу того, что как люди образованные, они не могли пройти мимо вопиющей нужды края, к тому же и само население просило их заняться обучением детей.

Нельзя также не заметить, что просветительство у таких декабристов, как М. И. Муравьева-Апостола, Шаховского и других, сосланных сразу на поселение, является продолжением той деятельности, которую они вели на этом поприще до 14 декабря.

Бескорыстно трудясь на поприще образования народных масс Сибири, декабристы стремились в то же время положительно повлиять на людей, занимавшихся обучением и воспитанием юношества. И несмотря на то, что правительство принимало различные меры по изолированию их от местного общества, тем более от воспитания и обучения юношества, декабристы считали своим долгом бывать в учебных заведениях и своими осторожно высказанными мнениями, советами повлиять на дело улучшения образования в Сибири.

Кроме того, декабристы стремились выявить талантливых и способных сибиряков, оказывали им своевременную помощь, давали верное направление, подсказывали передовую

⁴¹³) Русские Прописки, М., 1915 г., т. 1, стр. 51-55

идею и включали в общественную деятельность по культурному подъему Сибири.

Постоянной поддержкой и советом декабристов пользовался известный автор народной сказки «Конек Горбунок» П. П. Ершов, живший в Тобольске, где находились на поселении Фонвизины.

Признательный за внимание к своему творчеству Ершов писал Фонвизину в октябре 1848 года: «Участие Ваше в моих занятиях превосходит мое ожидание... Внимание лиц, подобных Вам и Вашей супруге не может не пробудить деятельности, как бы оно ни (слово не разобрано. — Г. Ш.) в течение 14 лет»⁴¹⁾.

Первые рассказы С. Черепанова о сибирской жизни, стихи учителя Троице-Савского училища А. М. Крюкова также проходили «цензуру» декабристов (Н. Бестужева и М. Лунина) и благодаря их помощи молодым авторам получили право на существование.

Декабристы, включившие в программу своей деятельности знакомство русского общества с богатствами Сибири, сближаясь с передовыми людьми, стремились направить их силы, знания и способности на изучение и пропаганду богатств края. Так, начальник чугуноплавильного Петровского завода О. А. Дейхман, преклонявшийся перед Н. Бестужевым за его «высокие личные качества, благородный и стойкий характер и всеобъемлющий ум», под его руководством и брата Михаила занялся изучением Сибири.

Учитель Ялуторовского уездного училища Голодников, подружившийся с декабристами Ялуторовской колонии и пополнявший у них свои знания, под руководством М. И. Муравьева-Апостола в 1845 г. составил историко-статистическое описание Ялуторовского округа. При этом примером как нужно выполнять работу подобного рода явилась статья Штейнгеля «Историческое описание Ишимского Округа», напечатанная в журнале «Министерства Внутренних Дел».

Несомненно декабристы способствовали складыванию прочных исторических, археологических и этнографических интересов к Сибири у своего воспитанника М. С. Знаменского, который в 70—80-х годах XIX века сделал много для популяризации исторических сведений об этом богатом и заброшенном крае и собирался писать подробную историю гор. Тобольска.

Наряду с этим декабристы и сами пытались печатать свои статьи и очерки о Сибири. Еще в Петровском заводе, возмущенные грубыми ошибками, допущенными в научных

⁴¹⁾ Рукописный отдел библиотеки им. Ленина. ф. Фонвизина, ед. хр. 1/88

статьях и журналах о Сибири в силу незнания ее, они решили вести список всех искажений и промахов с целью написать статью, исправляющую ошибки. Как справедливо указывает Чуковская, Штейнгелю уже по выходе на поселение удалось выполнить общее намерение декабристов⁴¹⁵).

Перечислив многочисленные ошибки в описаниях Сибири, он заключал «Довольно Приведенные нами места достаточно свидетельствуют, что собственные наши сведения об Отечестве нашем еще неположительны, и что мы тоже сообщаем многое нередко торопливо, на — «авось, с рук сойдет!»⁴¹⁶)

Как бы продолжая мысль Штейнгеля, Н. Бестужев в 1843 г. писал, что в России, хотя и начинают узнавать Сибирь, но не имеют о ней правильного представления⁴¹⁷)

Чтобы изменить представления о Сибири, декабристы Басаргин, Якушкин, Пущин, пользуясь расположением к последнему редактора «Земледельческой газеты» Энгельгардта и его стремлением облегчить их пребывание в ссылке, стали работать над сибирскими темами, рассчитывая поместить свои статьи.

Однако правительство не разрешило печатать статьи декабристов даже статистического и этнографического характера. Только очень немногим из них (Штейнгелю и Н. Бестужеву) удалось опубликовать ряд безобидных очерков и то под чужим именем или без подписи⁴¹⁸).

Наиболее плодотворной на этом поприще была деятельность писателей-декабристов, в частности А. Бестужева-Марлинского

Обратившись к изучению Сибири, он в своих произведениях дал не только реалистические зарисовки сибирского быта и природы, но, как правильно указывают исследователи Базанов, Сафронов, набросал целую программу ее возможного преобразования: развития судостроения, путей сообщения, торговли, использования полезных ископаемых и т. д.⁴¹⁹).

При этом своими рассказами о Сибири Бестужев-Марлинский опровергал неверные и тенденциозные взгляды на Сибирь и ее население, господствовавшие в русском образованном обществе и распространяемые чужестранными про-

⁴¹⁵) Декабристы в Сибири, 1952 г., стр. 79.

⁴¹⁶) Государственный Областной архив гор. Иркутска, ф. 24, ед. хр. 305, л. 30 об.

⁴¹⁷) Н. Бестужев Статьи и письма, 1933 г., стр. 261

⁴¹⁸) Статьи Батенькова, М. Кюхельбекера и других не были напечатаны

⁴¹⁹) В. Базанов Очерки декабристской литературы, М., 1953 г., стр. 366, Сафронов Декабристы в Якутской ссылке, Якутск, 1955 г., стр. 45

фессорами, как о стране мрака, населенной дикими и отста-
тыми народами, пригодной только для жизни преступников.

Наряду с борьбой за светлое будущее Сибири путем рас-
пространения просвещения, образования, изучения ее и зна-
комства с нею, передовых людей, декабристы считали своим
долгом вести всеми имеющимися у них средствами борьбу с
основным злом сибирской действительности, — если можно
так сказать, «сатрапской» формой управления и всеми выте-
кающими отсюда последствиями: системой обирательства
населения путем взяток, откупов, лихоимства, спаива-
ния и т. д.

В этом отношении своей полезной деятельностью особен-
но выделились декабристы В. Штейнгель, Пущин, Завалишин
и находившиеся на службе в Сибири: Бригген, Свистунов,
Семенов, Басаргин и другие.

Еще в Петровском каземате Штейнгель написал очерк
«Сибирские сатрапы», в котором дал ядовитую критику
управления в конце XVIII и начале XIX веков. Pamфлет
Штейнгеля в действительности направлен был против совре-
менной ему системы управления Сибирью.

В другом своем произведении «Записки несчастного, со-
держащие путешествие в Сибирь по канату» Штейнгель пока-
зал те ужасные условия и пытки, которым подвергались
«несчастные», отправляемые в Сибирь⁴²⁰).

По выходе на поселение в гор. Тобольск Штейнгель не
прекратил своей борьбы с «сатрапской» формой управления.

Испугавшись популярности ссыльного декабриста, гене-
рал-губернатор Западной Сибири Горчаков добился перевода
Штейнгеля в уездный город Тару.

Однако Штейнгелю удалось вновь перебраться в То-
больск. По совету Пущина он решил поступить в губернский
суд, где он мог быть полезен населению края.

«Не знаю какое от этого будет влияние на ход, — писал
он Пущину в 1854 году, — но чувствую, что само дело сопря-
жено с многими неудобствами при желании сохранить инкогни-
то»⁴²¹).

Такую же борьбу в роли заседателя Курганского окруж-
ного суда проводил А. Ф. Бригген.

Описывая злоупотребления местных властей и взяточни-
чество, вскрывшееся в деле об убийстве крестьянина Власо-
ва, Бригген говорил: «...где кроме Западной Сибири можно
видеть, что Главное Начальство вместо того, чтобы открыть
преступление и защитить невинного всеми силами упорство-
вало, чтобы преступление не было открыто и мало этого, еще

⁴²⁰) Русская старина, т. XXXII, декабрь, 1881 г.

⁴²¹) Декабристы. Летописи, 1938 г., кн. 3, стр. 382.

нападает с особенным озлоблением (вероятно хорошо заплачено) на целое присутственное место»⁴²²).

Губернатор Западной Сибири Горчаков считал, что Бригген делает «..вредные обывателям внушения к ослаблению власти окружного начальства»⁴²³), и добился его перевода из Кургана в Туринск⁴²⁴).

Известно, что за интересы угнетенных боролись П. Н. Сви-стуннов, Семенов, деятельность которых И. И. Пущин считал «чрезвычайно полезной» в борьбе со злоупотреблениями и в защите населения от произвола местных властей.

Также полезной, по мнению декабристов, была деятельность самого Пущина.

Почти в каждом письме к своим петербургским знакомым, брату Николаю он просил за какую-нибудь вдову, мужика, напрасно пострадавших, или о чем-нибудь общепользном.

Вопиющие злоупотребления местных чиновников и властей, усугублявшие и без того нелегкое положение населения Сибири, подсказывали Якушкину необходимость для школьного пользования, по словам М. С. Знаменского, «...собрать все статьи закона, касающиеся до крестьянского быта, написать все его обязанности и сколько с крестьянина идет подати и куда идет»⁴²⁵). Эту работу решили поручить Пущину, бывшему юристу. Это мероприятие, видимо, не было осуществлено, но характерна и показательна сама идея составления популярного сборника законов для народа с целью ограждения его от произвола чиновников.

В Чите на защиту интересов населения выступил Д. И. Завалишин.

Деятельность Завалишина не ограничивалась узкими рамками заступничества за местное население от произвола властей и раскрытия злоупотреблений мелких чиновников. В отличие от других декабристов он перешел к широкой критике «сатрапской» формы управления Сибирью.

Широко известна критика Завалишиным генерал-губернаторства Муравьева Н. Н. и особенно его мероприятий по присоединению Амура.

Завалишин не был против присоединения Амура, но он считал, что к такому важному мероприятию нужно основательно подготовиться и совершить не только юридическое присоединение этого края, но принять меры к его заселению. Муравьев же, гонясь за славой, проводил принудительное

⁴²²) ЦГИАМ, ф. III отделения, I эксп., ед. хр. 61, ч. 103, л. 158 об.

⁴²³) Там же, л. 174.

⁴²⁴) Там же.

⁴²⁵) С Турбин и Старожил Страна изгнания и исчезнувшие люди, 1872 г., СПб., стр. 312.

заселение и обрекал поселенцев на гибель от голода и заразных болезней. А между тем, в общей печати дела Муравьева восхвалялись и положение на Амуре изображалось в самых радужных красках⁴²⁶).

Выступив с рядом критических статей «Амурское дело», Завалишин разоблачал не только Муравьева как личность, а «общее зло», как говорил сам автор. «Нет, цель моя, которую я всегда открыто и определенно высказывал, это борьба против того всеобщего зла, которое творят Муравьевы, делает возможным их дела и губит Россию»⁴²⁷).

Завалишин причину безобразий в амурском вопросе и в целом в управлении Сибирью видел в безответственности лиц, которым поручается исполнение важных дел, в нарушении законов теми, кто должен быть блюстителем их, а в конечном счете, в отсутствии просвещенности, образованности.

Наряду с этим Завалишин видел и отыскивал другие, более глубокие причины плохого состояния дел на Амуре и во всей Сибири.

В одной из статей об «Амурском деле» он писал: «Будьте уверены, что когда какое-либо явление доходит до степени общности, то причины его заключаются уже не в одних только людях. Везде, где массы подвергаются незаконным требованиям со стороны казны, они вымещают это на частных лицах»⁴²⁸).

Характерно, что эту мысль Завалишина Добролюбов особо выделил в своей рецензии на книгу Маака «Путешествие на Амур»⁴²⁹).

Следовательно, в понимании вопроса о причинах беспорядков в «Амурском деле» Д. И. Завалишин поднимался до уровня Н. А. Добролюбова, который в своей рецензии, опираясь почти исключительно на факты, приводимые Завалишиным в разоблачение мнимых успехов на Амуре, писал:

«Мы очень хорошо понимаем, что где тот или другой недостаток восходит на степень общего явления, там нужно искать причин его уже не в свойствах того или другого лица, а гораздо глубже — в самом общественном строе...»⁴³⁰).

Однако нельзя не согласиться с М. К. Азадовским, что Завалишин в отличие от Добролюбова «центр тяжести» в своей

⁴²⁶ М. К. Азадовский. Путевые письма М. А. Бестужева. Публикация. См. Забайкалье, литературно-художественный альманах, Чита, 1952 г., № 5, стр. 212.

⁴²⁷ Д. Завалишин. Записки декабриста, стр. 443.

⁴²⁸ Морской сборник, 1859 г., № 7, стр. 48—50 (подчеркнуто Завалишиным)

⁴²⁹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, изд. 1937 г. т. IV, стр. 402—418

⁴³⁰ Там же, стр. 418

критике переносил на действия местной власти и ошибки отдельных лиц Добролюбов же включал «Амурский вопрос» в сферу общих вопросов, видя в нем типичный результат всей государственной системы в целом⁴³¹).

Критические статьи Завалишина, разоблачая действия местной власти и ставленников царизма, подрывали престиж царского правительства в Сибири.

Поэтому деятельность Завалишина в Сибири стала опасной и вредной не только для сатрапов Сибири, но и для царизма.

И, пожалуй, впервые в истории царской ссылки правительство приняло решение выслать из Сибири амнистированного государственного преступника.

Против желания Завалишин был выслан в 1863 г. из Сибири в Казань.

Следовательно, декабристы наряду с просветительством немалое место в своей практической деятельности отводили борьбе с административным произволом, несправедливым судом, грабежом местного населения различного рода чиновниками и купцами. И эту деятельность декабристов нельзя сбрасывать со счета и умалывать, как это делает В. Н. Соколов в своей книге «Декабристы в Сибири».

Общеизвестно, что административный произвол в Сибири являлся не менее тяжелым бременем для населения Сибири, чем помещичий произвол для крестьянства Европейской России. И борьба против него так же, как и против крепостного права, имела большой политический смысл. Вскрывая злоупотребления суда, произвол местных властей от мелких чиновников до генерал-губернаторов, декабристы тем самым уже показывали местному населению и передовым людям России несостоятельность и гнилость системы управления Сибирью, неспособность русского самодержавия обеспечить благоденствие и безопасность населения столь богатой окраины России. Даже в тех случаях, когда борьба декабристов на этом поприще ограничивалась простым заступничеством за интересы трудящихся, не переходя к широкой критике всей системы управления Сибирью и Россией, как это имело место в деятельности Бриггена, Семенова и даже И. И. Пущина, то и она не проходила бесследно. Она воспитывала массы в духе недоверия к местным властям, а в конечном счете, к царскому правительству и в целом подрывала систему крепостничества и самодержавия в России и Сибири.

⁴³¹) М. К. Азадовский. Путевые письма М. А. Бестужева. Публикация. См. Забайкалье, литературно художественный альманах, Чита, 1952 г., № 5, стр. 214.

Публицистическая деятельность М. С. Лунина

Особое место в общественно-политической деятельности декабристов в Сибири занимает публицистическая деятельность М. С. Лунина, привлекающая к себе внимание многих исследователей (Б. Кубалов, С. Штрайх и др.)⁴³²).

Теоретические посылки и цели практической деятельности Лунина в Сибири и других революционно настроенных декабристов, как Бестужевых, Якушкина, были одни и те же.

Если Н. Бестужев говорил, что «каждый шаг просвещения в монархии есть шаг к свободе» и что всякая высказанная мысль, даже не вызвавшая сочувствия, «не проливается без исхода», а возбуждает новое понятие, новую идею, то Лунич те же мысли высказывал в более категорической форме.

«Политические идеи в постепенном развитии своем имеют три вида. Сперва являются как отвлечение и гнездятся в некоторых головах и книгах; потом становятся народною мыслью, и переливаются в разговорах; наконец, делаются народным чувством, требуют непременно удовлетворения и, встречая сопротивление, разрешаются революциями. В России идея гражданской свободы — отвлечение: идея национальной независимости, неразделенности, распространения чувства»⁴³³).

Таким образом, ошибочно определив место идей и революций в процессе общественного развития, Лунич пришел к выводу, что идея национальной независимости стала уже «народным чувством», т. е. приобрела такую огромную силу, что никаким врагам не удастся русский народ превратить в своих рабов.

Между тем как идея гражданской свободы внутри страны пока гнездится в головах небольшой группы людей и не стала до сих пор народным чувством. Лунич был глубоко убежден в том, что идея гражданской свободы станет народным чувством, и, став последним, одержит победу.

Убедившись в правоте идеалов Тайного общества, Лунич считал своим священным долгом способствовать распространению «идеи гражданской свободы», высказанной декабристами, сделать ее народной мыслью, т. е. чтобы она овладела массами, а не оставалась бы достоянием кучки людей, заключенных в оковы и остроги.

Но если, по мысли Бестужевых, Якушкина, Батенькова, Горбачевского и других, прежде чем сделать, говоря слова-

⁴³²) Кубалов Б. Декабрист М. С. Лунич в Сибири, в кн. Декабристы в Восточной Сибири, 1925 г.; Декабрист М. С. Лунич. Сочинения и письма, изд. 1923 г. с предисловием и под ред. С. Я. Штрайха, Гессен и Коган, Декабрист Лунич и его время, Л., 1926 г.

⁴³³) Декабрист М. С. Лунич. Сочинения и письма, СПб., 1923 г., стр. 23.

ми Лунина, идею гражданской свободы «народным чувством», необходимо к восприятию ее подготовить народные массы: поднять их уровень, научить грамоте, помочь им осмыслить себя и только тогда они сознательно примут идеи и сами смогут осмыслить их.

Лунин же, не отрицая необходимости просвещения народных масс, считал возможным продолжение борьбы против самодержавия с открытым забралом, т. е. открытую пропаганду идей гражданской свободы.

«В ссылке, — писал он, — как скоро переменялись обстоятельства, я опять начал действия наступательные»⁴³⁴).

Свою деятельность Лунин объяснял тем, что в условиях самодержавия не существовало «рациональной оппозиции», «ареопаг молчал», отсутствовала свобода печати, все работало перед тронem, вокруг правительства распространялось «облако фимиама». В силу этого общество не знало мыслей и идей передовых людей, направленных на пользу Отечества. Передовые же люди, думающие о благе Отечества, не должны, не могут молчать.

И Лунин поставил своей целью распространение освободительных идей декабристов, с тем, чтобы встряхнуть и направить умы человечества на разрешение насущных задач исторического развития России.

«Последнее желание мое в пустынях сибирских, — писал он, — чтобы мысли мои по мере истины в них заключающейся, распространялись и развивались в умах соотечественников»⁴³⁵).

Начиная с 1836 г., он стал отправлять на имя сестры Е. С. Уваровой «Письма из Сибири». Основная мысль Лунинских писем-памфлетов состояла в том, чтобы показать и убедить соотечественников, что существующий строй устарел, тормозит прогрессивное развитие страны, губит Отечество и требует неотлагательных преобразований. «Стариковщина вообще ни к чему не годится, — писал он, — поручи армию, она завяжет ее, поручи дворец — сожжет, поручи ссылку — изгадит»⁴³⁶).

Все отрасли общественной жизни России: судопроизводство, армия, просвещение, проповедывающие «самодержавие, православие, народность», финансовая и внешняя политика, крепостное право — подверглись Луниным уничтожающей критике.

Но Лунин не только клеймил язвы самодержавного строя России, но и набрасывал программу ее преобразований. При

⁴³⁴) Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма. СПб, 1923, стр. 29.

⁴³⁵) Там же.

⁴³⁶) Там же, стр. 32.

этом он руководствовался идеалами тайного общества и доказывал, что только реализацией программы декабристов можно вывести Россию из того тупика, в который ее ввергло самодержавие.

В статье «Взгляд на русское тайное общество с 1816—1826 г.» Лунин писал. «Тайное общество было глашатаем выгод народных, требуя, чтобы существующие законы, неизвестные даже в судилищах, где вершились по оным приговоры, были собраны, возобновлены на основаниях здравого рассудка и обнародованы, чтобы гласность заменяла обычную тайну в делах государственных, которая затрудняет движение их и укрывает от правительства и общественников злоупотребление властей; чтобы суд и расправа производилась без проволочки, изустно, всенародно и без издержки; управление подчинялось бы не своенравию лиц, а правилам неизменным»⁴³⁷).

Это была не только защита дел тайного общества, но и пропаганда его идей.

В другой статье, «Разбор донесения, представленного Российскому императору тайной комиссией в 1825 г.», составленной, как известно, еще в Петровском каземате с участием всех декабристов, кроме оправдания вооруженного выступления и пропаганды идей декабризма, Лунин предъявил обвинительный акт самодержавному монарху и его орудию — следственной комиссии.

Он вскрыл ее причины, которые влияли на действия комиссии и на инквизиторские приемы расследования, применяемые ею с целью опорочить участников движения и их идеи.

Комиссия сознательно, по словам Лунина, искажала идеи участников движения с тем «...чтобы поколебать в общем мнении людей, коих влияние за тюремными затворами казалось опасным»⁴³⁸).

Но как бы ни извращалось дело декабристов, они, по мнению Лунина, сделали свое дело: «Основания потрясены, здание должно рушиться»⁴³⁹).

И несмотря на все меры правительства, их идеи распространяются и в конечном итоге приведут к гибели одряхлевших порядков в России. Заканчивая разбор «Донесения» Лунин писал: «Неусупный надзор, правительства над их сподвижниками в пустынях Сибири свидетельствует о их политической важности, о симпатиях народа, которыми они

⁴³⁷) Декабрист М С Лунин Сочинения и письма, СПб., 1923 г., стр. 62.

⁴³⁸) Декабрист М С Лунин Сочинения и письма, СПб., 1923 г., стр. 69

⁴³⁹) Там же, стр. 75

постоянно пользуются и о том, что конституционные понятия, оглашенные ими под угрозой смертной, усиливаются и распространяются в недрах нашей обширной державы»⁴¹⁰).

В другой своей статье «Розыск исторический» Лунин ссылкой на исторические факты опровергал писания историков относительно любви народа к государям и добровольном подданстве его самодержавцам

Считая сказкой писание летописца о добровольном подданстве славян варягам, Луниц указывал, что одна из этих сказок нужна была потомкам Рюрика для того, чтобы придать законность своему владычеству.

«Однако ж, сказку о добровольном подданстве многие поддерживают и в наше время, для выгоды правительства, которое всегда ищет опоры во мнении народном»⁴¹¹).

Таким образом, Лунин своим «Розыском историческим» стремился вырвать историческую почву из-под ног самодержавия, разрушить ту официальную теорию, которая освещала и упрочивала устои самодержавной власти в России.

Он доказывал, что самодержавие никогда не пользовалось поддержкой и любовью народной, что именно оно являлось злом для русского народа. Особенно губительно, по мнению Лунина, оно сказалось в период татаро-монгольского ига, когда потомки рюриковичей думали только о своих уделах и собственном спасении, а не о народе.

«Потомки Рюрика не умели заслужить и потому никогда не пользовались привязанностью подданных. Владычество князей ознаменовано беспорядками и бедствиями, за которые ответственность не может падать прямо на них. Корнем зла было самодержавие»⁴¹²).

Оно же, по мнению Лунина, привело к истощению сил народных, постепенному угасанию «духа народного» и подавлению всех способностей народа, кроме повиновения.

Следовательно, опираясь на примеры истории, Лунин доказывал несостоятельность самодержавия и пагубность его для духовного и экономического развития народа, отсюда и необходимость его уничтожения.

Статьи и письма Лунина с огромным интересом читались сибирскими чиновниками, переписывались в нескольких экземплярах и передавались из рук в руки.

Они читались, как указывают Б. Кубалов и другие исследователи, почти всеми декабристами, поселенными как в Восточной, так и в Западной Сибири, а некоторые из них, как

⁴¹⁰) Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма, СПб., 1923 г., стр. 76

⁴¹¹) Там же, стр. 78

⁴¹²) Там же, стр. 80

Громницкий, принимали прямое участие в их распространении.

С ними знакомы были в Иркутске, в Забайкалье, на границе с Китаем и Монголией — в Кяхте, Троицко-Савске. Их тайно читали учителя гимназии, духовенство, доктора, представители нарождающейся сибирской интеллигенции⁴⁴³).

Авторитет Лунина рос, он становился опасным для правительства. И это отлично понимал сам Лунин.

В своем тридцатом письме к сестре он говорил:

«Гласность, какую пользуются мои письма, через многочисленные списки обращает их в политическое орудие, которым я должен пользоваться на защиту свободы. Ваша лестная память обо мне будет служить для меня могучей опорой в этой опасной борьбе»⁴⁴⁴).

Правительством решено заставить замолчать политического изгнанника В 1839 году оно лишило его на годичный срок права переписки с сестрою. Но по истечении установленного срока Лунин возобновил свои наступательные действия. В 1841 г. в руки правительства попала тетрадь с его сочинениями, Лунин был схвачен и брошен в Акатуевскую крепость, из которой, как правило, никто не возвращался 3 декабря 1845 г. погиб там и Лунин.

Исследователь жизни и деятельности М. С. Лунина Б. Кубалов, оценивая деятельность этого декабриста в Сибири, справедливо писал, что Лунин, как и другие вожди декабризма, считал свою многолетнюю деятельность в Сибири лишь подготовительной, пропагандистской. «Он верной рукой бросал семена, которые обещали дать мощные ростки. Он звал общество сплотиться, быть готовым к борьбе, звал в тот момент, когда жизнь страны замерла под гнетом железной руки»⁴⁴⁵).

Лунин же писал: «Проходя сквозь толпу, я сказал, что нужно было знать моим соотечественникам. Оставляя письма мои законным наследникам мысли, как пророк оставил свой плащ ученику, заменившему его на берегах Иордана»⁴⁴⁶).

Так сам Лунин оценивал свою деятельность в Сибири. Он был глубоко убежден в ее полезности для грядущего поколения, от которого ждал осуществления идей, выдвинутых Тайным обществом

Многообразная просветительская деятельность декабристов в Сибири приводила к сближению дворянских революционеров с народными массами края, в основном с крестьян-

⁴⁴³) Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири, 1925 г., стр. 139.

⁴⁴⁴) Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма, СПб, 1923 г., стр. 6.

⁴⁴⁵) Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири, 1925 г., стр. 155.

⁴⁴⁶) Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма, СПб, 1923 г., стр. 55.

ством. Это сближение диктовалось не только стремлением помочь ему улучшить его положение, поднять культурный уровень, но и желанием распознать, убедиться и собственными глазами увидеть, что же не достает народу, чтобы он мог стать сознательным участником движения, что нужно сделать, чтобы обратить эту стихийную силу в разумное русло борьбы с крепостнически-самодержавным строем России, наконец, в каком направлении и каким путем можно и нужно готовить народ к выполнению его исторической роли.

Благородные стремления и дела декабристов не могло не оценить население Сибири и не ответить на них чувством искренней признательности, благодарности и привязанности.

Имеется немало свидетельств, рисующих самую глубокую привязанность населения к ссыльным декабристам. Особенно ярко проявлялись эти симпатии в моменты новых для них испытаний и репрессий со стороны правительства

Так, во время ареста Лунина и отправления его в Акатуевскую тюрьму «Вся деревня, — рассказывает в своих воспоминаниях Л. Д. Львов, — сбежалась его провожать, толпа была на дворе, все прощались, плакали, бежали за телегою, в которой сидел Лунин, и кричали ему вслед: «Да помилуй тебя бог, Михаил Сергеевич. Бог даст вернешься! Будем оберегать твой дом, за тебя молиться будем! А один крестьянин — старик даже ему в телегу бросил каравай с кашею»⁴⁴⁷⁾

Народоволец Попов, попавший в Сибирь уже после отъезда декабристов из нее, говорил: «Проезжая по деревням и станциям Забайкалья, встречая стариков, крестьян, казаков и бурят, я мог убедиться как глубоко были корни, пущенные декабристами в Забайкалье и как велики были симпатии к ним со стороны населения, называвшего их не по фамилии, а по именам — Николай Александрович (Бестужев), Иван Иванович (Горбачевский) и так далее. Все забайкалье было полно реликвиями, оставшимися после декабристов»⁴⁴⁸⁾.

И это были плоды бескорыстной многотрудной просветительской деятельности декабристов на благо народных масс Сибири и в целом края.

Безусловно, по мере сближения с различными слоями населения, в том числе и с простым народом, декабристы не ограничивались одним обучением грамоте и оказанием ему материальной помощи.

Сделав шаг в сторону агитационной пропаганды еще до поражения восстания своими песнями («Ах тошно мне», «У Фонтанки-реки квартируют полки»), распространением

⁴⁴⁷⁾ Русский архив, 1885 г., стр. 365, кн. 2.

⁴⁴⁸⁾ И. Попов. Минувшее и пережитое, изд. Колос, 1924 г., стр. 31.

свободолюбивых стихотворений Пушкина, революционно настроенные декабристы и в сибирский период не могли полностью отказаться от этой формы борьбы с самодержавием.

Соприкасаясь с простым народом, с интеллигенцией Сибири, они в беседах и разговорах знакомили их с передовыми идеями века. Поскольку носителями передовых идей в то время были они — декабристы, то рассказы о своем деле, о планах и желаниях являлись самым сильным и действенным средством революционной пропаганды. И даже сам факт их существования и пребывания в Сибири являлся, говоря словами А. И. Герцена, «живым поучением», оказывая революционизирующее влияние на передовых людей Сибири.

При этом не безынтересно отметить, что декабристы стремились к тому, чтобы объяснить и дать правильное толкование причин и целей их восстания на Сенатской площади.

Так, по дороге из Читы в Петровский завод, столкнувшись впервые с бурятами, они объясняют цели своего выступления на Сенатской площади:

«Мы хотели, чтобы всякий бурят был равный с ханом и генерал-губернатором перед законом»⁴⁴⁹).

Совершенно не случайно написано было Ф. Ф. Вадковским в Петровском заводе стихотворение «Желание», в котором в очень простой, доступной для понимания народа форме, изложена полностью программа декабристского движения:

«Вот за что хотели мы нашу кровь пролить,
Чтобы кровию той волюшку себе купить,
Чтобы на Руси цепь народа разорвать,
Чтобы солдатушкам в службе век не вековать;
Чтоб везде и всем одинаковый был суд
И чтоб никто больше не слышал про кнут,
Чтобы судили вслух, а не тайно, не тишком
И чтобы каждому воздавалось по делу,
Чтобы всякий мог смело мыслить и писать,
Правдушку-матушку на весь мир провозглашать,
Чтобы твой народ сам собою управлял,
Чтобы через избранных он законы поставлял,
Чтоб всяк берег те законы пуще глаз,

Помня про себя, глас народа — божий глас!»⁴⁵⁰)

и т. д.

Безусловно, «Желания» написаны с целью распространения их в народе, в противном случае написание их в такой доступной форме не имело смысла.

Трудно сказать, была или нет попытка их распространения среди трудящихся масс Сибири.

⁴⁴⁹) Из записок Лорера Русское богатство, 1904 г., кн. 7, стр. 35

⁴⁵⁰) Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, 1951 г., т. 3, стр. 111.

Даже если и не было, то уже сам факт написания этого стихотворения и ему подобных (песня М. Бестужева «Что не ветер шумит во сыром бору») очень показательны⁴⁵¹⁾.

И все-таки декабристы, очевидно, не решились перейти к широкой революционной пропаганде среди народных масс, считая их еще не подготовленными для восприятия революционных идей, между тем как революционная пропаганда имела место среди интеллигенции и образованных людей Сибири.

Так, вокруг И. И. Горбачевского образовался кружок интеллигенции Петровского завода, в котором переводились сочинения Жан Жака Руссо, Вольтера, Шиллера, читалась «заморская» литература с «того берега», которая — по воспоминаниям участника этого кружка Першина — проникала в эти трущобы не без труда и риска⁴⁵²⁾.

Лучшим комментатором заграничных изданий Герцена, «Колокола» и «Полярной звезды», был И. И. Горбачевский. Но пропаганда Горбачевским передовых идей русской освободительной мысли декабристов и Герцена, конечно, не вела и не могла привести в тех условиях к революционным действиям. Очень слабая сибирская интеллигенция, оторванная от народа и от общерусского освободительного движения, не способна была к сколько-нибудь серьезному протесту против крепостнического строя. Поэтому пропаганда «последнего из могикан» не имела плодов, достойных его труда. Однако она, по словам того же Першина, способствовала развитию духа свободы, гуманности, гражданского долга и тому, кто общался с Горбачевским и «кто читал Герцена, тот уже не решался гнуть в бараний рог своего раба»⁴⁵³⁾.

Нельзя не согласиться с М. П. Хамагановым, что и Бестужевы в условиях ссылки в Бурят-Монголии продолжали свою революционную пропаганду, что Н. Бестужев с этой целью обращался к устной бурят-монгольской литературе, в частности к песням и сказкам, и через аллегорические образы собак, змей, лисиц рассказывал свою затаенную мечту — расправиться со змеями, т. е. с врагом трудящихся масс⁴⁵⁴⁾.

В очерке «Гусиное озеро» он поместил 4 бурятских песни и 3 бурятских сказки, в которых рисуется безотрадное положение бурят-монголов, обреченных на нищету, на унижение и оскорбление со стороны богатых. Собрание и публикация

⁴⁵¹⁾ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, 1951, стр. 117.

⁴⁵²⁾ Першин и Караксарский. Воспоминания о декабристах, Исторический вестник, 1908 г., кн. XI, стр. 555.

⁴⁵³⁾ Там же.

⁴⁵⁴⁾ См. Бурят-монгольская советская литература, Иркутск, 1951 г., стр. 11.

народной поэзии проводилась декабристами в пропагандистских целях и ставила задачу демократизации русской литературы, ориентируя ее на отражение интересов народных масс Сибири и России.

Однако и эта программа, на наш взгляд, не была рассчитана на трудящиеся массы Забайкалья. Н. Бестужев, подобно Горбачевскому, если и распространял освободительные идеи, то среди интеллигенции и даже среди образованного купечества Кяхты.

В кружке Бестужевых также получались издания «Вольной русской типографии», «говорилось о возможности конституции для России», обсуждались вопросы, волновавшие передовых людей России и Запада.

«В то время, — вспоминал Першин, — злободневной темой был Гарибальди и его успехи на Аппенинском полуострове в борьбе по объединению Италии. Все симпатии, разумеется, были на стороне героя. Также в горячей беседе чередовались имена Мадзини, Кошута, Герцена и других поборников свободы и национальной независимости»⁴⁵⁵).

И здесь душой и комментатором был декабрист, к решающему голосу которого прислушивались все. «Беседующие замыкали Михаила Александровича в тесный кружок и вели оживленную беседу о современной политике, прислушиваясь к его решающему голосу»⁴⁵⁶).

В Западной Сибири «прекрасное направление» герценовской деятельности высоко ценил И. Д. Якушкин и разумеется знакомил с ним тех, кто пользовался его доверием.

«Полярная звезда, — писал Якушкин к Герцену, — читается даже в Сибири, и ее читают с великим чувством»⁴⁵⁷).

Высоко оценивая свободолобивую музу Пушкина и политическую направленность стихов декабриста Рылеева. В. Кюхельбекера, Якушкин, в целях политической пропаганды, посылал Герцену для напечатания в «Полярной звезде» стихотворения «Гражданин», В. Кюхельбекера «Тень Рылеева», послание Пушкина «Во глубине сибирских руд» и другие⁴⁵⁸).

В герценовской типографии печатались «Записки декабристов», «Воспоминания о Рылееве» Н. Бестужева, статьи Якушкина «14 декабря», «Белая церковь» Вадковского и др.

Таким образом, через «вольную русскую типографию» декабристы включились в пропаганду передовых освободительных идей не только в России, но и в Сибири.

⁴⁵⁵) Першин-Караксарский, Воспоминания о декабристах, Исторический Вестник, 1908 г., кн. 11, стр. 539.

⁴⁵⁶) Там же, стр. 539.

⁴⁵⁷) Якушкин, Записки, статьи, письма, 1951 г., стр. 177.

⁴⁵⁸) Там же.

Однако и эта пропаганда не была рассчитана на народные массы. Декабристы, получая заграничные герценовские издания, не шли с ними в народ, а ограничивались комментированием их в узком кругу передовой интеллигенции Сибири.

Идейно сочувствуя народной революции и понимая, что без народной силы невозможна победоносная борьба с крепостным строем и самодержавной властью, в практической же деятельности декабристы считали народные массы еще не подготовленными к восприятию освободительных идей и поэтому не ставили целью своей деятельности распространение их среди трудящихся масс Сибири, а также и России.

Будучи дворянскими революционерами, они хотя и сделали после поражения восстания большой шаг в сторону народа, но в силу своей классовой ограниченности в практической деятельности не смогли до конца преодолеть то расстояние, которое лежало между ними и народом.

Именно классовая ограниченность, давлвшая над декабристами и после поражения восстания, заставила их в своей практической деятельности в Сибири сознательно ограничиться лишь работой по осуществлению просветительной программы, намеченной ими в отношении Сибири и рассматривавшейся как часть общеполитической борьбы против крепостничества и самодержавия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С поражением восстания 14 декабря 1825 года декабристы не сошли со сцены общественно-политической борьбы второй четверти XIX века.

Пережив в период следствия кризис политических взглядов часть декабристов в условиях разложения феодальной системы хозяйства, обострения классовой борьбы внутри страны и революционных событий на Западе отказалась от революционной тактики и перешла в лагерь либерализма. Другая же часть участников движения преодолела кризис своих взглядов и осталась верной не только программе движения, но, проанализировав причины поражения восстания и изучив свой и западноевропейский революционный опыт, пошла дальше, в сторону революционного просветительства.

Н. Бестужев, Лунин, Завалишин, Горбачевский, П. Борисов, Поджио и другие по-новому поставили вопрос об участии народа в революционной борьбе.

Придя к выводу о том, что поражение 14 декабря произошло в силу отсутствия в России «просвещенного» народа, который не мог оказать им помощи в борьбе с царизмом, а в случае победы воспользоваться ее плодами, декабристы в сибирский период жизни просвещению народа стали придавать еще большее значение нежели до 14 декабря. Если до 14 декабря просвещение народа являлось только частью общеполитической борьбы и основная тяжесть в борьбе с царизмом переносилась на революционное выступление, то после поражения восстания центр тяжести в общественно-политической борьбе падает на просвещение, которое, по мнению декабристов, в условиях монархии явится «шагом к свободе», революционное же выступление относится в далекое будущее и возлагается на новое поколение, которое учтет ошибки их движения, привлечет к восстанию народ и будет действовать, не боясь кровопролитий и решительнее, чем они. Оказавшись в Сибири, где несмотря на отсутствие крепостного права, в силу колониальной политики царизма, материальное положе-

ние народных масс, а также их уровень просвещения и образования находились в далеко не блестящем состоянии, декабристы выступили за всесторонний подъем производительных сил, распространение просвещения и образования, рассчитывая, что они приведут к подъему самосознания масс и борьбе с колониальным гнетом, а в конечном счете, с царизмом.

Просветительная работа декабристов, раскрывавшая неспособность царизма использовать огромные производственные возможности Сибири, критика ими «сатрапской» формы управления краем и выявление злоупотреблений местной администрации от мелких чиновников до генерал-губернаторов воспитывали народные массы Сибири в духе ненависти не только к слугам царизма в этом крае, но и ко всей системе колониального управления краем и всему самодержавно-крепостническому строю России

Практическая деятельность декабристов в Сибири, эволюция их взглядов по вопросу о месте просвещения в борьбе с самодержавно-крепостническим строем в России, т. е. признание необходимости распространения просвещения и образования не только с целью подготовки народа к народовластию, как это было 14 декабря, но, прежде всего, с целью подготовки его к сознательному участию в революционном движении и коренных преобразований страны, горячая ненависть к крепостному праву и всем его порождениям, пронесенная через казематы и ссылку, наконец, их взгляды на Сибирь и программа всестороннего подъема с ее требованием предоставления Сибири свободы и самоуправления, позволяют характеризовать передовых из них как — просветителей-революционеров второй четверти XIX века. В. И. Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся», характеризуя просветителей 40—60-х годов XIX века, писал: просветитель «...одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому»⁴⁵⁹).

⁴⁵⁹) В. И. Ленин Соч., т. 2, изд. 4, стр. 472

Этими чертами В. И. Ленин характеризовал революционных просветителей 40—60-х годов XIX века Н. Г. Чернышевского, Добролюбова. Но все эти черты присущи и декабристам в сибирский период их жизни и могут быть с полным основанием применимы к ним.

Декабристы жили и трудились в Сибири в тот период, когда на сцену общественно-политической борьбы выходило новое поколение революционеров-разночинцев, появление которых возвестил своей деятельностью В. Г. Белинский. Порожденные новыми социально-экономическими условиями и обогащенные опытом революционной борьбы первого поколения революционеров, разночинцы идут дальше своих предшественников — прочно встают на позиции народной революции, хотя придают огромное значение просвещению в деле прогрессивного развития общества. Участие народа, основной его силы — крестьянства — в революционном движении ими не оговаривается никакими условиями. Оно признается главной движущей силой революционного преобразования страны.

Лучшие же представители первого поколения революционеров (Лунин, Бестужевы, Якушкин, Горбачевский, Борисов, Поджио, Завалишнн) и после поражения восстания, несмотря на большой шаг в сторону демократизации своих взглядов, не смогли до конца порвать с дворянской ограниченностью, что нашло свое выражение в том, что участие народных масс в революционном движении оговаривалось ими. Они признали необходимым сначала просветить народ, поднять его сознательность, т. е. подготовить к участию в революционном перевороте, и только тогда использовать его революционную стихию в борьбе с самодержавно-крепостническим строем.

Эта ограниченность взглядов позволяет говорить лишь о том, что мировоззрение передовой части декабристов после поражения восстания развивалось в сторону революционного просветительства, яркими представителями которого В. И. Ленин считал Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I — Эволюция взглядов декабристов в сибирский период их жизни	9
§ 1. Общая характеристика программы декабристов накануне восстания 14 декабря 1825 г.	—
§ 2. Следствие и суд	14
§ 3. Ссылка декабристов в Сибирь	27
Глава II — Взгляды декабристов на Сибирь и программа подъема ее культурного уровня и производительных сил	80
§ 1. Взгляды декабристов на перспективы развития Сибири	—
§ 2. Взгляды декабристов на состояние сельского хозяйства, промышленности, положение народных масс и культурный уровень Сибири	98
§ 3. Программа подъема производительных сил и культурного уровня Сибири	119
Глава III — Деятельность декабристов по подъему производительных сил и культурного уровня Сибири	134
Заключение	172

ГАЛИНА ПЕТРОВНА ШАТРОВА
Декабристы и Сибирь

Технический редактор Л. Г. Мордовина
Корректоры Р. И. Ковина и В. П. Сопина

КЗ00312 Сдано в набор 9/XII-61 г. Подписано к печати 6/VI-62 г.
Бумага 60×92¹/₁₆. Объем 11 печ. л., 5,5 бум. л.
Заказ 6746 Тираж 500 Цена 77 коп Цена в переплете 92 коп
Издательство Томского университета, г. Томск, пр. им. Ленина, 34 .

Типогр № 1 Полиграфиздата, Советская, 47.